

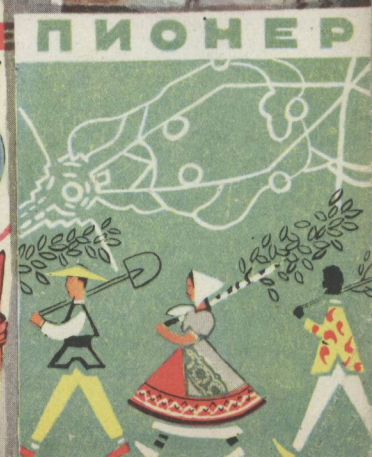
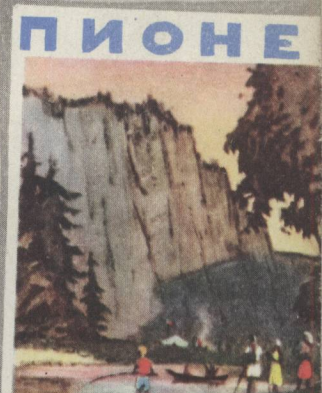
1924
1964

ПИОНЕР

МАРТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1964 г.

3

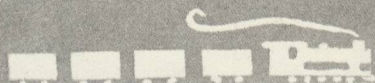

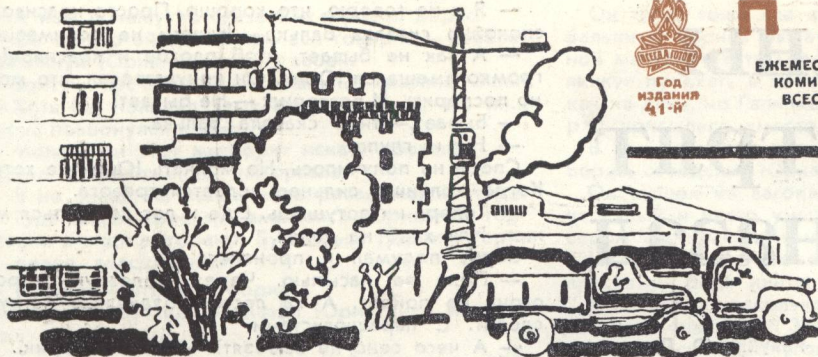
Здравствуйте, ребята!
Знаете, почему сегодня на моей
обложке так много предыдущих обложек?
Потому, что у **МЕНЯ ДЕНЬ**
РОЖДЕНИЯ. Мне исполнилось
40 ЛЕТ. Почти с самых первых
дней жизни нашей славной Пионер-
ки шагаю я рядом с ней. Дела
пионеров, их радости и заботы, всё,
чем живут ребята, живет и на
моих страницах. Пишите мне,
эти страницы всегда открыты для
ваших подвигов, для ваших споров,
для ваших игр, для ваших секретов.
ВСЕГДА ГОТОВ БЫТЬ ВАШИМ
СПУТНИКОМ И ДРУГОМ!
С пионерским салютом
ВАШ ЖУРНАЛ "ПИОНЕР"

Куда: Во все
города и села
Всем ребятам

Кому:

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Давайте выйдем!

Э. МОШКОВСКАЯ

Рисунки А. Брея.

Что нам сидеть,
глядеть в окошко!
Что там в окошке?
В окошке — немножко!

Неба —
немножко.
Снега —
немножко.
Села кошка,
закрyla окошко.

А если выйдем,
много увидим!
Неба —
много,
снега —
много,
а еще —
большая дорога.
А еще —
вот что:

едут всякие там
авто.

Вот
авто
шуршат, серебристы...
Едут
кто!
Триста туристов!

Едут
школьники,
едут
с песней,
едут школьники
на воскресник!

Едут люди
из детского сада.
В зоологический сад
им надо!

Вот машина кричит, фырча.
Крича,
фырча,
мчит
врача!

Эта кряхтит:
диван,
пианино
и гардероб
тащит машина.

Люди в машине
все веселятся:
люди в машине
едут вселяться!

А по бокам
стоят домины...
А за домами
дымят
дымины!

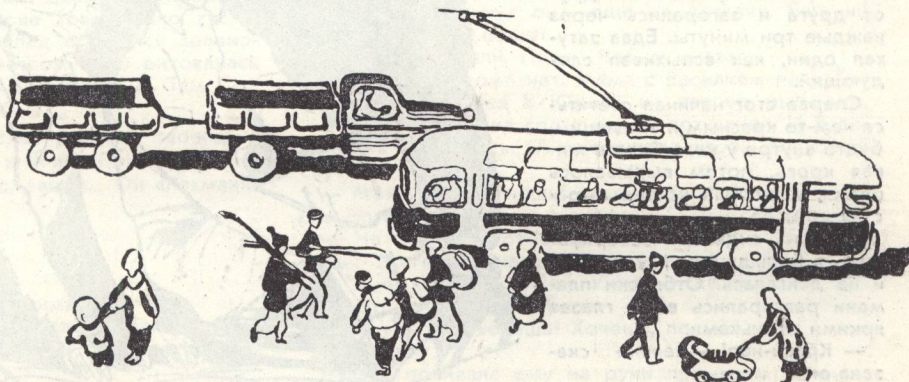
А что за домами,
а что за дымами,—
выйдем мы с вами,
увидим
сами!

Что нам сидеть,
глядеть в окошко!

Что там в окошке!
В окошке —
немножко!

А если выйдем,
много увидим.

Что нам окошко,
давайте
выйдем!

№ 3

издательство

„Правда“

март
1964

Капитаны не смотрят назад

В. КРАПИВИН

Рисунки Ф. Лемкуля.

Вечер был синим. Казалось, что синий он не от сумерек, а от прозрачного тонкого дыма, который наполнил с востока. На высохших болотах горел торф.

Борис и Юрий сидели на чердаке у широкого квадратного окна. Валька вскарабкалась к ним.

— Пустите-ка.

Они молча подвинулись.

— Не приехал? — спросил Юрий. Он знал, что спрашивает зря, но было трудно сидеть так и молчать. Он вообще не мог молчать долго.

Валька медленно качнула головой:

— Не...

— Черти его носят! — сказал Юрий Борису.

Борис не ответил.

Воздух был пропитан запахом горящего торфа — не сильным, но едким и каким-то тревожным. Огонь скрытно полз по торфу под тонким слоем почвы. Еще днем путь его можно было проследить лишь по белым змейкам дыма и редким язычкам пламени на стеблях высохшей травы. А сейчас за поселком горели стога. Огонь подбирался к ним снизу, изнутри. Они стояли на равном расстоянии друг от друга и загорались через каждые три минуты. Едва затухал один, как вспыхивал следующий.

Сперва стог начинал светиться чем-то красным и зловещим, будто внутри у него билась живая кровь, потом вырывалось пламя, и желтый костер вырастал до неба.

Валька сидела, завернувшись в большую кофту матери, и не двигалась. Отблески пламени разгорались в ее глазах яркими огоньками.

— Красиво! — певуче сказала она.

— Шарик у тебя работает? — хмуро спросил сестру Борис. — Там сено горит, а она «красиво»... Нашла чего хорошего,

— Я и не говорю, что хорошо. Просто красиво, — спокойно сказала Валька. — Ничего не понимаешь...

— А так не бывает, чтоб плохое и красивое! — громко вмешался Юрий. Он почувствовал, что можно поспорить. И повторил: — Не бывает!

— Бывает, — тихо сказала Валька.

— Ну и глупо!

Спора не получилось. Но молчать Юрий не хотел. Когда молчишь, сильнее делается тревога.

— Теперь не потушишь. Еще и лес загореться может. Или хлеб на полях.

Борис подумал и произнес:

— Поля за насыпью. Через железную дорогу огонь не пойдет. А за лесом воздушные патрули следят. С парашютистами.

— А чего сено не вывозят? — спросил Юрий.

— Не успели, значит. И машины все на уборочной.

Снова запылал стог. Если говорить по-честному, Юрке тоже нравилось смотреть, как они горят, но он ни за что бы не признался в этом, раз Борис недоволен. И со злостью сказал:

— Какой-то дурак окуроч бросил, вот и пошло...

— И никакой не окуроч, — своим протяжным голосом заговорила Валька. — Это все от метеорита загорелось. Мне рассказывали.

— Кто тебе рассказывал? — огрызнулся Юрий.

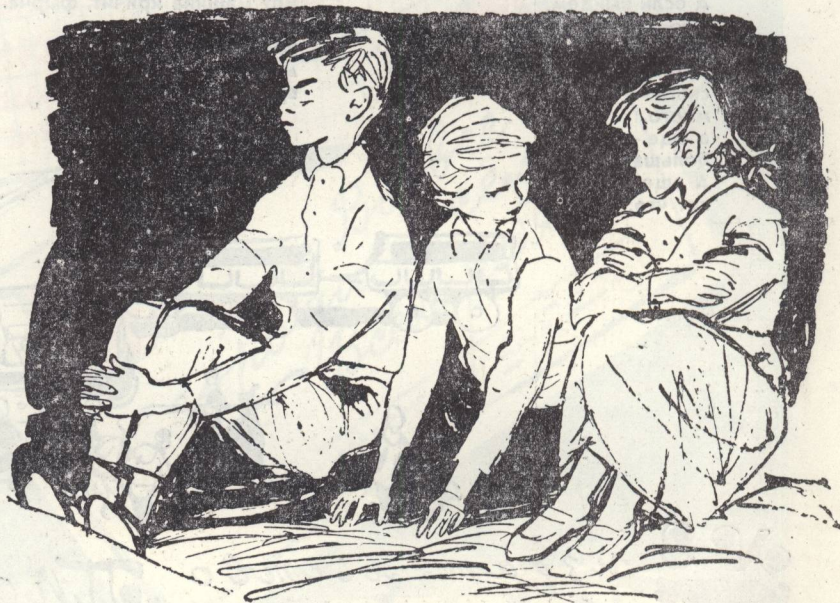
— Ну, Алешка рассказывал.

— Слушай ты его больше, — сказал Борис. — Он наговорит... Тоже вот сказал сегодня: «Один часик покатаюсь». Теперь ищи ветра... Ночь уж скоро.

— Слышь, Борь, — вкрадчиво заговорил Юрий, — он ей всякую чепуху насочиняет, а она верит. Тогда тоже какую-то горюшку в лесу увидел и говорит, что курган. И потащил ее клад искать. А нашли, знаешь, что? Ха...

— Да ну тебя, — сказал Борис.

— А про метеорит все равно правда, — вздохнула Валька. — Вы ничего не знаете, потому что спали, а Алешка не спал и все видел, как звезда упала на болото, видел. А утром уже горело.

— Не приехал? — спросил Юрий.

— А нам почему не сказал? — спросил Борис.
— Он только ей одной про все говорит, — невесело хихикнул Юрик. — Невесте своей.
— Болтун несчастный! — печально сказала Валька. — Хоть бы полечил язык свой длинный, что ли...
Борис повернулся к ней.
— Может, он этот метеорит искать поехал?
Валька встревоженно заморгала.
— Я не знаю. На велосипеде разве можно туда?
— Туда никак нельзя, — вмешался Юрик. — В торфе такие ямищи выгорают. Бухнешься туда и в горячем пепле задохнешься.
— Брехня! — отрезал Борис.
— Если бы брехня!.. — сказал Юрик тихо и серьезно.

Еще один стог вспыхнул ярким, бездымным пламенем. Свет долетел до чердака и выхватил из темноты ребячьи лица. Толстогубый белобрысый Борис сидел насупившись. Круглое Юркино лицо было уже не насмешливым, а обеспокоенным. Валька смотрела прямо перед собой и грызла кончик тоненькой светлой косы. И вдруг побежала по Валькиной щеке блестящая точка — слезинка.

— Еще чего! — разозлился Борис. — Пореву еще. Ладно, что матери нет, а то бы уже на два голоса...
— А почему ее нет? — спросил Юрик, чтобы хоть что-нибудь сказать.

— Дежурит на станции. Она всегда дежурит по пятницам.

Валька выпустила из зубов косу.

— Сегодня пятница?

— Привет! — сказал Юрик.

— Я знаю, — быстро заговорила Валька, — он на реку уехал. Ой, что бу-удет...

— Что «бу-удет»? Почему на реку? — закипятился Юрик.

Но Борис уже вскочил. И первый спустился по лестнице.

— В какую сторону? — спросил он на ходу.

— Где обрыв. К сухой сосне, — тяжело дыша, сказала Валька. Она еле поспевала за мальчишками.

— Всего-то километра два, — тихо проговорил Борис. — Сто раз можно было съездить.

— Думаешь, потонул? — брякнул Юрик.

— Да помолчи! — крикнул Борис.

Улицу прошли быстро. Потянулся луг. Пересекли шоссе. Асфальт был еще теплый.

Желтые ромашки светились в темной траве. Круг земли, очерченный горизонтом, был уже укрыт сумерками. Небо на юго-востоке тоже стало густосиним, ночным. Но северо-запад оставался зеленовато-желтым, ясным, и на светлом небе рисовалась черная сосна с голыми кривыми сучьями. Там был обрыв над рекой.

— Зачем его туда понесло, Алешку твоего? — сквозь зубы спросил Борис у Вальки.

— Твоего!.. Я, что ли, знаю, зачем... Он «Рахманинова» провозить поехал.

— Кого?

— Ну, теплоход...

Борис плюнул на ходу.

— Хоть бы я что-нибудь понимал.

— У них всякие свои тайны, — забегая вперед, торпливо заговорил Юрик. — Он ей про все рассказывает. А нам ничего.

Валька всхлипнула:

— Я, что ли, виновата?

Разве она была виновата, что ей, а не им все рассказывал Алешка?

Прошлым летом было не так.

Он тогда тоже все каникулы прожил у них. Мать Вальки и Бориса была хорошей подружкой Алешкиной матери — тети Гали. Она давно звала «свою Галинку» приехать в поселок, где лес и река и совсем как на даче, но Галинка не могла и второе лето подряд присылала вместо себя сына.

В том году они все пошли встречать его — мама, Борис, соседский Юрка. И она, Валька, пошла.

Он вышел из вагона, маленький, тщательно причесанный и чисто умытый на дорогу, в аккуратном сером костюмчике и черном беретике на затылке...

Ну и что же, что она подумала, будто Алешка красивый? Ведь никто этого не знал.

А он через несколько дней превратился в обыкновенного мальчишку. Забросил свою курточку с большими красивыми пуговицами и беретик с блестящим значком, изодрал о футбольный мяч новые желтые сандалии. Волосы отросли и стали растрепанными. Пропылвился он и загорел, потому что целые дни носился где-то с мальчишками. И так же, как они, дразнил ее, когда надоедала:

По болоту шла Валушка —
Позолоченное брюшко!

Спали они, как и нынче, на чердаке. Втроем — Алешка, Борис и Юрик. Там у них был какой-то штаб. Там они делали себе луки с легкими тростниковыми стрелами. А Вальке не делали. Ну и не надо, она и сама умела. Только ей не хотелось...

А в этом году все получилось иначе. Алешку никто не встречал. Он приехал неожиданно и пришел со станции один. В том же черном берете и сером костюмчике, из которого уже сильно вырос.

Валька поливала в огороде огурцы.

— Алешка, ой!.. — растерялась она.

Он сказал:

— Что ойкаешь? Пчела, что ли, укусила?

— Не... Не укусила, — ответила она и смутилась. — А почему не написал, когда приедешь? Мы бы встретили.

— И так знаю дорогу, — сказал он, стаскивая с плеча лямку маленького рюкзака. Вдруг посмотрел на Вальку и удивился:

— Ты длинная какая стала!

— И ты... — Валька несмело улыбнулась. — Тоже какой-то... как журавль длинноногий.

Она тут же испугалась. И чтобы Алешка не вздумал обидеться, добавила:

— Теперь на Васи́льином велосипеде с седла до педалей достанешь, наверно.

— Нет, — вздохнул он, — еще не достану. Еще на раме придется ездить.

И они замолчали. Потом Валька сказала:

— Наших-то дома нет. Мама с Василием на работе, а Борис пошел с Юркой на карьер рыбачить.

— У-у... — Алешка сразу как-то потускнел. И Валька опять испугалась. Она не хотела, чтобы ему было скучно.

— Может, отдохнешь? — нерешительно спросила она, потому что знала: с дороги полагается отдыхать.

— Не хочу, — отмахнулся Алешка. — Думаешь, устал? Всего три часа в поезде...

— А пыльный-то какой. Ужас! — сказала она.

— Это я в окне торчал.

— А умыться хочешь? Хочешь, полью?

— Полей.

Валька поливала ему на руки прямо из лейки и думала: сказать или не сказать? Ей было не жалко своей тайны, но Валька боялась, что Алешка будет смеяться.

И все-таки она решилась. Ведь нельзя же, чтобы он с первых минут заскучал здесь.

Чудовище оказалось обломанным стволом кривой березы.

— А хочешь... Хочешь, покажу чудовище?

— Где? — быстро спросил он.

— А близко. В роще за кладбищем.

— Хочу.

И они побежали, бросив среди гряд тощий Алешкин рюкзачок и зеленую лейку, из которой, булькая, выливалась вода...

Алешка не смеялся. Чудовище оказалось просто обломанным стволом кривой березы, но Алешка не смеялся.

— У-у, — тихо протянул он. И сказал смущенной Вальке: — Это белый дракон.

Выгнутая книзу, расщепленная верхушка ствола походила на страшную голову с ощеренной пастью. Черный сучок-глаз бешено смотрел с высоты.

— А другого глаза нет, — озабоченно сказал Алешка. Скинул сандалии, с трудом вскарабкался по стволу и сел дракону на шею. Потом вытащил перочинный ножик и стал выцарапывать на морде чудовища второй глаз.

— Ой, свалишься, — прошептала Валька.

Он не свалился, но порезал палец.

— Говорила я, — взрослым голосом сказала Валька. — Подожди, найду подорожник.

Сунув палец в рот, Алешка пробормотал:

— Здесь нозыком бесполезно. Нузен топор...

— Сбегаем? — предложила она робко.

— Сбегаем!

Они побежали напрямик, по большой запутанной траве, и Алешка бежал рядом и смеялся, все еще держа палец во рту.

Дома по-прежнему никого не было, и они взяли плотничий топор Василия — младшего брата Валькиной матери. Сделали чудовищу второй хороший глаз, приладили костлявые лапы из сучьев и гриву из прошлогодней травы.

Вечером соседская бабка Анюта, крестясь, рассказывала женщинам, что по дороге на кладбище видела нечистую силу. Валька и Алешка тихо смеялись, а Борис и Юрик ничего не понимали...

И потом они не понимали многого. Юрка однажды сказал хмурому Борису:

— Мамочкиным сыном он стал. Жених...

Ну и пусть! А про теплоход все равно Алешка рассказал ей одной.

Это была его тайна.

Так получилось. Он катался на большом велосипеде Василия, ехал, куда поведет тропинка, и она привела его на обрывистый берег к сухой одинокой сосне. Алешка удивился: почему не спилат на дрова это дерево без единой зеленой иголки?

Из-за дальнего поворота показался теплоход. Высокий, быстрый. И белый. Он двигался не посередине реки, а к правому берегу, прямо на сосну и на Алешку. Но потом развернулся и пошел вдоль обрыва, поблескивая белыми буквами названия: «Рахманинов».

И Алешка понял: сосна — это знак для капитанов.

— Это чтобы правильно вести судно, — объяснил он потом Вальке. — Чтобы выбирать путь, где река глубже...

Через неделю «Рахманинов» возвращался из рейса. И Алешка снова поехал на берег. И когда теплоход опять уходил на север, Алешка стоял у сосны и смотрел, смотрел...

— А другие пароходы тебе не нравятся? — спросила Валька.

— Я не знаю, — вздохнул он. — Другие какие-то не такие.

— Этот красивый, — сразу согласилась она.

— Он как морской, — тихо сказал Алешка. — Он, говорят, ходит в Обскую губу. А там уже море...

И сегодня Алешка уехал смотреть, как мимо пройдет «Рахманинов». Днем еще уехал.

Валька очень боялась, что они найдут у сосны одинокий велосипед. Но его не было. Не было его и под обрывом, на песке.

— Могли же украсть, — уныло сказал Юрка. — Если Алешка потонул, велик увести могли.

— Городишь сам не знаешь что! — разозлился Борис. — Здесь и не бывает никто почти.

— А может, бывает...

— В чем он уехал? — спросил Борис у Вальки. — Да перестань ты носом хлюпать!

— Я, что ли, знаю... В трусах, в майке.

— Босиком?..

— В сандалетах.

— Ну, вот. Они-то все равно бы остались. Кому они нужны? Там дыры в подошвах — каждая с пятак. Айда домой, может, он приехал. Я ему морду набью, маминую сыночку.

— Тебе бы только бить, — всхлинула Валька.

Они торопливо зашагали назад.

— Может, правда, приехал? — шепотом сказала Валька.

— Сейчас Василий придет. Надо сказать, что Алешка потерялся,— бросил Борис.

— Ничего и говорить не надо,— вздохнул Юрий.— Он сам спросит, где велосипед. Ему же на танцы с Зойкой надо ехать.

— Все ты знаешь,— сердито сказал Борис.

— А чего? Знаю! И Алешка знает. Фигу ему Василий даст еще покатайся. Не понимает, что ли, ваш Алешка?

2

он все понимал. Но с самого начала ему просто не везло.

Виноваты были машины.

Они шли и шли нескончаемой цепью. Алешка насчитал пятьдесят четыре и сбился. Мелькали, мелькали зеленые кузова с белой надписью «Уборочная». А за стеклами кабин

Алешка видел лица водителей, усталые и равнодушные. Водителям не было дела до Алешки.

Ни один из них не нажмет тормоз!

И надо ждать, ждать, пока не пройдет этот гудящий поток. Лишь тогда можно будет пересечь шоссе и снова помчаться, налегая всей тяжестью на педали. И уже не по тропинке, а напрямик, подминая колесами желтые высокие ромашки. Потому что надо спешить.

А машины, кажется, не спешили. И Алешка уже ненавидел их, тупомордых, тяжелых, гудящих надоедливо и бесконечно. Они закрыли ему путь к берегу! И ползли, ползли по горячему от солнца асфальту. А время летело...

Он опоздал.

Когда хвост автоколонны вытянулся из леса, Алешка сквозь гул моторов услышал гудение теплохода. Вернее, не услышал, а просто почувствовал чуть заметный двойной толчок воздуха. Значит, «Рахманинов» уже показался из-за желтого глинистого мыса.

И Алешка повернул назад.

Правда, он знал, что мог бы еще успеть и увидеть корму теплохода. Вдали, у нижнего поворота. Но зачем? Капитан все равно не заметит Алешку. Капитаны не смотрят назад. Им нельзя. Впереди опасная дорога: мели, перекаты.

Он опоздал. Значит, все было зря. Зря ездил на станцию, зря просил какого-то недовольного пассажира позвонить в город, на пристань. Сам Алешка звонить не мог: телефонистка знала его по голосу и бросала трубку. Он ей надоел. Пассажир торопился куда-то, но Алешка очень вежливо попросил его узнать, когда отчали «Рахманинов». И тот дозволил и узнал. И проворчал, подхватывая чемодан:

— В двенадцать тридцать по-местному. И зачем тебе? Все равно он здесь не останавливается...

Зачем? Будто все на свете можно объяснить!

Он и себе-то не мог объяснить как следует. Просто, когда белый трехпалубный теплоход появлялся из-за мыса, что-то непонятное делалось с Алешкой. Словно «Рахманинов» вез ему какой-то удивительный подарок. Или какую-то тайну...

Теплоход проходил мимо. Путь его лежал по синим лентам рек, окаймленных тайгой. А на берегу оставался Алешка, и ему было грустно. Он хотел, чтобы у него было что-то общее с теми, кто водит «Рахманинова» к морю. Чтобы он мог сказать: «Мой корабль». Но пока он мог только приходить на берег и смотреть, как белый теплоход проплывает мимо. И он приходил каждый раз, как на вахту. И смотрел.

Он думал, что, может быть, капитан заметит его — мальчика с велосипедом, всегда стоящего у сухой одинокой сосны.

А зачем надо, чтобы он заметил? Этого Алешка совсем не сумел бы объяснить. Даже Вальке, хотя она все хорошо понимала.

Но, может быть, будущим летом он с отцом поплывет на «Рахманинове» в Самарово — там живет папин товарищ. И Алешка где-нибудь на трапе встретит капитана и скажет:

— Здравствуйте. Вы помните сухую сосну на обрыве у поселка Белые Юрты?

— Да,— ответит капитан, потому что он, конечно, знает все береговые приметы.— Помню. Ну и что?— И нетерпеливо сведет брови.

— А помните, в прошлом году там всегда стоял велосипедист?

— Да, действительно,— вспомнит капитан.— Это было. А в чем дело?

— Так просто. Ни в чем,— скажет Алешка.— Это был я.

— Вот как? — слегка удивится капитан.— И что ты там делал? Всегда...

И Алешка ответит:

— Ждал вас.

Брови под лаковым козырьком разойдутся, и капитан не станет больше спрашивать. Капитаны понимают с полуслова. Он возьмет Алешку за плечо и поведет на мостик...

А что будет потом, Алешка придумать не мог. Но, наверно, что-то хорошее. Лишь бы капитан действительно заметил его.

И, кажется, это случилось. В прошлый раз.

Алешка поднял руку и нерешительно махнул теплоходу. Произошло удивительное: дрогнул воздух, и басовитый голос сирены трижды прозвучал над водой: та-а... та-а... та-а...

Кому сигнализировал «Рахманинов»? Раньше он никогда не гудел здесь, честное слово! Зачем давать гудки, если до поворота далеко, а впереди ни суденышка? И вообще никого кругом. Только Алешка на обрыве. Значит, это ему? Может быть, правда ему?

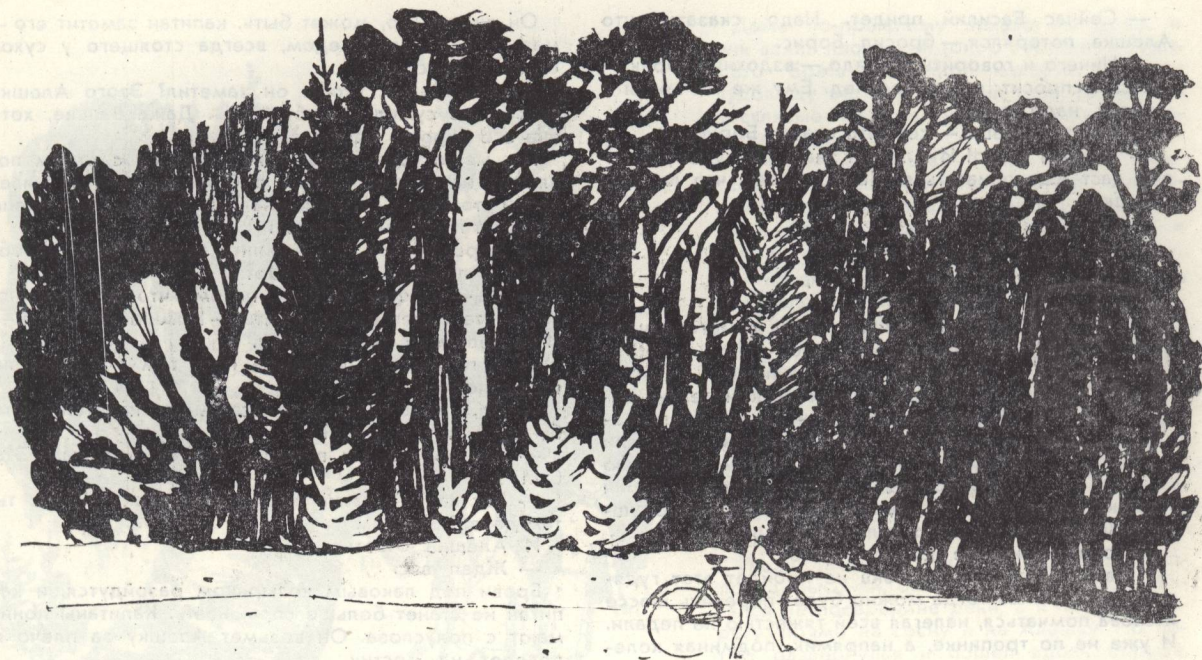
А в следующий раз, если снова махнуть рукой? Ответит? Но следующего раза не было. Помешали машины.

Домой Алешка не поехал. Не хотелось. Борис и Юрка собираются на старый карьер купаться, а может, рыбачить. Борис у Алешки спросит: «Пойдешь?» Алешка мотнет головой: «Не пойду». «Почему?» Ну, как ему объяснить? Сказать, что настроения нет? Борис только плюнет в лопухи — настроения еще какие-то! А Юрка ехидно зашепчет: «Ну и пусть сидит дома с невестой своей. Мы и без него... Ага, Борь?» И чего они злятся на Алешку? Будто он что-то плохое им сделал! Будто он должен ходить везде вместе с ними и делать все, что они делают! А если ему интересно что-то другое?

И, проезжая у березовой опушки, он свернул на чуть заметную тропинку. Увидел ее и сразу повернул, даже сам не ожидая этого. По лицу, по плечам, по коленям стегали мелкие листья. Зазвенели спицы, отбивая и перемалывая тонкие сухие ветки. Лицо залепила невидимая лесная паутина. Отплываясь, Алешка успел заметить толстого серого паука. Паук раскачивался на обрывке порванной мухоловковой сети, сердито шевелил ногами и, наверно, ругался.

Березняк скоро кончился, тропинка пошла под уклон, и велосипед, прыгая по корням, сам выехал на желтую песчаную дорогу.

Съехав задними колесами в травянистый кювет

Если свернуть налево, дорога выведет на тракт. Но чего Алешка не видел на этом тракте? Опять смотреть, как ползут грузовики? Он повернул направо и нажал на педали.

Там, где песок, ехать нелегко, если даже сидишь в седле. А если велосипед большой и надо стоять на педалях и в то же время крутить их, то совсем тяжело. И все же он ехал. Он вспомнил про машины и снова здорово разозлился на них. А когда злишься, то часто не замечаешь трудностей. И, кроме того, было интересно: что там впереди? И дальше, за поворотом?

За поворотом была машина.

Съехав задними колесами в травянистый кювет и наклонившись, на дороге стоял лесовоз. Прицеп его совсем лежал на боку, завалился в яму с рыжими осыпавшимися краями. Наверно, эта машина, которая везла несколько длинных сосновых стволов, задела прицепом о дерево на повороте. Прицеп съехал в яму из-под выкорчеванных пней и потянул грузовик в кювет.

Тяжелые стволы порвали стягивающую цепь и грозили совсем развалиться.

Алешка остановился. Он не мог не остановиться, не порадоваться. Он еще слишком сердит был на всех шоферов на свете, и ему казалось справедливым, что хоть один из них прочно засел в яме. Так и надо! Это им не по шоссе ездить!

Из-за кабины вышел водитель. Невысокий, круглолицый, с рыжеватым ежиком волос. И совсем еще молодой. На лице у него было такое выражение, будто он только что получил взбучку от начальства.

Водитель подошел к переднему колесу и с беспомощной злостью ударил ботинком по шине. Это было смешно. Алешка злорадно сказал:

— Теперь не выбраться. Никак.

Шофер оглянулся. Он только сейчас увидел Алешку, но, кажется, не удивился. Лишь спросил:

— А чего скалишься? Весело?

«Скалишься!» Алешка, наоборот, сдерживал смех. Но теперь он сказал:

— Весело, конечно.

— Ну и катись отсюда, если весело, — мрачно произнес парень.

Ничего особенного он, кажется, не сказал, но обида вдруг прихлынула к Алешке, большая и горячая.

— Катись?! — крикнул он удивленному парню. — Куда ни сунешься, везде катись, да? Весь тракт забили — не проскочишь, и отсюда тоже катиться? Ваша, что ли, дорога?

Шофер стоял у колеса, моргал рыжими ресницами и молчал. Алешке стало неловко: раскричался, как капризная девчонка. Только зареветь не хватало. И чтобы как-то оправдать перед водителем эту вспышку обиды, Алешка сердито пробормотал:

— И так опоздал из-за этих ваших грузовиков... Ползут и ползут, всю дорогу закрыли. Хоть бы один остановился...

— Не остановятся, — миролюбиво объяснил шофер. — Это же колонна. Поток. Я сам на тракт выходил, думал, попрошу кого-нибудь, чтобы выбраться помог. Черта с два! Идут и идут. Торопятся.

Алешка оттопырил губу.

— Торопятся! Как черепахи...

— Да нет, торопятся, — серьезно сказал водитель. — Вот и я торопился. Надо было по тракту ехать, а я... Он сунул руки в карманы и виновато поежился, будто оправдывался перед Алешкой.

«Видно, мало еще водил лесовозы, — подумал Алешка. — Это, наверно, трудно — водить их...»

Шофер, не глядя на Алешку, вдруг тихо спросил:

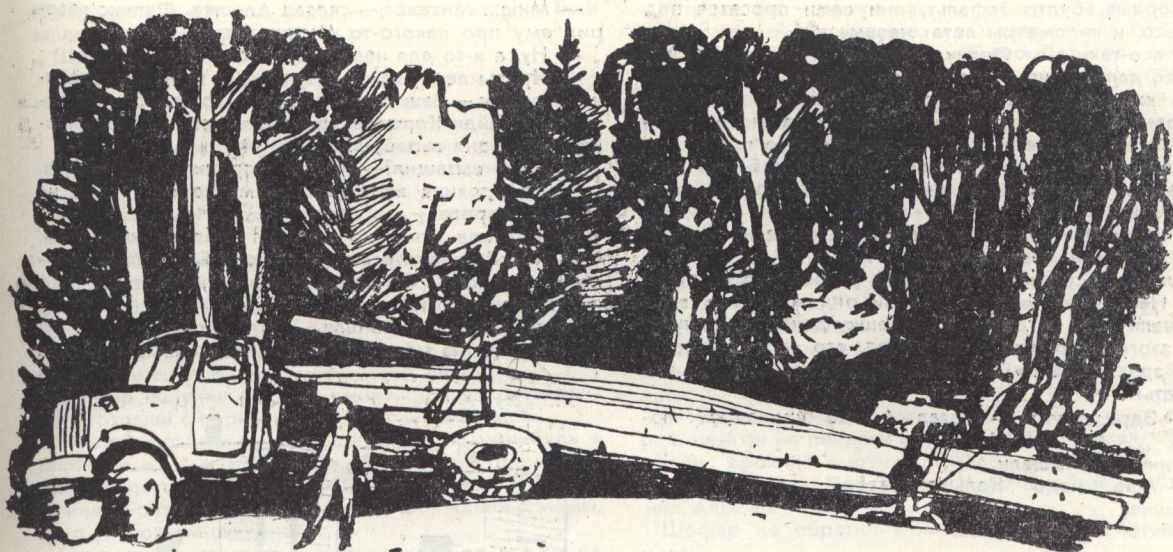
— Слышь, парень... Одолжи велосипед?

— Что-о?

— Ненадолго. Съезжу только за тягачом.

— Куда? — машинально спросил Алешка. Он совсем не собирался давать велосипед. Даже качнул его для пробы: легко ли тронуть с места, если придется отступать? Но водитель понял его «куда» как

и наклонившись, на дороге стоял лесовоз.

согласие. И заговорил, коротко взмахивая веснушчатыми ладонями:

— Близко совсем, там наши работают. Ну не сидеть же мне здесь, там люди ждут, им столбы нужны позарез.

Алешка поглядел на желтые со смолистыми подтеками стволы и понял: «Это столбы».

— Не мой велосипед,— насупившись, сказал он.

Парень как-то сразу сник. И проговорил, будто ища сочувствия:

— И чего меня здесь понесло? Искать будут — в жизни не найдут. Пешком, что ли, топать на ток?

— Куда? — удивился Алешка.

— Да на ток... Полевой стан там, а рядом зерноочистительный ток оборудуют. Не понимаешь, что ли? Движки есть, зернопульта есть, а столбов нет. По земле, что ли, провода тянуть?

Алешка молчал. Он понимал, что по земле провода тянуть нельзя.

— Ты, может, за велосипед боишься? — спросил шофер. — Да не бойся. Я же от машины никуда не денусь. Да на Малом Торфянике меня любой знает. Улица Гоголя, дом три, Феликс Ерохин.

«Феликс!» — усмехнулся про себя Алешка. Людей с таким именем он представлял высокими, сильными и молчаливыми. Вот Дзержинский — это Феликс. А тут что? Маленький, лицо, как блин, глаза испуганные — боится, наверно, что попадет за аварию.

— Жмот! — вдруг резко сказал Феликс. Нет, глаза не были испуганными. Они стали зелеными и злыми.

Алешка хотел обидеться и не сумел. Не получилось. Он только снова объяснил:

— Если чужой велосипед... Мне к четырем часам домой надо.

— Я бы успел до четырех десять раз обернуться. Туда и обратно всего километров пятнадцать. А сейчас пятнадцать минут третьего. Это же легкая

машина, — он показал на велосипед. — У меня такая же была. Соседские пацаны добили.

Алешка молчал.

— Надо сегодня поставить столбы. Завтра на ток зерно повезут.

— Может, кто-нибудь поедет здесь и вытащит, — глядя вниз, сказал Алешка.

— Поедет! Кто сюда сунется? Это я, дурак, полез. Зеркала нет в кабине, смотреть назад нельзя. Дорога такая, что не оглянешься. Вот и зацепил.

«Он все-таки плохой шофер, — подумал Алешка. — Догадался же сунуться с такой машиной на эту дорогу... Но что ему было делать? Назад не то что повернуть, но и посмотреть было нельзя!»

— Сидишь тут, как на другой планете, — с унылой злостью сказал Феликс и опять пнул колесо.

Как на другой планете... Алешка прислушался. На дороге стояла густая, пропитанная смолистым запахом тишина. Медленно качались верхушки сосен. Совсем бесшумно качались. Мохнатые тени тихо плавали по дороге. Где-то совсем далеко жужжал мотор автомашины.

Это, конечно, очень плохо — сидеть здесь и ждать случайной помощи. Ждать почти напрасно.

— Ну, дашь? — в упор спросил Феликс.

— А мне сидеть здесь, пока ты... пока вы ездите? — тихо сказал Алешка.

Феликс наморщил маленький лоб, глянул на Алешку быстро и осторожно.

— Слушай, парень. Я бы тебе все объяснил. Если по тропинке вдоль насыпи, то еще ближе будет, чем по дороге. Машину-то оставлять мне тоже неохота. Может, съездишь?

Тропинки вдоль насыпи... Если вы часто ездите в поездах и любите стоять у вагонного окна, то знаете: эти узкие тропинки везде бегут вдоль железных дорог. То взлетают на снегозащитный гребень, то спускаются в ложбину, вьются между кустов, тянутся от столба к столбу, обрываются у темных речек

и чудом возникают на другой стороне. По ним, как и по рельсам, объехать можно всю страну.

Твердые, будто асфальт, они сами просятся под колесо, и километры летят незаметно...

А все-таки этот Феликс наврал. Стан оказался гораздо дальше, чем он говорил. Алешка насчитал десять километровых столбов, прежде чем увидел в стороне от насыпи длинные навесы и зеленые вагончики. Далеко среди желтого пшеничного поля.

Алешка подкатил к поезду. От шлагбаума разбегались дороги. Одна, пыльная и неширокая, вела к стану.

У горизонта ползли комбайны, похожие на припавших к земле кузнечиков...

Алешка остановил велосипед у крайнего вагончика. Несколько человек стояли рядом и все враз кричали друг на друга. На Алешку даже не глянули. Он этого не ожидал. Он думал, его спросят сразу: «Ты здесь зачем?» Тогда бы он объяснил. А так что делать?

— Здравствуйте,— сказал Алеша кричащим людям.

Они не слышали.

— Мне надо Колыванцева! — громко заявил Алешка.

Никто не обернулся.

— Мне Великанова,— пробормотал Алешка.

— Какого еще Великанова? Трое их.

— Миш... Михаила,— сказал Алешка. Феликс говорил ему про какого-то Мишку Великанова.

— Ну, а я-то для чего? Ищи этого Михаила.

— Ну, вы послушайте,— громко и жалобно произнес Алешка.— Ваш Ерохин застрял со столбами и говорит: «Найди Колыванцева, пусть пошлет Великанова, чтоб меня вытащил!»

— Кого вытащил? — хрипло спросил Колыванцев.

— Да Ерохина же! Два километра от тракта, на старой дороге.

Колыванцев отчаянно хлопнул себя по карманам.

— Какой дьявол его туда понес?! Где я тебе возьму Великанова?! Он здесь раз в сутки бывает! Чего чепуху-то молоть!

Алешка отступил на шаг.

— Что вы на меня кричите? — тихо сказал Алешка.

— Мне надо Колыванцева! — сказал Алешка.

Тогда он положил велосипед, шагнул к ним и, собравшись с духом, кого-то потянул за рукав.

На Алешку глянули сердитые, непонимающие глаза:

— Ну?

— Мне надо Колыванцева! — отчаянным голосом повторил Алешка.

— А я при чем? — Вдруг человек посмотрел куда-то через Алешку и крикнул с явным облегчением: — Дмитрий Васильич! Иди! К тебе тут...

Колыванцев был высокий, в пыльных до белизны сапогах, в сером пиджаке и полотняной фуражке, которая когда-то была белой, а теперь стала одного цвета с пиджаком. Худое небритое лицо показалось Алешке сердитым.

— Что нужно? — спросил Колыванцев и, не дождавшись ответа, повернулся к спорящим: — Хоть орите, хоть нет. Зернопульты я вам вручную, что ли, буду крутить? — И опять нетерпеливо взглянул на Алешку. — Чего тебе?

Он еще хотел добавить, что не заставлял Ерохина опрокидывать прицеп, а Великанова — лишь раз в сутки приезжать на полевой стан... Но Колыванцев замолчал, вздохнул и неожиданно спросил:

— Есть хочешь?

Алешка посмотрел в глаза Колыванцева — припухшие, усталые и немножко виноватые. Вытер локтем вспотевший лоб и кивнул. Он и правда хотел есть.

Они прошли через широкую утрамбованную площадку. Слово кто-то расчистил здесь футбольное поле. По краю площадки было вырыто несколько узких глубоких ям. «Для столбов», — понял Алешка. — Может быть, еще успеют поставить сегодня? Интересно, что такое зернопульты?»

— Уморился, пока ехал? — на ходу спросил Колыванцев.

— Да нет,— сказал Алешка и постарался шагать пошире.

— Все же без седла, на ногах. Километров двенадцать накрутил.

— Подумаешь,— сказал Алешка и вспомнил Юркин язвительный шепот. Собирались на рыбалку, и Юрка шептал: «Ну его, Борь, мамино сыночка. Еще заплачет по дороге, что устал...»

Шиш тебе, Юрка!

У дальнего вагончика дымилась походная кухня, похожая немного на старинный паровоз.

— Катюша! — позвал Колыванцев.

Маленькая смуглая Катюша выскочила из-за кухни. «Будто прокопчилась здесь у огня», — подумал Алешка, и ему почему-то стало смешно.

— Осталось у тебя что-нибудь? — спросил ее Колыванцев.

Блестя белками глаз, Катюша затрещала:

— Ой, господи, Дмит-Васильич, ковалевцы не приезжали, Мохин не приезжал, студенты тоже. Совсем, что ли, не будут обедать? Куда я буду все это девать?

— Покорми человека.— Дмитрий Васильевич подтолкнул Алешку в спину шершавой ладонью.

Алешка получил полную чашку супа из разваренной картошки с коричневыми крупинками мяса.

Раньше, когда мама водила его к кому-нибудь в гости, он всегда отчаянно смущался за столом. Давился пирогом, захлебывался чаем и от неловкости начинал болтать ногами, что, по утверждению мамы, было уж совсем скверно.

А тут он не стеснялся. Нисколько. Сел прямо на землю, опустил ноги в яму для столба, поставил посудину на колени и взялся за ложку. Но алюминиевое дно обжигало колени. Тогда Алешка отошел к траве, лег на живот, поставил чашку перед собой. Сейчас же из травы попрыгали в суп крошечные зеленые букашки. И сварились. Алешка вздохнул:

— Вот сумасшедшие.— И стал вылавливать их кончиком ложки. Но прыгали все новые, и он махнул рукой.

Суп был горячий, и Алешка глотал, не разбирая вкуса. Краем глаза он увидел, как лихо подкатил тяжелый грузовик. Из кузова сбросили доски и осторожно спустили какой-то мотор.

К водителю подошел Колыванцев. Что-то сказал, и громадная машина послушно попятилась, развернулась и пошла назад, поднимая летучую пыль.

Алешка отнес посуду Катюше.

— Добавку? — спросила она.

Он засмеялся и замотал головой.

— И куда я все это дену? — жалобно глядя на котел, протянула Катюша.

На другом конце тока Алешка разыскал велосипед. Подъехал к Колыванцеву.

— Уже? — рассеянно спросил тот.

— До свидания,— сказал Алешка.— Мне к четырем обязательно надо домой.

— К четырем?

Дмитрий Васильевич вздернул рукав и показал часы. Было три минуты пятого.

Дорога прямая и ровная. Грузенный «ЗИЛ» идет мягко. Лишь изредка его тряхнет на случайной кочке. Тогда у велосипеда бренчит звонок и начинает медленно крутиться заднее колесо. Велосипед лежит у кабины, воткнувшись рулем в зерно. Алешка сидит рядом. Сидеть хорошо. Он зарыл в пшеницу ноги. Зерно сухое и прохладное. И поэтому даже солнце кажется не таким жарким. Да и не высоко оно, не так, как в полдень. Ветер бьет навстречу короткими хлесткими волнами. Эти волны пахнут теплой сухой землей, дымом торфа и смолистым воздухом леса.

Так бы ехать и ехать все время.

Но Алешке надо скорее домой. Василий, наверно, пришел уже и спрашивает, где велосипед. Он требует, чтобы к его приходу «машина» всегда была на

месте. Нужно спешить. Поэтому и едет Алешка на грузовике.

Устроил его Колыванцев. Он вышел на дорогу и махнул первой же машине, и та затормозила, подняв перед собой серое пылевое облако. Водитель высунулся из кабины. Это был очень пожилой шофер. И, наверное, он казался еще старше, чем был на самом деле. В морщины набилась пыль, и они стали резкими и темными. Лицо недовольное, даже суровое.

— Закурить есть? — спросил Колыванцев.

Шофер молча протянул пачку и щелчком выбил сигарету.

— В Юрты сейчас? — поинтересовался Колыванцев, отыскивая в кармане спички.

— В Юрты.

— Мальца захвати. Ему туда же.

Шофер мельком взглянул на Алешку.

— Я еще в Боровое заскочу. Зерно-то надо ссыпать.

— Ну, заскочишь, а потом в Юрты. Все равно скорее, чем он на педалях пилить будет. Приехал, понимаешь, Ерохина выручать. Устал, пока крутил.

— Я не устал. Просто мне надо быстрее,— объяснил Алешка.

Шофер не обратил внимания. Спросил Колыванцева:

— А с Ерохиным что?

— Сел в песке.

— Вот рыжий балалаечник,— сквозь зубы сказал водитель.

Почему «балалаечник», было непонятно.

— Дмитрий Васильевич, а поехали уже его вытаскивать? — озабоченно спросил Алешка.

— Поехали уже.

— Великанов?

— Нет, другой.

Колыванцев легко поднял в кузов велосипед и велел Алешке садиться в кабину.

— Можно я в кузове? — Ехать рядом с сердитым водителем Алешке не хотелось.

— Не бойся, не свалится твой драндулет,— сказал шофер.

— Я не боюсь. Просто я хочу в кузове.

— Только без дураков там. Сиди смироно...

И вот Алешка сидит. Смотрит с высоты и видит землю. Земля — это круг, опоясанный дымчатой кромкой лесов. Круг, желтый от спелых колосов, зеленый от листьев и трав. Он перехлестнут дорогами. По дорогам пылят машины. Вдали по насыпи тянется состав. Ходят в поле красные комбайны. А дальше, за насыпью, стелются над жухлой травой сухого болота седые космы дыма, уползают куда-то к лесу. Прошел над лесом самолет и оставил в небе черные точки. Точки падают, падают и вдруг превращаются в легкие белые пузырьки. Цепочка пузырьков повисает в синем воздухе. Парашютисты. Что это? Тренировка? Или что-то другое?

Круг земли, который виден Алешке, живет беспокойно и тревожно. Все в работе и движении. И Алешка, подхваченный этим движением, тоже мчится куда-то.

Ну и пусть. Даже хорошо, что так вышло. Если сегодня придет на стан лесовоз и поставят столбы, протянут провода и загудят таинственные зернопульты, то, может быть, не зря Алешка опоздал на берег. Ведь в конце концов не в последний рейс ушел «Рахманинов». Вот только Василий... Он может отобрать велосипед навсегда. Он не любит слушать объяснений... Но сегодня же пятница! Может быть, сегодня он придет поздно. Кажется, по пятницам он

с друзьями ремонтирует вечерами поселковый клуб... В общем, все равно: теперь жалеть поздно. Удивительная вещь — дорога. Сколько встреч и приключений на ней, если только не смотреть назад, не бояться...

Шофер оставил Алешку на заросшей попухами деревенской улице. Сказал, что сдаст зерно и заедет сюда на обратном пути. А на пункте Алешке, мол, делать нечего.

Алешка прислонил велосипед к плетню, сооруженному из прутьев и палок. Потом сел в траву. И начал ждать.

Улица была пуста. Только бродили неподалеку серые недружелюбные гуси. Один из них, с шишковатым лбом и красными глазами, иногда отделялся от компании и направлялся к Алешке. Остановившаяся на полдороге, он вытягивал над землей шею и нахально шипел. Потом он успокоился. Успокоился и Алешка. Бросил прут, который на всякий случай выдернул из плетня.

А время шло. Где-то за домами гудели моторы, протарахтел мотоцикл, а здесь было тихо. Никого и ничего, кроме гусей.

Появилась собака, очень большая, серая и лохматая. Она бежала куда-то по своим делам. Алешка подумал и свистнул. Собака остановилась. У нее была добрая, озабоченная морда. Алешка чмокнул губами. Собака подошла и махнула хвостом, один раз, для приличия. Алешка погладил ей белое пятно на лбу, почесал за ухом. Собака терпеливо перенесла это и вопросительно глянула на него желтыми прозрачными глазами: а что дальше? Что дальше, Алешка и сам не знал. Взгляд собаки стал укоризненным: «Эх ты! А зачем-то звал, отрывал от дела». Она отвернулась и деловитой рысцой потрусила вдоль забора, сразу позабыв про Алешку.

Ему вдруг стало грустно; одному на пустой незнакомой улице.

И шофер куда-то исчез...

Алешка сорвал сухой стебелек, смерил его по длине мизинца, торчком зажал между указательным и средним пальцами. Потом развернул обе ладони, будто книгу. Тень стебелька перескочила шесть пальцев. Неужели шесть часов? Вот тебе и «скорее»!

Это Валька его научила так узнавать время. А раз она сказала — значит, все правильно. Она никогда не врет ему. Не то что Алешка. Он терпит, терпит, а потом что-нибудь да сочинит. Зачем-то наврал про метеорит, который зажжет торф... А может быть, не наврал? Может, правда был метеорит? Они же часто падают в августе...

— Все сидишь?..

Алешка вздрогнул. Это подошел шофер. Подошел незаметно и встал рядом. И смотрит как-то внимательно, будто хочет о чем-то спросить. Он, наверное, не сердитый, а просто очень устал.

— Ну, пойдем, — тихо сказал шофер.

Алешка вскочил и взял велосипед.

— К машине? А она где?

— Там она... Пойдем.

Он пошел вперед, потом замедлил шаги, чтобы Алешка догнал его.

— Вот что... Звать-то тебя как?

— Алеша.

— Вот что, Алексей, — мягко сказал шофер, — тут беда случилась. Человек раненый, надо бы в больницу везти. А машин, кроме моей, нет.

— Да? — пробормотал Алешка. Больше он не знал, что сказать. Ранило какого-то человека. И есть только одна машина.

— А до Юрт далеко? — спросил он.

— Тридцать один. По спидометру.

— У-у!.. — вырвалось у Алешки.

— То-то и оно, что «у-у».

Они подошли к длинному дому с побеленным каменным фундаментом. У калитки стояли трое. Алешка слышал, как один говорил:

— Я фельдшер, а не хирург. Что вы, честное слово... И рентгена здесь нет.

На скамейке, привалившись к забору, неловко вытянув ногу, сидел четвертый. В синем брезентовом комбинезоне. Рядом лежал кожаный шлем.

— Парашютист? — шепотом спросил Алешка у шофера.

— Да... Из пожарников. Парашют раскрылся не полностью.

— А нога сломана, да?

— Кто ее знает... Вроде нет перелома, фельдшер не обнаружил, а все-таки... Сам видишь.

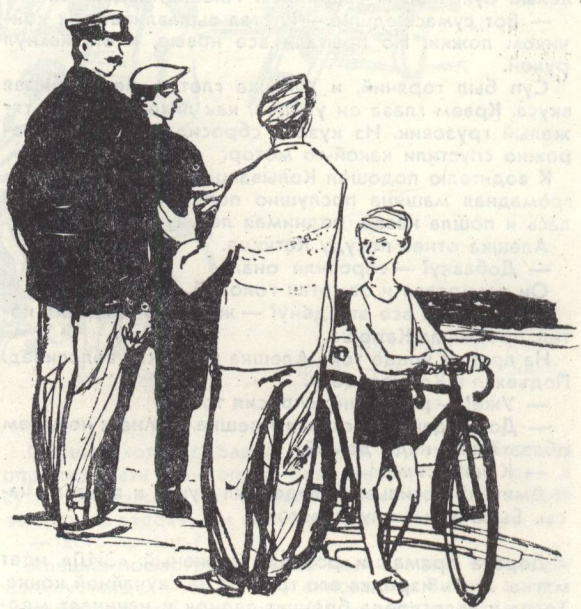
Парашютист прислонился затылком к доске, молчал и по очереди смотрел на стоявших. Лицо у него было бело-коричневым, с запавшими щеками. Он коротко дышал, приоткрыв рот и сжав зубы.

Человек в кожаной куртке на плечах осторожно сказал парашютисту:

— Вы три километра продержались едва-едва. А до города пятьдесят. Будь у меня коляска — другое дело...

— Но есть же машина! — вмешался еще один, сердито жуящий папиросу.

— Есть-то есть, — озабоченно проговорил шофер, и все повернулись к нему.

— Ты помнишь дорогу? — спросил шофер.

Тот, который говорил про машину, сунул в карман кулаки, выплюнул окурочек и тонко закричал:

— Будешь сопляков возить, а человек пусть мучается?!

Парашютист разжал зубы.

— Ты за меня не плачь... Я могу и здесь отлежаться. Приходилось и не так...

— Я не знаю, — устало и раздраженно сказал фельдшер. — Не знаю, понятно? Может быть, ничего серьезного, а может быть...

— Вот-вот! — снова закричал самый шумный из мужчин. — Все может быть! А мы в детский сад играем!

Пальцы шофера крепче сжали Алешкино плечо.

— Ты не ори попусту, — медленно произнес шофер. — В Юрты больше не будет машин. А тридцать верст для парня — путь не близкий. И он не просто так катается, он тоже сделал свое дело. А у меня распоряжение Колыванцева.

И, чуть наклонившись к Алешке, он негромко сказал:

— В общем, решай сам.

Алешка растерялся. Он никогда не решал таких вопросов. Чтобы вот так, от одного его слова зависело, куда пойдет, кого повезет громадная, могучая машина. Он вспомнил колонну грузовиков на тракте. Если бы там они были так послушны!.. А люди ждали. И вдруг Алешке стало стыдно, что он думает о всякой ерунде и молчит. Ведь вопрос-то хоть и важный, но совсем простой. Чего же тут думать?

Он так и сказал:

— Чего тут решать...

— А доберешься? — спросил шофер.

— Доберусь. Подумаешь! — сказал Алешка. И вдруг понял, что другого ответа от него и не ждали. Человек в кожаной куртке вдруг предложил:

— Оставь-ка ты велосипед у меня. И адрес напиши. Завтра забросим на попутной. А сейчас я тебя на мотоцикле.

И все заговорили, что это правильно, что так и надо сделать.

— Я не могу, — сказал Алешка, — он не мой. Обязательно надо сегодня.

— Всплют тебе дома, небось, что поздно приедешь, — вдруг посочувствовал тот, который недавно кричал.

— Просто больше не дадут велосипед, — сказал Алешка.

— Мальчик, подожди. — Это снова заговорил парашютист. Он потянулся к боковому карману. Фельдшер успешно качнулся к нему, но движением пальцев парашютист остановил его. Медленно оттянул язычок застежки-«молнии» и вытащил плотный помятый конверт.

— Где-нибудь опусти по дороге. Ладно? Ну, спасибо.

— Я опущу на станции, — пообещал Алешка.

Прежде чем сунуть письмо под майку, он украдкой прочитал адрес: «Дмитров, Центральная, 3-а, кв. 19, Кольчугиной Марии В.».

Кто она, Кольчугина Мария В.? Может быть, жена, может быть, мать. Она не узнает про несчастье. Ведь письмо наверняка написано еще перед полетом. Кольчугина Мария будет думать, что все в порядке. И пусть. Значит, так надо.

Он повернул велосипед и встал на педаль. И сказал всем:

— До свидания.

— Ты помнишь дорогу? — спросил шофер.

— Помню.

Алешка толкнулся ногой. Потом ему захотелось обернуться и сказать парашютисту: «А вы поправьтесь скорее». Но дорога пошла под уклон, и к тому же блестили на ней битые стекла. Нельзя оглядываться, когда такая дорога...

Алешка засвистел сквозь зубы и нажал на педали. Тридцать один километр. Он никогда не проезжал столько. И он все понимал: что его будут искать, что Василий, не говоря ни слова, молча уведет велосипед в сарай и повесит замок, что Валька будет вздыхать и молча жалеть его, Алешку... Но если так получается! Если вдруг на лесной дороге валится в кю-

вет лесовоз, если горит торф и грозит огнем лесу, а у десантников иногда не совсем раскрываются парашюты...

Дорога была ровной, и велосипед шел легко. И Алешка подумал, что, может быть, не так уж и много тридцать один километр. Он не знал, что усталость иногда приходит неожиданно и сразу. Падает на плечи, как мешок с песком. Не знал, что в темноте любая дорога может показаться незнакомой, а велосипед станет таким тяжелым и непослушным...

3

се так и получилось, как он ожидал.

Василий стоял у крыльца, и огонек его сигареты то сердито разгорался, то почти угасал.

Алешка молча прислонил велосипед к палисаднику и направился к воротам. Он шел и смотрел под ноги. Василий выплюнул сигарету. Красный огонек искрами рассыпался по дороге. Василий взялся за руль и сказал в спину Алешке:

— Черта с два ты его еще увидишь.

Алешка не оглянулся.

Во дворе пахло парным молоком и подгоревшей картошкой. И сразу же страшно, до боли в желудке захотелось есть. Но еще больше, гораздо больше хотелось просто лечь и вытянуть ноги. И он решил, что сначала немножко полежит, а потом спустится и поест.

Алешка медленно подошел к лестнице. Ноги были как деревянные. Они могли бы еще, пожалуй, крутить педали, но ходить словно разучились. И подниматься было трудно, особенно вначале, где не хватало двух перекладин лестницы.

Он поднялся и нырнул в черный квадрат окна.

— Появился мамочкин жених!

Алешка узнал голос Бориса. Но узнал с трудом. Борис никогда не говорил так раньше. Может быть, думал, но не говорил.

— Ты чего? — слабо сказал Алешка. — Ну, пусти. — Он не видел Бориса, но чувствовал в темноте, как тот загородил ему дорогу.

— Чего! Пусти! Где-то шатается, а люди из-за него не спят! Как въеду сейчас!

Борис щелкнул фонариком и качнулся вперед. Алешка быстро вскинул руку. Он не боялся, что Борис ударит. Просто закрылся локтем от спящего света.

Он простоял так несколько секунд. Было тихо. Даже как-то слишком тихо.

— Алешка, ой... — Это сказала Валька. Тогда он, жмурясь, опустил руку. Широкий луч фонарика уперся ему в локоть.

— Вот это да-а... — протянул Юрка.

— Где это ты? — хмуро спросил Борис.

— Что?

— Ну, это... — Борис двумя пальцами приподнял его локоть. И Алешка увидел длинную ссадину с запекшейся кровью. К ней прилипли зернышки пшеницы.

— Ты хоть скажи по-людски, где был, — проговорил Борис.

— Я скажу... Только полежу, ладно?

Он лег на мохнатый, пахнущий теплой шерстью тулуп и закрыл глаза. И сразу перед глазами поплыла дорога. Она разворачивалась, бесконечная, как кинолента, повторяя дневной Алешкин путь. Он ви-

дел дорогу со всеми подробностями, которые память сберегла зачем-то в самом дальнем своем уголке. Видел сосновую ветку в глубокой колее, сверкнувшие звездами песчинки, узорчатые змеи автомобильных следов, пунцовые головки клевера у края тропинки... И все это плыло, плыло, плыло... И начинала кружиться голова. Тогда Алешка резко дернулся и повернулся на бок.

Дорога исчезла.

Чтобы она не появилась опять и не закружила его, Алешка стал думать о другом: об улице, о лесе, о небе. Но картины деревьев, облаков, заборов не удерживались в памяти, расплывались и скользили. А нужно было что-то яркое и неподвижное.

Тогда он подумал: «Сосна».

И увидел ее. Как наяву. Небо на западе было желтым, и река была желтой. Дальний берег отделял ее от неба синей расплывчатой полосой. А сосна была прямая, высокая и черная.

Потом рядом с сосной Алешка представил себя — маленькую темную фигурку с велосипедом. Но тут же вспомнил, что велосипеда нет.

Значит, больше он не поедет на берег. Да и не в том беда, что не поедет. И пешком бы можно. Только все равно велосипед нужен. Иначе как узнает капитан Алешку? Ведь с теплохода не разглядеть человека в лицо. Для капитана Алешка — просто мальчик с велосипедом. Просто маленькая фигурка с поднятой рукой, а рядом — два колеса и треугольная рама.

Два колеса и рама... Кто так говорил? А, это шофер. Тот молодой, который на лесовозе. Феликс. Ну да, Феликс Ерохин. «Спроси, кого хочешь. Малый Торфяник, на улице Гоголя, дом три...»

Два колеса и рама! Остальное неважно!

— Валька, — тихо позвал он.

— Спать пошла она, — сказал из темноты Борис.

— Зачем она тебе? — заинтересовался Юрка.

— Спросить хотел...

— А чего? Может, мы знаем.

— Да нет.

Конечно ж, они, наверно, знают, далеко ли до Малого Торфяника. Но ведь Юрка спросит: «А зачем?» И надо будет объяснять. Объяснять одно за другим: про лесовоз, про велосипед, который нужен даже без педалей. И, значит, про теплоход.

А Вальке объяснять не надо. Валька понимает сразу.

— Конечно, — зашептал Борис Юрик. — Я же говорю: у них всегда свои тайны.

— Помолчи уж, — сказал Борис.

«Все равно достану велосипед, — подумал Алешка. — Теперь все равно достану».

Только все-таки было немного обидно, что сегодня он пропустил «Рахманинова».

Капитан скользнет прищуренным взглядом по берегу и не увидит у сосны мальчишку с велосипедом. Может быть, и ему, капитану, станет немножко грустно и беспокоино. Ведь он привык видеть на обрыве маленькую фигурку велосипедиста. Капитан увернет руку с сигнала, раздраженно передвинет в угол рта мундштук и скажет помощнику:

— Не знаю, но как-то не так начинается этот рейс...

Они не посмотрят назад, но друг друга поймут.

— Да, — скажет помощник. — Вроде бы все в порядке, а что-то не так...

Может, и в самом деле это было?

И, утешив себя такой мыслью, Алешка заснул.

ШАГАЙ ПО ОТРЯДАМ, ВЫМПЕЛ!

олько на свете памятных вымпелов? Наверное, очень много. Но этот вымпел особенный. Алый кусочек шелка. В левом углу золотой ниткой вышиты серп и молот. Это первый пионерский вымпел,

который побывал в космосе!

Вот его история.

Июнь 1963 года.

Валентина Терешкова готовилась к старту. Проводить ее пришли пионеры. Они принесли полевые цветы и два вымпела, которые вышили сами.

— Возьмите их с собой в космос, — попросили ребята.

«Чайка» выполнила просьбу. Два вымпела побывали в космосе. Один из них Валентина Терешкова передала Всемирному конгрессу женщин, собравшемуся в Москве, а второй хотела вернуть пионерам. Но космонавты запротестовали:

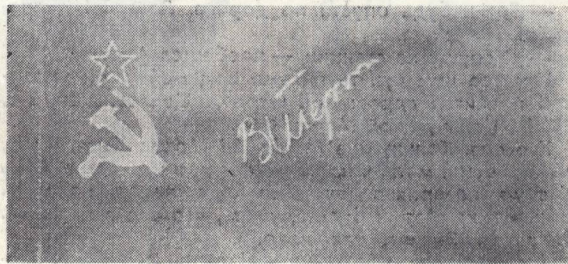
— Обидно, если такая редкая вещь побывает только в одном отряде. Ведь это же первый пионерский вымпел в космосе! Пусть он станет переходящим.

И вот 2 октября 1963 года, в день старта соревнования на лучший пионерский отряд, вымпел отправился во второе путешествие.

Первой приняла вымпел самая западная школа Львовской области в городе Добромиле, отряд имени Александра Матросова. Это очень

хорошая школа. Она гордится своим Музеем В. И. Ленина, клубом интернациональной дружбы, лучшим во Львовской области отрядом юных друзей пограничников.

Сейчас вымпел идет по стране. Ему суждено увидеть северное сияние и огненные зори над

Волгой, он услышит свист сахалинских ветров и жаркое дыхание Каракумов. Вымпел побывает в лучших отрядах страны, во всех республиках, и лучшие отряды оставят в книге-альбоме, которая путешествует вместе с вымпелом, свои записи. О лучших делах пионерии напишут в этой книге, и вместе с вымпелом ее поместят в Музей пионерской славы при Дворце пионеров в Москве.

А сейчас он путешествует в самолетах. Плышет на пароходах. Мчится на поездах и автомашинах. Его передают из рук в руки, как знамя. Шагай по отрядам, вымпел! До встречи в Москве на Красной площади 19 мая 1964 года.

Виктор КРЮЧКОВ

РУКИ ТОВАРИЩЕЙ

Яннис РИЦОС

Рисунки П. Кирпичева.

Наши руки — голые. Без перчаток.
Наши руки тысячи раз
терлись о небритые скулы ветра,
тысячи раз хватались за проволоку,
тысячи раз держались
за ледяную решетку смерти.

От кирпичей, от камней, от борьбы,
от множества рукопожатий
наши руки — в мозолях.
Теперь им проще брать и держать.

Прежде у них были две мягкие перчатки,
две шерстяные перчатки —
воздух дома и тень матери.
Эти перчатки и грели и мешали
соприкасаться с другими руками.
А теперь перчатки протерлись
и пошли на бинты — перевязывать раны,
пошли на кухонные полотенца,
которыми трут котелки и ложки.
А наши руки без всяких перчаток
познали труд, молчанье, клейменье.
Миллионы раз из них вылетали

железные жаворонки гнева,
снова и снова они взрезали
караваи терпенья
и расшатывали стены ночи.
Теперь лежат на наших коленях
руки, такие же обнаженные,
как солнце, лежащее на горе,
как гора, лежащая над морем,
— вот такие руки у коммунистов.

Когда эти руки жмут твои руки,
вспыхивают огни во всех столицах,
лежащих за нашей ночью.
Когда они таскают на гору ведра,
ты знаешь, что завтра
они завладеют и морем и солнцем.
Ты знаешь, что грубый мешок с камнями
в этих руках становится легким:
половину тяжести несет Свобода.

Вот такие руки у товарищей.

Голые руки,
на голых руках — голые жилы,
как железнодорожные линии на карте мира.
Голые руки.
Стерлась линия судьбы на ладони,
Потому что судьбы всего мира
держат руки коммунистов.

Перевел с греческого
Б. Слуцкий.

С днем рождения,

«Пионерчик»!

Самое трудное — что-нибудь начинать. Даже костер разжигается не без труда. Первый номер «Пионера» родился в трудностях. ЦК комсомола решил выпускать журнал в начале 1924 года. Страна тогда только еще поднималась из разлухи после окончания гражданской войны. Все было нелегко. И деньги достать на издание нового журнала, и бумагу, и найти для него типографию.

Даже с подписчиками было не так просто. Каждому, кто организует десять подписок, редакция обещала одну годовую бесплатно.

Да и материал в номер собирался с трудом. Многие старые детские писатели приотпустили, растерялись, не поняв революции, а молодые только еще появлялись.

Работали мы над первым номером, думая о Ленине. Хотелось порадовать Владимира Ильича появлением в свет журнала для красногалстучных ребят, которых он так любил.

Мы знали, что для борьбы с тяжелой болезнью очень важно хорошее настроение. Надежда Константиновна Крупская по совету врачей каждое утро читала и рассказывала Ильичу о том, что хорошего делается в стране для детей и что делается самими ребятами. Это его радовало.

Но опоздало наше «лекарство». В январскую стужу не стало великого друга советской детворы. Нет слов, чтобы передать вам всю тяжесть этого горя. Но партия призвала советский народ не впадать в уныние, тесней сплотиться, чтобы продолжить дело Ильича.

Первый номер «Пионера» решено было посвятить Ленину.

Вышел этот номер в свет в марте 1924 года, и начинался он с обращения пленума ЦК комсомола и Центрального бюро коммунистических детских групп ко всем детям фабрик, заводов и полей о присвоении пионерской организации имени Ленина. О том, как всем детям нужно сплотиться вокруг юных ленинцев нашей страны, чтобы выполнять заветы великого вождя трудящихся всего мира.

С тех пор пионеры стали называться юными ленинцами.

Дальше было помещено стихотворение Александра Жарова «Сплотитесь, звенья».

В нем запомнились такие строки:

Ленин умер. Не верим!
Взгляд Ильича погас...
Докажем, пионеры,
Что Ленин жив средь нас!

Многие материалы номера были посвящены тому, как жить по ленинским заветам.

Помнится, с какой любовью разглядывали мы только что оттиснутые, пахнущие свежей краской номера журнала, принесенные в редакцию из типографии. Вся наша немногочисленная редакция — редактор Х. Добин, зав. редакцией Николай Петрович Булатов, секретарь Леонид Искров и автор этих строк — собралась у единственного редакционного стола, примостившегося в прихожей редакции журнала «Молодая гвардия». Своей комнаты у нас пока еще не было.

Мы любовались красивой обложкой, на которой художник Виктор Доброклонский изобразил паренька в красном галстуке, разжигающего костер.

Оказалось, что красочная обложка — дело дорогое, и за неимением средств мы потом

повторили ее раза четыре, меняя лишь цифры номеров.

Но не в этом дело. Главное — журнал родился! Вот он, в наших руках!

И, конечно, мы захотели поделиться радостью с друзьями пионеров. Наши курьеры — ребята из пионерской редколлегии — разбегаются во все стороны по Москве и доставляют первый номер в ЦК комсомола Петру Смородину, в ЦК партии Емельяну Ярославскому, нарком просвещения Луначарскому, любимцу ребят — Буденному. И, конечно же, нашему лучшему другу — Надежде Константиновне Крупской.

И все они отозвались на добрый порыв ребят. Буденный прислал поздравительное письмо. Луначарский дал статью. Надежда Константиновна стала вербовать нам авторов. И много раз напоминала Емельяну Ярославскому, очень занятому работой в ЦК, о его обещании написать пионерам про религию.

Ярославский обещал как-нибудь зайти и продиктовать прямо на машинку. Надежда Константиновна предупредила нас: когда зайдет, заприте его в кабинет и не выпускайте, пока не напишет статью.

Но у нас кабинета не было, и машинки еще не было, и стенографистки тоже... Чего-чего только не было!

И когда Емельян Ярославский зашел как-то к нам по дороге в ЦК, а жили мы неподалеку, мы «одолежали» кабинет у редактора журнала «Молодая гвардия» и действительно не выпустили нашего автора, поставив у дверей пионерскую стражу. Так Ярославский написал нам статью «Пионеру о религии».

Трудностей еще было немало. Порой самых неожиданных и даже смешных. Журнал наш печатался в небольшой старой типографии Транспечати на набережной Москвы-реки, напротив Могаса. Она была очень загружена, и журнал набирался, верстался и печатался в сверхурочное время.

Старые наборщики и метранпажи, которым наскучило набирать и печатать разные бланки, сводки, расписания поездов, с удовольствием взялись делать иллюстрированный детский журнал.

Но к ночи они уставали. И для борьбы с дремотой требовали, чтобы мы читали им вслух «самые веселые статьи». Они почему-то считали, что детский журнал должен быть юмористическим.

Так и приходилось развлекать наборщиков. Когда у нас не хватало веселого мате-

риала, рассказывали тут же придуманные смешные истории и анекдоты. Иной раз взяв займы из «Крокодила».

А потом вдруг обнаружилась еще заминка.

В смете расходов редакции не были предусмотрены... деньги на молоко! Да, да, на молоко! Оно полагалось типографским рабочим, имеющим дело с вредным свинцом.

К обеду его выдавала в пол-литровых бутылках дирекция типографии. А к ужину? К ужину должны были выдавать мы, потому что рабочие набирали и печатали наш журнал после рабочего дня.

Как быть? Откуда взять средства? Пришлось самой редакции раскошелиться. Мы поили молоком типографчиков в складчину. Бывало, одалживали и у знакомых, говоря: «Пожертвуйте «Пионеру» на молочишко!» И все думали, будто мы шутим.

И ночные прохожие, конечно, удивлялись, встретив пионеров (ребята из пионерской редколлегии журнала во всем помогали нам), бегущих по набережной к типографии с бутылками молока.

Наше коллективное детище в результате всех этих забот появилось в свет боевым и жизнеспособным.

Журнал рос и крепчал в окружении добрых друзей, при поддержке всей растущей Пионерии.

Незаметно прошел год. Наступил новый март. Мы уже и забыли в редакционной суете и борьбе с трудностями, в какой день мы родились. И вдруг звонок. Слышится знакомый голос Надежды Константиновны Крупской.

— Поздравляю!

— С чем, Надежда Константиновна?

— С днем рождения, «Пионерчик»!

Ой, как мы все обрадовались! Никто нас в первую годовщину не поздравил, мы и сами забыли, а Крупская поздравила. Ну да и понятно: ведь она же очень любила пионеров, заботилась о них, во всем помогала юношескому и пионерскому движению. И в шутку называла себя «пионерской главнянькой». Кому же, как не ей, и было вспомнить день рождения «Пионерчика» — так ласково она называла наш журнал.

Разрешите и мне, ребята, от имени всех членов первой редколлегии, державших на своих руках новорожденного еще в пеленках, поздравить «Пионер» с днем рождения и пожелать: расти больше, шагай шире прямой дорогой в коммунизм, «Пионерчик»!

Николай БОГДАНОВ

Мы из «Пионера»!... С его страниц перешли мы в книжки.

Знаком ты с нами?

«Пионеру» — сорок лет!

Спешите!

Читайте!

Листайте! № 31

МАРТ

1964

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

Праздничный выпуск «Пионерских известий»

В нем выступают деткоры разных лет: писатели Е. Долматовский, С. Львов, С. Баруздин, М. Ваксмахер, геолог К. Зеленов, художник М. Улунов, инженер Е. Мосяков, студент А. Шестопал.

Оформил номер художник Г. Алимов. Он тоже был деткором журнала.

Говорят Деткоры «Пионера» разных лет

ПИОНЕРСКИЙ САЛЮТ «ПИОНЕРУ»

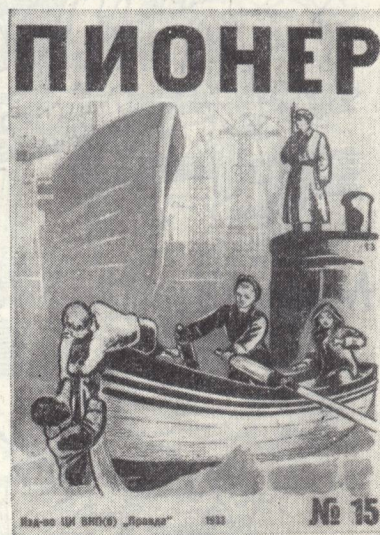
В тридцатых годах журнал «Пионер» был намного тоньше, чем сейчас, зато форматом побольше. В журнале печаталось много заметок ребят об их пионерских делах, стихи и рассказы деткоров.

В редакцию «Пионера» всегда приходили ребята. Мы входили туда с душевным трепетом. Но обстановка в редакции была сердечная и непринужденная. С нами разговаривали, как со взрослыми. Сразу поручали серьезную работу, например, от-

веты на письма. Эта переписка очень много дала мне: познакомила и сдружила с пионерами разных городов и сел.

Деткоры тридцатых годов подросли, вступили в комсомол, а свою пионерскую эстафету передали в руки тех ребят, которые родились уже в советское время, после Октябрьской революции. С тех пор много поколений прошло по страницам журнала «Пионер», а он, журнал, остался пионером. И мы по-пионерски отдаем ему салют!

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Обложка одного из номеров журнала. Тридцатые годы.

САМОЕ ВАЖНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Это было двадцать семь лет назад.

Рано утром от пристани города Бежицы, что на Десне, отвалило пять лодок. Над кормой у каждой лодки развевался красный треугольник пионерского флага.

Лодки отправлялись в плавание по Десне. Командовали экспедицией два писателя — Константин Георгиевич Паустовский и Рувим Исаевич Фраерман. А отправили эту экспедицию в путь редакция журнала «Пионер» и Московский дом пионеров. Мне посчастливилось в этом плавании участ-

ненко сел на корму и стал управлять одним веслом, «правилкой». Мы тронулись и потащили лодку против течения.

Наша процессия имела очень оригинальный вид: лодка, наполненная водой, шла с большой осадкой, а на борту в промокших трусиках сидел Володя Степаненко.

На всех парусах

В тот день, когда мы прибыли в город Трубчевск, стояла холодная погода. Дул сильный ветер и подымал на реке зыбь. Экипаж «спасательной» лодки постановил сушить весла и сделать паруса.

Эта затея казалась мне и Юре Шibaеву невыполнимой, но Володя Степаненко стоял на своем. Мастерили, мастерили — и в результате получился примитивный парус. Материалы — рязно и шест. Мы быстро догнали далеко ушедшие вперед лодки. Юра и я поверили в парус. Четвертая лодка тоже построила что-то подобное, и наши лодки скоро вырвались вперед. Но, как и во всяком деле, сейчас же появились скептики. Это были Ген, Махтей и Ибрава. «Шика!»

Володя Степаненко укрепляет флаги экспедиции

А нам грести не лень —
Гребем мы целый день!

Но мы были

О своей экспедиции по Десне
деткоры написали в журнале.

бовать. Мы учились грести, понимать реку, разводить костры, ставить палатки.

Мы проплыли тогда по Десне от Бежицы до Трубчевска километров двести и написали об этом в журнале «Пионер».

С тех пор прошло много лет. Но я до сих пор помню эту речную экспедицию.

В жизни у меня были путешествия куда длиннее, но важнее, чем то, не было. А почему это так, об этом я написал в своей новой книге «Путешествие в страну Пионерию и другие страны». Она написана для ребят. Я буду рад, если нынешние читатели «Пионера» ее прочитают.

НА ПОЧЕТНОМ МЕСТЕ

Среди книг в углу одной из моих полок стопка старых журналов. Приходят друзья, подходят к полкам, пробегают взглядом по корешкам, берут в руки томик стихов, новый роман. Не каждый обратит внимание на потрепанные книжечки, пожелтевшие от времени. Но я-то знаю, что им отведено у меня одно из самых почетных мест. Ведь это довоенные номера журнала «Пионер».

Родители подписали меня на «Пионер», когда меня приняли в школе в пионеры. Мне исполнилось тогда десять лет. С нетерпением ждал я каждый раз очередного номера, набрасывался на продолжение повести, спешил разгадать шараду, узнать пионерские новости со всех уголков страны. И однажды мне захотелось самому написать в свой журнал.

У меня не было никакого особого дела, я просто рассказывал в письме о своей школе, о ребятах, о любимых книгах, о военной игре летом в лагере. Потом пришел ответ, потом я еще написал, потом пришел в редакцию, потом в журнале напечатали мое стихотворение.

Это было в августе 1937 года. А в последний раз я печатался в «Пионере» летом сорок первого. Это были стихи о войне. Я принес их в редакцию 23 июня и потом полдня тут же, в одной из комнат огромного дома на улице «Правды», переделывал, правил, советовался с сотрудниками журнала.

Много лет спустя, вступая в Союз писателей и отвечая на вопрос анкеты, с какого года я начал печататься, я указал

Письма, письма, письма... О дружбе и верности. О походах иключениях. О наблюдениях и открытиях. Сколько их получила редакция за сорок лет? Наверно, попытайся кто-нибудь сосчитать, получилась бы космическая цифра.

Вот письма разных лет. Свердловские ребята-авиамodelисты смастерили парашют для собаки. И, смотрите, смелая Мушка прыгает с воздушного змея, с парашютной вышки, а в День авиации — с самолета. Мушка стала настоящей парашютисткой! Рядом — проект подземного перехода через улицу. Его автор — Дима Тышко из г. Сарова, Мордовской АССР. В 1937 году таких переходов не было. Диме удалось в своем проекте заглянуть в будущее.

1954 год — год, начиная с которого стали принимать и печатать мои переводы стихов и прозы, мои статьи о литературе Франции. Я как-то не решился написать в анкете про свою детскую работу. И, навер-

ное, зря. Ведь что ни говори, а печататься я начал с 1937 года в журнале «Пионер», в любимом своем журнале, который с таким интересом читает теперь мой сын Андрей.

Морис ВАКСМАХЕР

Географическое общество «Компас», открытое на страницах журнала в 1936 году, постоянно устраивало встречи с бывальными людьми.

Этот снимок сделан перед самой войной. На вечер увлекательных путешествий, походов и экспедиций к деткорам пришли генерал-лейтенант инженерных войск Д. М. Карбышев, которому теперь за его легендарный подвиг посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, капитан ледокола М. П. Белоусов, географы Е. А. Гаврилов и З. З. Виноградов, писатели Н. Н. Митайлов и А. С. Некрасов.

ВТОРАЯ ШКОЛА

Как я был деткором? Признаться, этот вопрос застал меня врасплох. Действительно, как?

В памяти прежде всего всплывает новый дом «Правды» — чудо тогдашней строительной техники. Светлые комнаты, ничего лишнего! Пневматическая почта, бесшумные лифты, таинственная тишина покрытых коврами коридоров, неожиданное веселье, спрятанное в рукописях и рисунках, и весь процесс постепенного превращения вороха разговоров, бумаги, писем в стройную книжку журнала.

Вспоминаются люди. Сотрудники редакции, старшие товарищи, которым мы, деткоры, помогали делать журнал. С этими людьми, как с хорошими друзьями, можно было советоваться и делиться самым заветным, спорить и не соглашаться, убеждать и убеждаться. В веселых дебатах рождались странички «Пап-царапа», «Классной энциклопедии», географического общества «Компас».

А бывало, что приходили в

редакцию замечательные гости, участники героических событий тех лет. Оживали книжки, раскрывались будни подвигов. Уютные комнаты становились то ледяными полями Арктики, то барханами Каракумов, то тайгой Приамурья. Особенно запомнилась последняя встреча — с генералом Карбышевым, капитаном ледокола Белоусовым, географом Н. Михайловым.

Прошло уже много лет, я стал геологом и потому путешественником. Работал и в якутской тайге, и на вулканах Камчатки, и на далеких Курильских островах, а совсем недавно вернулся из Индонезии. Постепенно заглохло чувство мальчишеского беспокойства о том, что, пока растешь и учишься, откроют все неоткрытое и разведают все неизведанное. Оказалось, что чем больше узнаешь, тем яснее и шире раскрываются незаметные тропки Науки, тем больше возникает тайн и вопросов и тем упорнее надо работать.

Что же дала деткоровская работа мне самому? Отвечу так: это была вторая школа, где я, может быть, впервые серьезно задумался о том, что же это такое — «жизненный путь» и в какую сторону мне идти.

Константин ЗЕЛЕНОВ

НЕЗАБЫВАЕМОЕ!

Вспоминать о своем детстве очень легко и вместе с тем очень трудно. Легко потому, что это — детство. Ну, а что такое детство? Мама, папа, детский сад, школа... Подумаешь! Что в этом особенного? Вот поскорей бы вырасти, тогда...

И все же, когда человек подрастет, в какую бы пору ни

Б. А. Ивантsev.
Снимок 1942 года.

проходило его детство, он начинает думать о нем как о самой незабываемой поре своей жизни. Как бы ни была светлая или трудная эта пора!..

«Цап-царап»! Вы не знаете, кто это такой? Вот он перед вами. Он путешествовал по школам, по пионерским лагерям, по дворам — и всюду наводил порядок. Сатирические отделы «Цап-царапа» и «Кляксы» вели в журнале сами ребята.

Все последние годы, а точнее, вот уже более десяти лет я наряду с книжками для ребят исподволь писал еще одну, «самую главную свою книжку» — повесть «Повторение пройденного». Повесть эта охватывает события с 1940 по 1961 год. Она посвящена ребятам, моим ровесникам, нашему короткому детству, оборванному войной, и еще более короткой юности, которая незаметно затерялась во фронтовых окопах, а главное — великому взрослому мужеству моих сверстников, победивших фашизм.

Кто они, эти мои сверстники? Это читатели журнала 1935 — 1940 годов. Это мальчишки и девчонки, которые, как и я, приносили в редакцию первые стихи, рассказы, рисунки.

Мы выпускали веселый отдел «Цап-царап» и входили в совет пионерского клуба журнала. Мы принимали в нашем клубе своих любимых писателей Гайдара и Кассиля, Михалкова и Лагина, героических папанинцев, замечательных летчиков, исследователей северных морских путей и пограничников.

На всю жизнь запомнились нам эти вечера и встречи. Запомнились беседы с редактором журнала Б. Ивантером.

Это был замечательный человек и замечательный редактор. Он не просто печатал в журнале лучшие повести и рассказы. Он помогал писателям создавать их. Его очень любили и прислушивались к его советам и писатели и мы, ребята.

Сегодня у «Пионера» новые читатели (хотя, замечу, есть и старые, вроде меня, которые читают журнал вот уже почти тридцать лет!). Пусть же и у них, нынешних читателей, навсегда сохранится в сердце добрая память о пионерском детстве и о взрослых людях, с которыми они встречались на страницах своего журнала.

Сергей БАРУЗДИН

МОИ ПЕРВЫЕ ПЛАКАТЫ

В одном из военных номеров журнала «Пионер» появилось «Пионерское окно сатиры». Это были агитплакаты, которые мы, несколько учеников детской изощколы, решили выпускать в первый год войны. Мы сами придумывали темы, делали рисунки, сочиняли подписи к ним. Некоторые плакаты выставили в витринах на улицах Москвы.

«Пионерское окно сатиры» — моя последняя «ребячья» встреча с журналом «Пионер».

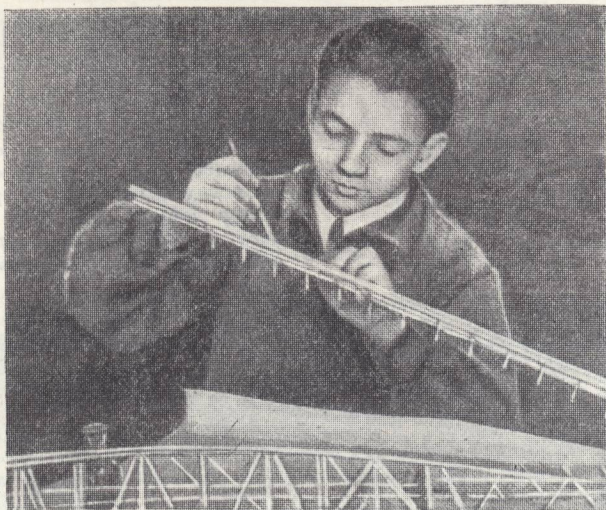
Деткором журнала я был не-

сколько лет. Когда первый раз я получил задание сделать иллюстрации к страничкам дневника одного школьника, я был ужасно горд. И, что греха таить, думал еще похвастаться этим перед ребятами. Но прошло некоторое время, я поработал в журнале, посмотрел, как работают мои товарищи, и понял, что мне еще много нужно будет потрудиться. Мне захотелось рисовать лучше, я почувствовал вкус к работе в журнале. Своей деткоровской работе я во многом обязан профессией художника-журналиста.

Марк УЛУПОВ

Говорят Деткоры «Пионера» разных лет

ЕЩЕ РАЗ О МОДЕЛЯХ

В 6-м классе я увлекся авиамоделизмом. Наш кружок в Москворецком доме пионеров вел замечательный руководитель Георгий Иванович Бремяков — бывший летчик, участник Великой Отечественной войны.

Когда впервые планер, сделанный моими руками, полетел, я был счастлив. Тогда-то я и написал в журнал «Пионер», чтобы рассказать другим ребятам, как интересно строить модели. Однажды фотокорреспондент редакции снял меня за сборкой планера, который я делал для городских соревнований. А планер подвел меня. Было это в 1954 году.

Мы приехали в Тушино на состязания. Я решил проверить модель и сделал пробный запуск. Планер развернулся, набрал высоту и стал уходить все дальше и дальше. Только я его и видел.

Но, конечно, не все состяза-

ния кончались так грустно. В 1962 году, когда я уже был студентом Высшего технического училища имени Баумана, моя кордовая модель заняла третье место на Всесоюзных соревнованиях.

Не странно ли, человек стал взрослым, а все продолжает заниматься игрушечными самолетиками и по-прежнему пишет об этом в «Пионер»? Но модели строят не только ребята.

Авиаконструкторы, гидростроители, проектировщики новых станков редко обходятся без того, чтобы не сделать модель будущей машины или сооружения. Испытания модели помогают увидеть ошибки конструкции, заранее угадать, как она будет работать.

А сколько раз во время занятий в лабораториях института и в заводском цехе я с благодарностью думал об авиамоделизме, который приучает руки к тонкой, почти ювелирной работе.

В общем, друзья, как и де-

сать лет назад, я хочу посоветовать вам строить модели. Это очень интересно.

Инженер, мастер спорта
Евгений МОСЯКОВ

КАК РОДИЛИСЬ НАШИ «ПИОНЕРСКИЕ ИЗВЕСТИЯ»

Мы так увлеклись однажды, что не обратили внимания на поздний час. Еще бы! Родился первый номер «Пионерских известий», газеты внутри журнала, которую от начала и до конца должны были делать сами ребята.

В редакции журнала «Пионер» кончился уже рабочий день, и дежурный, думая, что все ушли, запер этаж. Заперли на ключ редколлегия «солидной» газеты с полумиллионным тиражом!

В десятом часу вечера, когда наш редактор закрыл «планерку», мы обнаружили свое бедственное положение. Редактор предложил звонить мамам и ждать помощи. Наиболее мужественные отказались. За спорами не услышали, как дверь открыли. Престиж газеты был спасен. Сотрудники с восторженным воем пронесли по коридору.

Как мы работали? Часто ездили по школам, по Домам пионеров, собирали материал для корреспонденций. Когда столица готовила поезд с подарками ребятам-целинникам, юнкоры организовали большой рейд. Потом вместе со всей редакцией журнала готовили слет горнистов и барабанщиков. На слете мы познакомились со многими ребятами и обо всем интересном, что они рассказывали нам, написали в газету. Я брал интервью у одного замечательного паренька — горниста, спасшего от пожара деревню.

Каждому редактору хочется посоветоваться с опытными людьми. На снимках вы видите встречу редколлегий пионерских стенных газет с писателями, художниками, журналистами в «Пионере» (1963 год).

Писатель Ю. Сотник отвечает на вопросы ребят.

В Москву на каникулы приехали участники самых интересных пионерских экспедиций. У нас с редакции они встретились со взрослыми путешественниками (1964 год).

«Пионерские известия» получали много писем. Иногда в письмах был сложный вопрос. Один мальчик, например, рассказывал о том, как пробежал без отдыха десять километров, чтобы доказать силу воли. Правильно ли он поступил? И что ответить голубятнику, который каялся, что утопил злодея кота? Работая с материалами «Пионерских известий», мы учились думать, править, вычитывать.

Когда из типографии приносили гранки заметок, оттиски иллюстраций к ним, сделанных тоже ребятами, у нас был настоящий праздник. Мы тут же принимались за макет. Как портной на примерке, мы десятки раз перекалывали гранки и оттиски на двух страничках «Пионерских известий».

Теперь мы стали студентами, «Пионерские известия» делает новое поколение деткорров. Хочется пожелать им больших успехов.

А. ШЕСТОПАЛ

Редколлегия «Пионерских известий» благодарит всех участников этого выпуска, откликнувшихся на ее просьбу и приславших свои корреспонденции.

Редколлегия: Коля Булгаков (редактор), Сережа Огневцев, Лена Бильчинская, Толя Лысенков, Лена Быстрицкая.

О себе самом, о своих друзьях, о дружбе, верности, долге можно поговорить, поспорить, посоветоваться со старшими на страницах отдела «Секретно и не секретно» и в клубе журнала «Пионер».

Говорят Деткоры «Пионера» РАЗНЫХ ЛЕТ

МАЛЕНЬКИЙ

ТИМ

У Тимофея-Тима
На ножках десять пальцев.
Чулки на десять пальцев
Натягивает Тим,
Наденет и сапожки
И новые галошки,
И весь десяток пальцев
Гулять уходит с ним.

У Тима-Тимофея
На ручках десять пальцев,
И делают все пальцы,
Что им прикажет Тим.
Он сунет их в перчатки
На меховой подкладке —
И десять пальцев в прятки
Зимой играют с ним.

У Тимофея-Тима
Два синих-синих глаза.
Они всегда смеются,
Когда смеется Тим.
А если мальчик болен
Иль чем-то недоволен,
То сразу
Оба глаза
Заплачут вместе с ним.

У Тима-Тимофея
На ручках десять пальцев,
На ножках десять пальцев,
А голова одна.
Когда, зевая сладко,
Ложится он в кроватьку, —
На мягкую подушку
Ложится и она.

НЕПОСЛУШАЯ МАМА

Джеймс, Джеймс
Моррисон Моррисон,
А попросту —
Маленький Джим
Смотрел за упрямой,
Рассеянной мамой
Лучше,
Чем мама за ним.

Джеймс, Джеймс
Говорил: «Дорогая,
Помни, что ездить одна
В город
До самого

Дальнего края
Ты без меня не должна!»

Но очень упряма
Была его мама.
(Так люди о ней говорят.)
Упрямая мама
Надела упрямо
Свой самый
Красивый наряд.
«Поеду, поеду, —
Подумала мама, —
И буду к обеду
Назад!»

Король
Объявление велел написать
И вывесить
Там, где надо.
«Пропала,
Ушла
Иль украдена мать,
И тем, кто сумеет
Ее отыскать,
Сто золотых награда!»

Искали-искали
Пропавшую маму,
Искали три ночи,
Три дня.

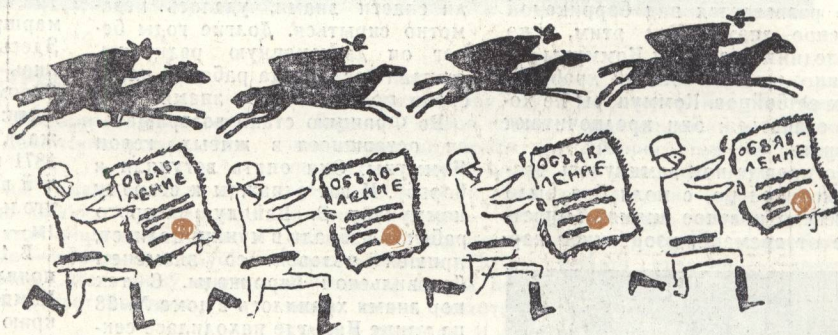

Был очень
Английский король озабочен,
И свита его,
И родня

Английский король
Говорил королеве:
— Ну кто же из нас виноват,
Что многие мамы
Ужасно упрямы
И ездят одни, без ребят!

Я знаю,—
Сказал он,—
Ту площадь в столице,
Где мой расположен дворец,
Но в нашей столице
Легко заблудиться,
Попав
В отдаленный конец!

Джеймс Джеймс
Моррисон Моррисон,
А попросту —
Маленький Джим
Смотрел за упрямой,
Рассеянной мамой
Пучше, чем мама за ним.

Он очень скучал
По уехавшей маме.
— Но чья,— говорил он,— вина,
Что бедная мама
Решила упрямо
Куда-то поехать одна!..

Но вот отыскалась
Пропавшая мама.
С дороги
Пришла от нее телеграмма,
В которой писала она:
«Целую, здорова,
И — честное слово —
Не буду я ездить
Одна!»

Рисунки Э. Булатова и О. Васильева.

Барельеф Стены коммунаров на кладбище Пер-Лашез в Париже.

ЗНАМЯ КОММУНЫ

Это было в конце мая 1871 года, в последние дни Парижской Коммуны.

Контрреволюционные версальские войска захватили столицу Франции. Но в рабочем квартале Бельвиль, у кладбища Пер-Лашез, еще развевается над баррикадой красное знамя. Под этим, уже последним знаменем Коммуны отчаянно дерутся остатки храбрейших ее бойцов. Коммунары не хотят сдаваться: они предпочитают умереть.

Но прежде чем замкнулось вражеское кольцо, с поля боя было вынесено красное знамя. Выцветшее от времени, изорванное кар-

течью, оно находится сейчас в Москве, в музее В. И. Ленина.

Вы спросите, как попало к нам знамя Коммуны? Это тоже удивительная героическая история.

В тот трагический день коммунару, которому товарищи поручили спасти знамя, удалось незаметно скрыться. Долгие годы берег он драгоценную реликвию, ожидая часа, когда рабочий класс снова поднимет свое знамя.

Во Францию стали возвращаться оставшиеся в живых герои Коммуны. Они опять вступили в борьбу. И вот однажды к старому коммунару Э. Вайяну, которого рабочие избрали в муниципалитет, пришел человек со знаменем бельвильской баррикады. С тех пор знамя хранилось в доме № 28 по улице Пиа, где находилась секция рабочих-социалистов.

Прошли годы. День памяти Коммуны Бельвиль обычно праздновал в торжественном зале. Однако знамя баррикады стояло в другом, темном помещении. И большинство членов социал-демократической партии даже не подозревало о том, что оно существует. Вожди партии к тому времени изменили рабочему классу. И рабочие решили: нельзя оставлять знамя в руках предателей.

Его тайно унесли из дома 28 и спрятали. Случилось это в 1921 году. Знамя вернулось на прежнее место лишь год спустя, когда на улице Пиа обосновалась секция коммунистов. Хранителями знамени стали рабочие квар-

талов Бельвиль, Пер-Лашез, Сент-Фаржо и Шарон. Они очень гордились этой честью. Но еще больше гордились потомки коммунаров победой, которую в 1917 году одержал русский пролетариат. Поэтому в мае 1924 года рабочие Парижа единогласно постановили: передать знамя пролетариям Республики Советов.

...6 июля 1924 года московские трамваи направлялись по одному маршруту — на Октябрьское поле. Здесь столичные рабочие готовились принять знамя коммунаров. Огромная площадь алеет плакатами: «Слава коммунарам Парижа!», «Выше знамя социализма 1871 года!». Двести тысяч москвичей выстроились гигантской пятиугольной звездой. В центре звезд — трибуна.

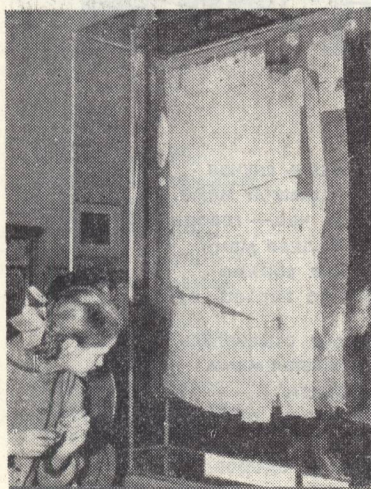
В 10 часов 40 минут на трибуне появляются члены V конгресса Коминтерна. И вскоре на самом краю поля возникает шествие. Оно медленно приближается к трибуне. Это делегаты Французской коммунистической партии несут знамя бельвильской баррикады. Его встречают «Интернационалом». Поет все огромное Октябрьское поле.

Московские рабочие тоже приготовили парижанам подарок: знамя Красной Пресни, как символ героических баррикадных боев 1905 года.

Знамя Красной Пресни увезено во Францию, знамя парижских коммунаров осталось в Москве. Его прикрепили к стене в Мавзолее, у гроба Владимира Ильича.

Потом знамя было перенесено в Центральный музей Ленина.

Г. ПОМЕРАНЦЕВА

Вот это знамя. Бережно хранится оно в Музее В. И. Ленина.

Встречи с Джанни Родари

Нина АЛЛАХВЕРДОВА,
Вл. ГЛОЦЕР

КТО РАСТЕТ БЫСТРЕЕ!

Мы встретились с Джанни Родари в читальном зале Дворца пионеров на Ленинских горах. Его окружили ребята.

— Взрослые, — рассказывал им Родари, — часто говорят детям: «Ешьте побольше каши». А я говорю: «Читайте побольше книг». Без этой пищи тоже не вырастешь. Книги бывают разные — веселые и грустные. Я пишу веселые книги. Потому что я пишу книги для детей. А веселый человек растет быстрее.

Le "Pionier",

Un saluto di cuore

e auguri per tutto il

resto del vostro anno

Gianni Rodari

Mosca 14. 12. 1963

Когда я напишу что-то новое, я прихожу в какую-нибудь школу в Риме и читаю ребятам то, что

написал. Прочитаю страничку и, если ребята ни разу не засмеются, рву эту страничку у них на глазах.

Джанни Родари говорил по-итальянски, а переводчик переводил ребятам. Джанни еще не говорит по-русски, хотя читать он уже научился.

Но ребятам и без переводчика понятно, что Джанни Родари — настоящий друг, потому что он похож на строгого учителя и доброго волшебника одновременно. Потом ребята толпились вокруг Джанни, и он им подписывал книги, открытки. Нам тоже очень захотелось получить автограф. Мы стали в очередь, и Джанни Родари нам написал:

«Писнеру»

Сердечный привет и самые добрые пожелания на целое столетие от вашего друга

Джанни Родари

Москва, 14. 12. 1963.

ТОЛСТЫЙ БЛОКНОТ РОДАРИ

Как строгий учитель носит при себе классный журнал, так и Джанни Родари носил с собой толстый красный блокнот. Поговорив с кем-нибудь из ребят, он делал в своем блокноте новые записи.

Ему хотелось узнать о советских ребятах все:

Как они живут?

Какие у них складываются отношения с родными?

Как взрослые заботятся о ребятах?

Как ребята помогают взрослым?

И когда кто-то спросил у Джанни Родари: «Вы напишете книгу о советских ребятах?», — Джанни засмеялся и сказал: «Я уже пишу». И он показал на свой толстый блокнот с записями.

Джанни Родари побывал в самых разных уголках нашей страны: в Тбилиси, в Орджоникидзе, Артеке, Севастополе, Риге — и всюду слушал рассказы ребят и записывал их в свой толстый блокнот.

Хорошо бы заглянуть в тетрадь Джанни Родари, посмотреть на наших ребят его глазами! Мы попросили Джанни Родари рассказать о советских ребятах.

Джанни сказал, что все ребята, с которыми он встречался, ему понравились:

— Они поразили меня своей целеустремленностью, сознанием своего долга и ответственности перед взрослыми.

Меня удивило внимательное отношение старших ребят к младшим и то, как доверчивы дети к старшим, родным и учителям.

Мне понравилась откровенность детей, их свободное обращение со взрослыми и непосредственность.

Я люблю честных ребят, которые всегда говорят только то, что думают, даже если они не согласны с чем-то. Мне нравилось спорить с вашими ребятами.

Джанни Родари слушает...

ЗА ОКНОМ ГОСТИНИЦЫ «ЮНОСТЬ»

Застать Джанни Родари в гостинице было трудно, он рано начинал работать, уезжал, а возвращался поздно ночью...

Нам пришлось долго-долго сидеть и ожидать, прежде чем он приехал.

Мы стояли у окна гостиницы «Юность» и смотрели, как, медленно разгораясь, небо становилось все морозней и морозней, а потом одно за другим засветились окна Московского университета, включились прожекторы над Лужниками, засверкал бриллиантовым светом эскалатор на Ленинских горах. Сразу стали четкими контуры всех зданий на красно-черном небе.

Было так красиво, и мы подумали: хорошо, что Джанни Родари много ездит и многое видит, но жаль, что он не увидит из окна «Юности» этого зката над Москвой.

ЕЛОЧКА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

— Джанни, увезите в Италию нашу елочку! — попросили ребята из школы-интерната № 15.

Это были первые ребята, к которым Джанни Родари пришел в Москве. Так Джанни доказал, что он хороший друг. Три года переписывались с ним ребята. За это время они написали ему много писем о своей жизни и делах, разучили много его стихов, а Джанни им первым присылал свои новые книги.

Джанни Родари вошел в 6-й класс «А», увидел на доске обращение «синьор», перечеркнул его и написал «amico», что значит по-итальянски «друг».

В комнате у Джанни Родари в гостинице мы видели эту елочку. Она стояла на подоконнике, на самом видном месте. За окном темнело, и елочка весело поблескивала в сумерках разноцветными стеклышками.

Ей предстояло большое путешествие из Москвы в Рим.

«КНИГА ОШИБОК»

Когда Джанни Родари пришел в магазин «Детский мир», то первое, что бросилось ему в глаза, были игрушки по сказке «Приключения Чипполино»: синьор Помидор, синьор Лимон и, конечно, сам Чипполино — мальчик-луковка.

Когда Джанни подошел к книжному киоску, он сразу увидел на прилавке свою книгу «Поезд стихов», которую только что издал Детгиз в переводах С. Маршака. Продавщица сказала Джанни, что ему очень повезло. Если бы он пришел на полчаса позже, то ему ничего бы не досталось: книги Джанни Родари раскупают мгновенно, хотя выходят они огромным тиражом.

— Ваши книжки очень любят в нашей стране, — сказала продавщица.

А когда Джанни Родари приходил к ребятам, они дарили ему свои рисунки к его книжке «Приключения Чипполино», читали его стихи и пели песенки...

— Какая из ваших книг наиболее популярна в Италии? — спросили мы. — Наверное, тоже «Приключения Чипполино»?

— Нет, — сказал Джанни Родари, — недавно я написал новую книгу, «Сказки по телефону». И она ребятам нравится больше.

А очень скоро выйдет «Книга ошибок». Вообще-то дети не любят, когда им указывают на ошибки. Но в моей книге речь идет просто о грамматических ошибках. В книге много сказок-басен. Только вместо героев — птиц и зверей здесь герои — орфографические ошибки. Мне кажется, что эта книга удалась. Жаль, что я не могу ничего вам пересказать из нее, потому что в каждом языке свои правила и, конечно, свои ошибки.

СКАЗКА ДЛЯ ПАОЛЫ

У Джанни Родари есть дочка. Ей семь лет. Зовут ее Паолой. Мы спросили Джанни:

— О чем вам прежде всего захочется рассказать Паоле, когда вы вернетесь домой?

— Наверное, — ответил он, — я ни о чем не смогу ей рассказать сразу же, потому что у нее сейчас одна страсть — шахматы. Она увлеклась ими перед самым моим отъездом. Я сделал ей деревянную доску для шахмат, из бумаги вырезал шахматные фи-

Джанни Родари в гостях у Самуила Яковлевича Маршака.

гтуры и пообещал купить настоящие шахматы в Москве, в столице шахматного мира.

Вчера,— сказал Джанни Родари,— мы говорили с Паолой по телефону, и первым делом она спросила, купил ли я ей шахматы. «Куплю»,— сказал я ей.

Так что, когда я приеду, Паола прежде всего схватит шахматы. Потом начнет рыться в чемодане, рассматривать, что я привез еще, а потом схватит куклу, которую ей подарил «Пионер», и убежит показывать ее подругам.

Конечно, потом я расскажу Паоле про московскую зиму, про то, как бывает, когда много-много снега. У нас в Риме однажды выпал снег. Паоле он очень понравился, и она ждет не дожждется, когда же он наконец выпадет опять.

Потом я расскажу ей сказку про Дворец пионеров на Ленинских горах. О том, какой он просторный и красивый и как хорошо в нем ребятам.

В ГОСТЯХ У МАРШАКА

Джанни Родари пишет свои стихи на итальянском языке, а мы читаем их на русском.

Первым стихи Родари стал переводить Маршак. Он так хорошо перевел его стихотворения, что в нашей стране сразу полюбили Родари и дети и взрослые.

Джанни очень хотел повидать Маршака. Он только ступил на московскую землю, как тотчас спросил о нем.

И вот Маршак и Родари встретились. Они видели друг друга впервые, хотя заочная дружба двух поэтов началась еще в 1952 году, когда Маршак стал переводить стихи Родари. Позже Родари у себя на родине перевел некоторые стихотворения Маршака.

Они встретились как друзья, хотя и в первый раз. — Я ровно тридцать лет назад был в Италии,—

сказал Маршак.— Я слышал там замечательные народные песни... И он произнес нараспев несколько строчек.

Родари радостно закивал.

— Все мои стихи идут от этих песен,— подтвердил он.

— Я так и думал,— сказал Маршак.— Когда я был в Италии, я спрашивал себя: «Неужели не найдется такого поэта, который бы продолжил эту линию?»

У Джанни с Маршаком был большой и серьезный разговор о литературе, об искусстве.

Во второй раз Джанни говорил с Маршаком, когда вернулся из поездки по Союзу. Горячо, жестикулируя, с чисто итальянским темпераментом он рассказывал Маршаку о своих встречах. Многие встречи ему очень запомнились.

Его всюду узнавали. Узнали Родари и две девушки, которые ехали с ним в вагоне. Они только недавно окончили техникум, несколько лет учились вместе, дружили, и у них был игрушечный, не очень новый зайчонок — один на двоих талисман, как сказал Джанни. Девушки ехали на работу в разные края: одна — в Сибирь, другая — на Дальний Восток. Пришло время выходить из поезда, они пошептались и, подойдя к Родари, подарили ему своего зайчонка. Пусть едет в Рим.

Самуил Яковлевич слушал Джанни и, наверное, думал: «Нет ничего удивительного, что этого человека встречают у нас так сердечно. Его стихи и сказки нравятся всем потому, что их автор свежо и увлекательно говорит о самых важных вещах на свете. И все угадывают в нем не только хорошего поэта, но и хорошего человека».

Родари был рад, что повидал Маршака. Он сказал на прощание:

— Ваша похвала воодушевляет меня. Когда я вернусь домой, я буду как часы, заведенные на двадцать лет.

Рисунки А. Елисеева
и М. Скобелева.

ветливой улыбкой и стал выписывать квитанцию. Джованнино заметил, что карандаш у него не острый, а тупой, и он спросил стражника:

— Простите, а можно взглянуть на вашу шпагу?

— Пожалуйста, — ответил стражник и протянул Джованнино свою шпагу. Она тоже оказалась не острой, а тупой.

— Так что же это за страна, — удивился Джованнино, — куда я попал? Здесь так все странно!

— Это страна, где нет ничего острого, — объяснил стражник, и так вежливо, что на

письме все его слова надо было бы писать с большой буквы.

— А как же гвозди? — удивился Джованнино. — Они ведь должны быть острые.

— Мы давно уже не пользуемся ими. Ведь есть же клей. А теперь, пожалуйста, дайте мне две пощечины.

От изумления Джованнино так открыл рот, будто собирался проглотить сразу целый торт.

— Что вы! — воскликнул он наконец. — Я вовсе не хочу оказаться в тюрьме за оскорбление городского стражника. Уж если на то пошло, так это я должен получить две пощечины, а не вы.

— Но у нас так принято, — любезно объяснил стражник, — простой штраф — это четыре пощечины, а половина штрафа — две.

— Две пощечины стражнику?

— Стражнику.

— Но это ужасно несправедливо! Так нельзя!

Джованнино Теряй-День был великим путешественником. Путешествовал он, путешествовал и оказался в одной стране, где дома строили без углов — они были круглые, а крыши тоже ставили не под углом, а закругляли. Вдоль дороги шла живая изгородь из розовых кустов, и Джованнино захотелось засунуть одну розу себе в петличку. Он стал осторожно, чтобы не уколоться о шипы, срывать розу и заметил, что шипы не колются: они не были острыми, а лишь слегка щекотали руку.

— Смотри-ка, вот интересно! — удивился Джованнино.

Тут появился городской стражник и, улыбаясь, спросил:

— Вы, наверное, не знаете, что нельзя рвать розы?

— Мне очень жаль, я не подумал...

— Тогда вам придется заплатить только половину штрафа, — сказал стражник с при-

— Конечно, несправедливо! Конечно, так нельзя! — ответил стражник. — Это настолько несправедливо и ужасно, что люди, чтобы не давать пощечин ни в чем не повинным стражникам, не делают ничего такого, за что приходилось бы брать штраф и что запрещалось бы законом. Ну, так я жду: дайте мне, пожалуйста, две пощечины. И в другой раз, синьор путешественник, будьте внимательнее.

— Но я бы не хотел даже ущипнуть вас за щеку, не то что ударить!

— Тогда я вынужден проводить вас до границы.

И Джованнино, пристыженный, вынужден был покинуть страну, где не было ничего острого. Но и сегодня он все еще мечтает вернуться туда, чтобы жить по самым вежливым законам на свете в домике с изогнутой крышей.

ДВОРЕЦ из МОРОЖЕНОГО

А городской стражник заметил вдруг, что во дворце подтаивает одно окно. Стекла его были из земляничного мороженого и розовыми завитками стекали вниз.

— Бегите сюда, быстрее бегите сюда! — позвал стражник ребят.

И все стали есть окно, чтобы ни одна капля не пропала из этого чуда мороженого искусства.

— Кресло! Кресло мне дайте! — взмолилась вдруг одна старушка, которая пришла на площадь и которую совсем уже затолкали в толпе. — Дайте кресло бедной старушке. Помогите мне! Дайте кресло и, если можно, с ручками!

Великодушный пожарник сбегал во дворец за креслом из крем-брюле, и счастливая старушка прежде всего стала есть ручки кресла.

Это был большой день в Болонье. По приказу докторов ни у кого не болели животики.

Еще и сейчас, когда ребята просят купить им мороженого, родители вздыхают:

— Да, конечно, тебе надо было бы купить целый дворец из мороженого, как тот, что был в Болонье, вот тогда ты, может быть, будешь доволен.

Однажды в Болонье, прямо на площади, построили дворец из мороженого. И ребята приходили сюда со всех концов города, чтобы полакомиться этим удивительным сооружением.

Крыша дворца была из взбитых сливок, дым и трубы — из фигурного сахара и варенья. А все остальное было из мороженого: двери из мороженого, стены из мороженого, мебель из мороженого.

Один маленький мальчик ухватился за ножку стола и стал уплетать ее. Потом он съел вторую ножку, третью, четвертую, и вот уже весь стол со всеми тарелками — а они были из самого лучшего шоколадного мороженого — упал на него.

Перевела с итальянского И. Константинова.

ПРО ДЕЛА ПИОНЕРСКИЕ

Писем в редакцию «Пионера» приходит очень много. Ребята спрашивают про Луну и про звезды, про снежные узоры на окнах и про новые книги, про то, как дрессировать собаку и как делать змея... Но про пионерскую организацию вопросов почти нет. Словно всем все ясно.

«Что за странность? — подумал я однажды. — Почему вожатые горячо спорят о делах пионерских, а пионерам все ясно? Тут что-то не так».

Я пошел в одну дружину к ребятам.

— Смотрите, — говорю, — какой у вас сбор скучный. Выстроились на сцене и стишки читаете. Ерунда, — говорю, — а не сбор.

— А чего? — отвечают мне. — Сбор как сбор. Всегда так. И не сбился ни разу, хороший сбор!

— Смотрите, — говорю, — выпелы победителям соревнования у вас присуждает и вручает директор школы. Разве это порядок?

— Ну, может, и неправильно, — говорят мне, — но так уж у нас заведено. Не будешь же с директором спорить!

Мы долго так говорили. Я им: «Ерунда», а они мне: «Все так делают...», «А что тут такого?», «Всегда так было...», «Подумаешь!».

И тогда я понял, почему редки письма про пионерскую работу: многих пионеров она и не волнует... «Сбор так сбор, отбудем свой час — и по домам» — вот так примерно размышляют. И еще: некоторые пионеры, видно, решили, что все порядки в их дружине заведены раз навсегда — ничего не изменишь, да и менять-то не стоит. Дескать, так нужно, так положено...

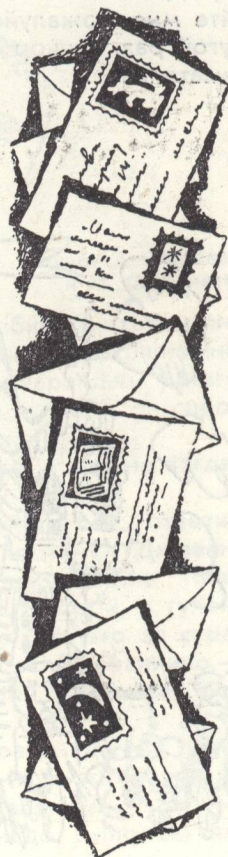
А почему нужно? Кем положено? Об этом не задумываются.

* * *

И все же нет-нет да и придет письмо от горячего человека, человека размышляющего, думающего, действующего! Это большая радость.

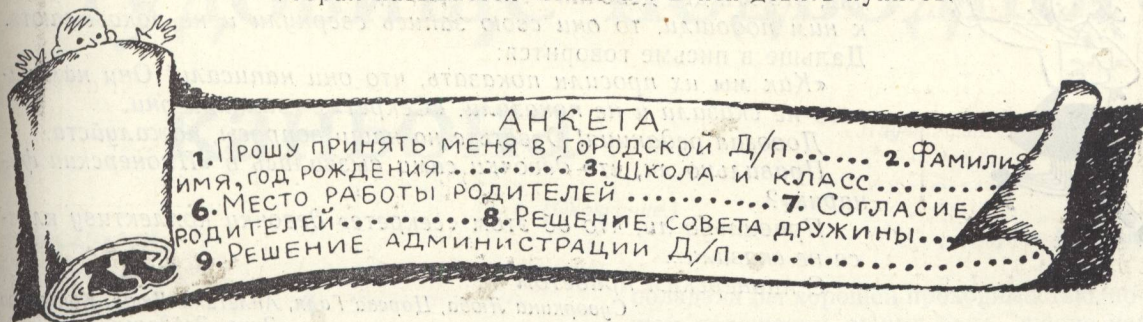
Вот какое хорошее письмо прислала по поручению совета детского клуба Люда Г. Привожу его почти полностью.

«Товарищ «Пионер»! Мы хотим поговорить с вами по-пионерски. Живем мы в Эстонии, в городе Нарве. У нас комсомольская стройка — Прибалтийская ГЭС; у нас текстильный комбинат — Кренгольм. Очень много комсомольцев. Нам есть с кого брать хорошие примеры. А в пионерской организации у нас что-то неладно. Например, при призыве «Будь готов!» салютуют только имеющие право на рапорт. Остальные салюта не отдают, только говорят: «Всегда готов!» А мы все, кто пишет вам это письмо, хотим отдавать салют. В «Пионере» № 9 писали, что пионеры сами решают, нужен дневник отряду или нет. А нам все равно говорят: «Нужен, нужен, нужен». Сейчас идет соревнование между отрядами. И если у отряда нет дневника по форме, то этот отряд в зачет не входит. А мой папа сказал, что на сегодня в Нарве самая бюрократическая организация — пионерская. При поступлении в кружок в Дом пионеров просто записаться нельзя. Сначала надо заполнить анкету, а потом полмесяца нужно ходить узнавать, принята ли я в кружок».

К письму приложена отпечатанная в типографии бумажка, которая называется «Анкета». В ней девять пунктов.

Вот какое хорошее письмо прислали нарвские ребята!

«Хорошее?! — удивитесь вы. — Чего ж тут хорошего — анкета из девяти пунктов? Согласие родителей? Решение администрации? Обязательные дневники?»

И все-таки письмо замечательное. Потому что если сегодня Люда и ее друзья сообразили, что все это неправильно, то завтра они добьются изменения порядков, а послезавтра будет у них хорошая, нормальная пионерская жизнь. А там, где ребят не волнуют свои дела в своей организации, там хорошей пионерской жизни не будет ни завтра, ни послезавтра.

Люда против формализма. Знаете, что такое «формализм»? Это когда люди делают что-нибудь не для дела, не для пользы, а для формы, для видимости.

В пионерской организации еще немало формализма — бесполезных, лишь для отчета проводимых дел.

Почему решили, что в строю нельзя отдавать салют? Говорят: «Ребята отдают салют по-разному, и в строю получается некрасиво...»

Видите — некрасиво! И выходит, что иным ребятам за всю жизнь один только раз приходится отдать салют, когда в пионеры принимают. Но об этом не думают, лишь бы со стороны красиво было!

Лишь бы по форме все было правильно. Вот это и называется «формализм»!

А дневники, о которых пишет Люда? Ну зачем обязательно дневник? Хотим — пишем, не хотим — не пишем. «Нет, — говорят, — чтоб был дневник — и все. Иначе — не зачет». Чтоб у всех было одинаково...

Хороший дневник, плохой, от души его писали или со злостью, и кто его будет читать, — это все неважно. Лишь бы форма была соблюдена...

Ну, а про анкету Дома пионеров и говорить нечего. Наверно, увидев анкету, папа Люды и воскликнул: «Самая бюрократическая организация в Нарве — пионерская!»

Большая просьба к Люде Г. и ко всем пионерам города Нарвы, которые согласны с ее письмом. Возьмите, пожалуйста, этот номер «Пионера» и отнесите его в городской совет пионерской организации, покажите там эти строчки. И если в письме все правильно, товарищи из городского совета расскажут вам, что же они собираются делать, чтобы не было больше этого проклятого формализма.

Еще одно письмо — про «Пионерский фонарик». Его прислали из отряда 7-го «А» класса Тополинской школы Алтайского края. Вот какое событие произошло в отряде. Две девочки «сами вызвались

в «Пионерский фонарик». И вот однажды пришли все в класс и видят, что эти две девочки «сидят за партой и что-то пишут. Но когда к ним подошли, то они свою запись свернули и не показывают». Дальше в письме говорится:

«Как мы их просили показать, что они написали! Они нам ничего не сказали и не показали. «Секрет», — заявили они.

Дорогая редакция! Ответьте на наши вопросы, пожалуйста.

Правильно ли, что девочки сами вызвались в «Пионерский фонарик»?

Правильно ли, что об этом «секрете» девочки коллективу класса не сказали...

С пионерским приветом

Суворкина Люба, Царева Галя, Анлётинна Люда, Контелова Зина, Зейдамышева Зина».

Что ж, тоже очень важное письмо. Правда, мне не очень нравится, что все стали приставать к этим девочкам с просьбой показать их «записи». Мало ли кто чего пишет! Не хочет показывать — и не надо. Повернулся и пошел себе.

Но случается, некоторые ребята, вступив в «Пионерский фонарик» или попав на какой-то «пост» в отряде, начинают зазнаваться. Мол, мы теперь особые. Нам вроде бы с «простыми» ребятами и водиться не к лицу. У нас свои дела, свои «секреты».

Иногда видишь: идет заседание совета дружины, а на него пускают не всех. «Секрет!» А почему секрет? От кого секрет? Нет, надо бы так: кто хочет — приходи! Тогда и «фонарик» и совет будут поддерживать все ребята, и работа пойдет лучше.

Хорошо, что девочки сами вызвались работать в «Пионерском фонарике». Так и должны поступать пионеры. Но если они и вправду возгордились — это плохо. Правда, в таких делах разбираться трудно. Говорят пионеру: «Ты задаешься». А он отвечает: «Ничего подобного, вовсе я не задаюсь». Я еще не встречал человека, который сам бы признал, что он задавака. Нет таких...

Но знаете, как бывает?

Вслух не соглашается (кому же охота при всех признаваться, что задаешься!), а придет домой, подумает и станет вести себя правильнее.

Уверен: в этом отряде будут хорошие, пионерские отношения между ребятами.

* * *

А вот трудное для ответа письмо. Его прислали пионеры-семиклассники из Таллинской школы № 32. «Что же делать тем отрядам, ребята которых живут в разных концах города, а пионерская зона в центре города, у школы? Очень просим, ответьте нам», — говорится в письме.

Подумали мы в редакции, посоветовались — и думаем так. Смысл «Зон пионерского действия» в том и состоит, что где ты живешь, там и работаешь. Там оборудуешь штаб, там собираешься с друзьями.

Может, вы, ребята, выдумаете что-то другое, похожее на «зону», но более удобное для большого города? Подумайте, пожалуйста.

Вожатый Сима СОЛОВЬЕВ.

Чудовище подводного каньона

Научно-фантастический рассказ

(Окончание.)

В. САПАРИН

Рисунки П. Павлинова.

4

Да, «Скат-1», зажатый чем-то похожим не то на мускулы, не то на ткани, почти наполовину утопленный в чем-то, высывался краем диска мне навстречу. Кабина светилась. Внутри, словно в фантастическом аквариуме, виднелись две движущиеся тени.

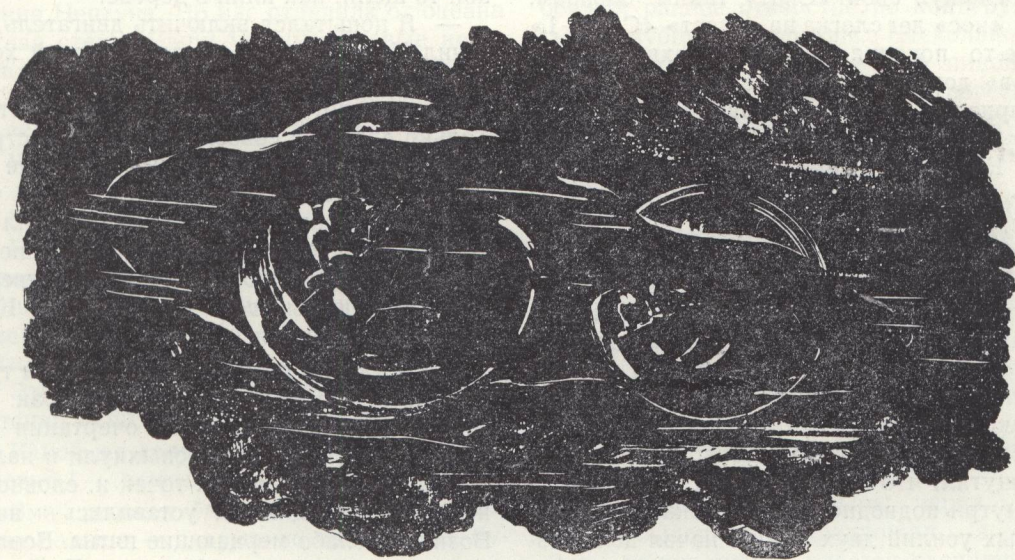
Так состоялась наша встреча. Я немедленно включил свет, и меня тотчас же заметили.

Я не мог подвести свою кабину вплотную к кабине Калабушева — Титова, и очень жаль.

Вверху и внизу у каждой кабины имелись люки, закрытые крышками, небольшие, но

обладала бы хорошей проходимостью, но в нашем положении, может быть, лучше как раз увеличение масштабов. А объединение усилий существенно сыграло бы в нашу пользу.

Вообще, когда ты не один, это уже в сто раз лучше. Я подогнал свой «Скат» вплотную к ребятам. Мы отрегулировали освещение, чтобы хорошо видеть друг друга. Титов, коренастый и низкорослый, сидел в кресле, чуть вобрав голову, с обычным своим спокойным видом. Калабушев приветствовал меня восторженно, подняв обе руки. Это был блондин с очень светлыми волосами и какой-то плоский в телосложении. Идеальная фигура

«Скаты» продвигались почти беспрепятственно.

достаточные, чтобы пролез человек. Если бы я мог расположить свою кабину прямо над кабиной «Ската-1» или под ней, они закрепились бы наглухо и образовали один корабль с двухэтажной рубкой. Мы свободно общались бы и могли даже плыть, не разъединяясь: двигатели-плавники работали бы в такт, в общем ритме. Правда, в тесном помещении, где мы находились, такая «двойка» не

для спелеолога. Проскользнет там, где мы с Титовым застрянем, словно пробка, задохнувшись в бутылку.

— Как дела? — спросил я.

Связь между нами действовала отлично.

— Мы тебя ждали, — сказал Титов. — Я все гадал, кто придет к нам.

Достаточно было на него взглянуть, чтобы понять: он ни минуты не сомневался, что по-

мощь прибудет, и просто ждал ее. С ним все было ясно.

— А вам как нравится обстановка? — поинтересовался я у Калабушева.

— Изумительно! — воскликнул он. — Можно только мечтать.

По лицу его расплылась блаженная улыбка. «Так, — подумал я. — Тут тоже ясно».

— Ну, а что вы скажете насчет змея? — задал я третий вопрос.

Титов молча пожал плечами.

Калабушев безнадежно махнул рукой.

Я помолчал немного. Мне не очень хотелось выглядеть дураком в их глазах. Но не помешалось же мне все то, что произошло!

— Как же будем выбирать? — спросил я. Титов снова пожал плечами.

— Тем же способом, — заметил он спокойно, — ты вытацишь нас за хвост — и все.

— Даже жалко расставаться, — с огорчением произнес Калабушев. — Но мы еще сюда вернемся, — утешил он себя.

— Ну, что ж, за хвост, так за хвост, — сказал я. Мне нужны были какие-то решительные действия. — Не будем откладывать.

Я развернул свой «Скат» таким образом, что его «нос» лег слегка на «хвост» «Ската-1» (вообще-то понятия «нос» и «хвост» для «Скатов» довольно относительны). Мы включили присосы, и наши корабли образовали одно целое. Хвост моего «Ската» заработал вовсю. Но «Скат-1» засел крепко. Мой «Скат» вертелся и изгибался, как ерш на крючке, а «Скат-1» стоял, как на мертвом якоре.

— Действуй и ты, — бросил я Титову.

Он включил свою машину. Теперь поднялась такая возня в таинственных, темных недрах, что любое существо, если бы мы находились внутри него, почувствовало бы толчки.

Однако все вокруг оставалось непоколебимым, как гора. Я впервые совершенно отчетливо ощутил, что мы находимся в подземном ходе внутри подводной горы. «Скат-1» от совместных усилий двух машин начал выskalывать из своих зажимов и наконец вышел на свободу.

Мы решили плыть, не расцепляясь. Опыт показал, что это надежнее, чем действовать поврозь. А конструкторы предусмотрели и такой вариант: два или даже три «Ската» могли идти цепочкой. Более продуманной и безопасной конструкции подводного судна я еще не видел.

— Пошли к выходу, — оживился Титов.

Но тут гидрофоны донесли какой-то стран-

ный шум. Потом нас качнуло. Затем все успокоилось. Но что-то вокруг изменилось.

— Нет течения, — сказал Калабушев.

Действительно, течение, все время тянувшее «Скаты» куда-то в глубь хода, приостановилось.

— Обрушились своды, — сказал Калабушев. Он показал в направлении входа.

— Надо разведать, — предложил Титов.

Больше ничего не оставалось делать. Мы двинулись осторожно, готовые отскочить назад в случае внезапной опасности.

— Как вас занесло сюда? — спросил я Титова.

— Именно занесло, — сказал он сокрушенно. — Понимаешь, мы шли вдоль каньона, а в стенке — с правой стороны — все попадались какие-то отверстия. Одно из них показалось нам похожим на голову змея, вернее, на пасть, как она была сфотографирована телекамерой. Мы остановились, чтобы разглядеть получше. Я даже выключил двигатель. В этом и была ошибка. Течением нас затянуло, словно проглотило. Так неожиданно, что я со всего размаху треснулся головой о стенку кабины. Когда пришел в себя, вижу: сидим в какой-то щели, как клин в дереве.

— Я попытался включить двигатель, — пояснил Калабушев, — и дал передний ход. Ну и вогнал «Скат» в ловушку.

Мы продвигались почти беспрепятственно. Только два раза совсем ненадолго застревали в узостях. Прошлый раз их вроде не было. Но вот нос моего «Ската» уперся во что-то.

— Мы у самого выхода, — сообщил Калабушев. Он помнил все повороты и ориентировался в почти полном мраке вполне уверенно.

— Выключим свет, — предложил Калабушев, — осмотримся.

Мы погасили огни. Первые две или три минуты я ничего не видел. Полный мрак. Потом начали выступать неясные очертания каких-то выступов и впадин. Вспыхнули и налились светом несколько ярких точек и, словно глаза неведомых хищников, уставились на нас. Возникли слабо мерцающие пятна. Все вместе напоминало картину Млечного Пути где-нибудь в районе Угольного Мешка.

— Это мы зажгли иллюминацию, — пояснил Калабушев. — Вон как зафосфоресцировало.

Во время движения «Ската» я из своей освещенной кабины различал только отдельные пятна и словно протягивающиеся ко мне толстые щупальца. Сейчас я мог ориентироваться лучше. Мы находились в пещере, наполненной водой. Минут через шесть-семь,

когда глаза привыкли к темноте, она обрисовалась бледными контурами.

Мне все стало ясно. Я попался на ту же приманку, что и Калабушев с Титовым. «Скат-2» так быстро втянуло в подземный ход, что мое воображение, раздраженное только что виденной картиной гигантского змея, создало впечатление, что тот же или новый змей набросился на меня. Я не думал, что у бывалых глубоководников могут так расшататься нервы!

Сейчас, когда нас захлопнуло, словно в мышеловке, создалось по-настоящему опасное положение. Инструкция недаром решительно запрещала и Титову и мне без особого разрешения входить в лабиринт Тумберлинка. Для меня основанием для входа в лабиринт могло служить лишь очевидное доказательство того, что именно в данном месте «Скат-1» проник внутрь подводной горы. Но я должен был получить подтверждение, что мне позволено идти в подземную разведку. Мы оба нарушили инструкцию, и оба ненамеренно. Правда, благодаря этим совпадающим обстоятельствам я, собственно, и нашел так быстро «Скат-1». В общем, все обошлось бы хорошо, если бы мы вышли из владений Плутона во владения Нептуна. Но нас отделяла от океана каменная стена. Наши ультразвуковые ножи против нее, разумеется, бессильны. Конструкторы «Скатов» готовили ведь подводные суда, а не горнопроходческие комбайны.

— У тебя нет взрывчатки? — спросил Титов.

— Увы, — развел я руками.

— Ваше счастье, — прокомментировал Калабушев. — Сводам может надоесть держать тяжесть горы, и она осядет: легкая дрожь — и камеры нет. Вас тоже. Вы что, не знаете капризов пещер?

— Это похуже, чем если бы нас проглотил гигантский змей, — подумал я вслух.

— Какой же должен быть змей, чтобы нас проглотить! — пожал плечами Титов.

— Змей должен быть метров шестьдесят, если не больше, — задумчиво сказал Калабушев. — Тот, о котором вы говорили, — пояснил он. О змеях он, вероятно, мог разговаривать в любой обстановке.

Титов не из тех людей, кто тратят много времени на сожаления о случившихся неприятностях. По выражению его лица я догадывался, о чем он думал. Все мы, глубоководники, воспитаны на аксиоме: нет безвыходных положений. Правда, сейчас практического подтверждения обнадеживающей аксиомы я пока не видел.

— Закрыт главный вход, — сформулировал я задачу в самом общем виде, — но, может быть, есть запасный?

— Течение, — сказал Титов.

— Куда-то течение вело, — согласился Калабушев. — Ветер в пещере — значит, есть второй выход. Течение — то же самое.

В той же связке, но только мой «Скат» стал задним, мы двинулись обратно. Сиденья, кресла и приборы в «Скатах» перемещались вместе с внутренней сферой и могли принять любое положение. Мы просто перевернулись внутри «Скатов».

Снова перед нами «узости». Снова расширения. Я не очень хорошо разбирался в этих выступах и провалах. Но спелеолог Калабушев все узнавал. Думаю, что если бы не он, мы с Титовым застряли бы еще не один раз. Там, где ход расширялся, в пещерах оказывались какие-то узкие щели, углубления, которые можно было принять за ходы, попадались и тупики. Течения, которое помогло бы ориентироваться, сейчас не было.

Вот мы попали, наконец, в то место, где я нашел «Скат-1».

Мы сделали остановку.

Титов включил светoisкаатель — тонкий луч обжегал рваное отверстие по контуру, выхватывая зубцы и выступы. Несколько зубцов Титов спилил ультразвуковой пилой. Потом осторожно повел «двойку» в отверстие. Первую кабину даже не царапнуло. Титов включил передний плавник и вытянул через «горлышко» мой «Скат».

Мы очутились в довольно просторной полости в недрах земли. Широкая, а главное, высокая, она тянулась метров на сто пятьдесят. Не меньше часа мы потратили на тщательное ее обследование, пока не убедились, что выхода нет.

— Но ведь течение входило сюда! — сказал Титов.

— Для воды есть и выход, — возразил Калабушев. — Нет выхода для нас.

— Посмотрим все дыры, через которые вода выходила, — предложил я. — Может быть, какую-нибудь удастся расширить.

Конечно, течение помогло бы нам отыскать все дырочки в подземном сите. Но Калабушев не зря имел специальность спелеолога. В конце концов он нашел под самым потолком узкую горизонтальную щель. Мы промерили ее ультразвуковыми локаторами: она шла, все время сужаясь, метров тридцать. О том, чтобы расширить эту глубокую трещину в толще пород, не могло быть и речи. Проскользнуть в нее не сумел бы человек даже в лег-

ком водолазном костюме. Словом, мы оказались закупоренными прочно и основательно — с обоих концов подземного хода.

— Самое скверное, — сказал Титов, — то, что нас не найдут: ведь вход завален.

— Да, разумеется, — спокойно подтвердил Калабушев. — Нет главного признака — скалы в форме развернутой пасти.

Упоминание о пасти змея вызвало в моем воображении вихрь картин.

— А я видел змея, — сказал я. — Перед тем, как попал в эту дыру.

Мы сидели сейчас лицом друг к другу. Титов и Калабушев повернули свою кабину. Получилось как бы маленькое совещание.

Калабушев взглянул на меня чуть испытующе. Он хотел уяснить: решил ли я вдруг разыгрывать товарищей в такой неподходящей обстановке? Или в моих словах заключался упрек ему: ведь мы очутились здесь в конечном счете из-за его убежденности в существовании змея.

Титов воспринял мои слова иначе. Он, видимо, решил, что я хочу приободрить их. Какая-то разрядка для нервов, отвлечение мыслей на короткое время были действительно необходимы. Он охотно включился в «игру».

— И здоровый он был? — произнес он, откидываясь в кресле и приготавливаясь слушать занятные байки.

— Да метров сто, — сказал я, понимая, что получается в общем-то ужасно глупо. Мне не

верят. И кто не верит? Те, кто, собственно, и разыскивал змея!

— Ну, что это за змей! — усмехнулся Титов. — Вот однажды...

— Должен вас предупредить, — вмешался вдруг Калабушев. — Что бы вы сейчас ни придумывали, вряд ли вам удастся превзойти «очевидцев», чьи рассказы занимают особый, отдельный шкаф в моей коллекции. Собирая материалы о морском змее и сортируя их, я выделял самые несолидные «свидетельства», самые бесшабашные истории, рассказанные пьяными матросами, в особый раздел под наименованием: «Чистый бред».

Меня разобрала досада. «Ты всю жизнь мечтал о встрече с морским змеем, — подумал я, — ты единственный человек, который верил в его существование, ты отправился специально на его поиски — и безрезультатно. И ты же высмеиваешь меня, единственного человека, который его видел». Но что я мог сделать? Мне оставалось подождать с рассказом о змее до более благоприятного момента. Но будет ли такой момент?

Я посмотрел на узкое лицо Калабушева. Он сосредоточенно думал. Теперь я понял секрет его мужества. Он просто привык к опасным ситуациям. И все. Спелеологи тоже занимаются не детскими игрушками. Сейчас он находился в привычной для него обстановке и привычно обдумывал положение.

— Есть какой-нибудь способ связаться с поверхностью? — спросил Калабушев. — Или с глубоководными судами, которые, конечно же, рыщут сейчас по каньону?

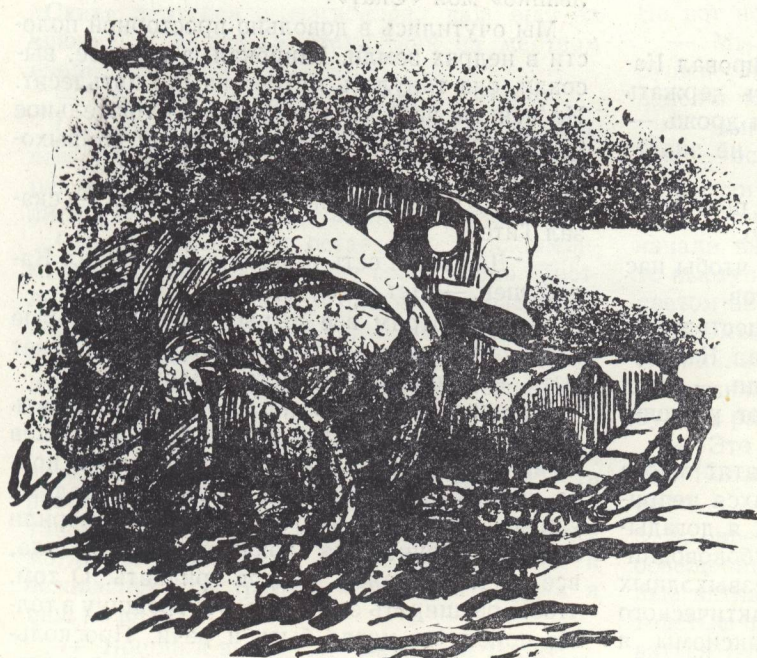
— Ультразвук не пробьет скалу, — сказал Титов.

— Радиоволны не пройдут сквозь гору, — заявил я. — Там пласты металлических руд. Кроме того, у нас направленный луч. Мы поддерживаем связь, так сказать, в пределах прямой видимости. Нащупать корабль вслепую почти безнадежно.

— Мы, спелеологи, пользуемся проволоочной связью, — сказал Калабушев. — Под землей это надежнее.

— «Скат» не для спелеологических исследований, — заметил я.

— Но вы же отправились в глубь лабиринта, — возразил Калабушев. — Значит, должны были выбросить буй и сматы-

Мы услышали звуки работающего бура.

вать с катушки кабель — элементарное правило.

Я не стал объяснять, что в тоннеле очутился нечаянно. Сейчас было не до того.

— Значит, нужен провод, — рассуждал между тем Калабушев. — Кабельная связь. По крайней мере до каньона.

Он помолчал.

— Выходит, нужно искать, — заключил он. — Ну, что ж, за работу. — И деловитым тоном добавил: — Я думаю, нам лучше расцепиться.

— Где вы думаете искать кабель? — оторопело спросил я.

— Да здесь же, где же ему еще быть!

Титов пристально посмотрел на Калабушева.

— Вы думаете, что кто-то оставил его здесь?

— Не кто, а что, — возразил Калабушев.

— Что же? — спросил я. Калабушев не переставал меня удивлять.

— Течение, конечно, — сказал Калабушев. — И, увидев наши недоумевающие физиономии, добавил чуть нетерпеливо: — Куда же, по-вашему, девалась телевизионная камера, которая сфотографировала «пасть змея»? Пасть поглотила ее, то есть течение втянуло ее в тот самый проход, где находимся мы. Камера в яйцевидном корпусе. Значит, течение может катить ее до тех пор, пока не встретится слишком высокий порог или слишком узкая щель. И то и другое — в этом зале. Следовательно, здесь и нужно искать.

Нет, что там ни говори, а спелеологи — толковые люди. Мы нашли камеру через пол-

Прожекторы устремились в ту сторону, куда показывала моя рука.

часа. Я нащупал ее локатором. Металл отозвался пронзительным писком в наушниках, едва я коснулся его невидимым лучом.

От камеры тянулся тонкий трос. Но самое для нас важное: в каком месте он оборвался? По теории вероятностей — скорее на более длинном отрезке, чем коротком. Тогда конец его должен выходить из-под земли. Теперь оставалось проверить теорию.

Я присосал камеру плавником. Затем включил внутренние проводники, по которым в плавник передавались электрические заряды. Эти проводники я, в свою очередь, подсоединил к антенне «Ската». У меня дрожали руки, но я старался не спешить. Внимательно глядя на стрелки, отрегулировал емкость. И вот он, решающий момент!

Едва я произнес: «Говорят «Скат-1» и «Скат-2». Перехожу на прием», — как гул голосов, усиленных бортовой аппаратурой, ворвался в обе кабины: «Где вы? Слышим хорошо. Что с вами? Отвечайте! Сообщите обстановку! Слушаем вас!»

На правах старшего в группе я коротко обрисовал наше положение. Постарался как можно точнее описать место, где должен находиться вход в коридор. Уж тут я показал, на что способен бывалый глубоководник! Я перечислил столько примет, что Калабушев буквально раскрыл рот.

— Однако вы наблюдательны, — произнес он, взглянув на меня серьезно. Видимо, до сих пор он полагал, что я умею только управлять «Скатом». Возможно также, что мои «шутки» насчет морского змея подорвали авторитет глубоководников в его глазах.

Вот тут-то я и решил поразить его окончательно. Описав во всех деталях подводную обстановку, я счел нужным предупредить спасателей о морском змее. Я доложил — сухо, кратко, деловито — о внешнем виде и примерных размерах морского змея. При этом я скосил глаз на Калабушева. Лицо его выражало крайнее удивление. Титов же смотрел на меня просто как на сумасшедшего. Он столько плавал в глубинах Индийского океана, что верил в морского змея не больше, чем в Змея-Горыныча из детских сказок. Титова я понимал отлично, но тем большее удовольствие доставило мне изумление Калабушева.

На борту «Искаателя» после моего сообщения наступила пауза.

— Ладно, капитан, — сказал наконец Агатов. — Держитесь! Сейчас вас вызовим.

Он передал еще несколько деловых указаний, но о змее даже не упомянул.

«Так, — сказал я сам себе, — там тебе тоже не верят».

На миг я ощутил положение Калабушева, который один на протяжении двадцати лет верил в существование морского змея, а остальные, слушая его, только пожимали плечами. Вот что значит быть упрямым! Упрямство Калабушева вызвало у меня уважение.

«Хорошо, — решил я. — Тем сильнее будет эффект, когда я покажу снимки, зафиксированные в магнитной записи. В моих руках документальное доказательство».

Я вдруг испугался, что, может быть, аппаратура записи не сработала, и я так и останусь в глазах Калабушева, Титова и всех людей величайшим лгуном на свете. Обуреваемый нетерпением, я тут же включил маленький контрольный экран для проверки качест-

ва записи и, приложив ладони к лицу, чтобы не мешал посторонний свет, прокрутил катушку. На экране возник в миниатюре каньон, а через несколько секунд в него вползло сверху длинное извивающееся тело. Еще несколько кадров — и огромный морской змей с утолщением посредине туловища заплесал на фоне каньона. Я даже невольно отодвинулся: настолько сильное впечатление производила картина.

— Отлично! — воскликнул я громко, выключив катушку. Я повеселел. А глядя на меня, повеселел и Титов.

— А здорово ты их! — подмигнул он мне. — Вот это розыгрыш! Я бы так не посмел...

Ему снова все стало ясно. Он был хороший товарищ.

Мы услышали звуки работающего бура, которые хорошо передавались по воде, затем что-то вроде серии слабых взрывов. И веселый голос в динамике произнес:

— Ну, вылезайте из норы.

Сцепившись в «двойку», мы направились к выходу.

По дороге я не утерпел и спросил Калабушева, что он думает о змее, которого я видел. Он отвечал уклончиво и, между прочим, сообщил, что при длительном пребывании в пещерах у людей, впервые очутившихся в подземном мире, иногда возникают не то чтобы видения, а как бы картины в мозгу, которые в первый момент трудно отличить от действительности. Я возразил, что наблюдал змея до того, как очутился в подземном мире. Он в тех же осторожных выражениях заметил, что даже у него, излазившего самые дикие щели планеты, иногда во время пребывания под землей спутывается хронология впечатлений.

«Ну, ладно, — подумал я. — Осталось немного ждать».

Когда мы со всеми мерами предосторожности подтянулись к выходу, то увидели широкое рваное отверстие.

Признаться, я вздохнул свободнее, когда мой «Скат» очутился в глубоководных просторах океана. Нет, пещеры не для меня. От этого ощущения многих тонн земли над тобой можно заболеть и галлюцинациями.

С наслаждением расправлял я мышцы рук и ног, точно гора давила меня там, внутри, своим весом. Мы расцепились и собирались всплывать на поверхность рядышком друг с другом. Метрах в пятидесяти глубоководный «Краб», освободивший нас из плена, подсвечивал нас лучами своих прожекторов. Я в порядке, так сказать, праздничной иллюмина-

ции тоже включил полный свет. С удовольствием оглядывал я теснину каньона и окружающую местность.

Оглянувшись назад, я вдруг увидел... Я трижды ущипнул себя. Потом отвел глаза и посмотрел снова... Огромный длинный змей, извиваясь, плыл прямо на меня. Может быть, его привлек свет? Отливающий серебристыми боками, он отчетливо был виден на фоне темной горы.

— Змей! — закричал я. — Змей!

Меня услышали и на «Скате-1» и на «Крабе». Все прожекторы устремились в ту сторону, куда показывала моя рука. Света было брошено столько, что змей сразу утонул в сияющем тумане. Но вот он повернулся и стал виден еще лучше, чем минуту назад.

— Бросьте, капитан! — сказал недовольным тоном Агапов. — Это уже не остроумно...

Титов покачал головой. Калабушев посмотрел на меня, как доктор на пациента. «С такими нервами нечего лезть в подземелья», — говорил его вид.

Происходило что-то ужасное! Никто не видел змея, кроме меня. Я же различал его отлично. Во всех деталях. Он плавно скользил вдоль склона горы и сейчас как-то особенно живо шевельнул хвостом. Я включил камеру. Надо думать, современная съемочная аппаратура не страдает галлюцинациями!

Пока я возился со съемкой, «Скат-1» приблизился ко мне вплотную и взял меня на буксир.

После этого я получил приказание — да, приказание! — передать управление «Скату-1». А когда я это выполнил — дисциплина у глубоководников в крови, — «Скат-1» потащил меня наверх.

На борту «Искателя» мне предложили переодеться, напоили горячим молоком и уложили в постель. Агапов минут через десять навестил меня и внимательно выслушал рассказ о змее. Сказал, что просмотрит магнитную запись.

— Отдохните, — сказал он. — Через час у нас будет совещание по первым итогам. Вы в состоянии принять участие?

Все рассматривали что-то, лежавшее на тарелке.

— Конечно, — сказал я. — Никаким особым лишениям я не подвергался. Час покоя — чисто формальный. Я могу идти сейчас на любую глубину.

— Хорошо, хорошо...

Я лежал и старался не думать о недавних происшествиях. Полагается давать полный отдых всему организму в час покоя. Поэтому я думал о разных пустяках. Незаметно я заснул.

5

Когда спустя час я вошел в кают-компанию, все были уже в сборе. Человек пятнадцать столпились вокруг стола и рассматривали что-то, лежавшее на обыкновенной тарелке. Агапов держал в руке лупу.

— Ага! — сказал он, увидев меня.

— Что это? — полюбопытствовал я.

— Ваш змей, — сказал Агапов.

Меня пропустили к столу.

На тарелке лежала какая-то ниточка. Что-то похожее на волос. Волос был изогнут в форме вопросительного знака.

— Не узнаете? — Агапов протянул мне лупу.

Я поднес ее к волосу и узнал... змея — серебрищиеся бока и вздутые посредине туловища. Хвост шевельнулся от качки, и мне показалось, что змей ожил.

— Водоросль. Прилепилась к наружной сфере вашего «Ската», — сказал Агапов.

Кто-то привел латинское название.

— Свободный конец колыбался от течения, — обернулся ко мне Титов. — Мельтешил у тебя перед глазами. Ну и перед объективом камеры, конечно. Проектировалась же эта бестия на дальний фон горы. Смещение масштабов.

— Типичный случай, — разъяснил Калабушев. — В моей коллекции насчитывается сотни две клятвоженных, данных под присягой заявлений людей, которые стали жертвой такого же оптического обмана.

Я стоял, словно оглушенный. Типичный случай! Обыкновенный оптический обман!

— Что ж, капитан, — сказал Агапов, открывая или продолжая совещание, — вы свое дело сделали. Задание — разыскать «Скат-1», — можно считать, выполнено.

— Конечно, — сказал я, — если не считать, что находка сделана против моей воли, что я способствовал, вероятно, обвалу у входа своими неосторожными действиями и что если бы не находчивость Калабушева...

— Хватит! — решительно перебил меня Агапов. — Только что мы слушали, как сокрушался ваш коллега Титов, который считает себя виновным в том, что «Скат-1» попал в ловушку. Разумеется, вы проанализируете ваши действия и, надо думать, в следующее погружение пойдете обогащенными опытом. Но не надо забывать, — добавил он, — что и мы не сказали еще последнего слова в поисках. Мы облазили бы все норы, прослушали бы всю гору и распилили бы ее хоть пополам, чтобы извлечь вас за те две недели, на которые рассчитаны аварийные запасы кислорода и продовольствия на борту «Скатов». То, что вы, капитан, исчезли в теле горы, мы определили по характеру обрыва связи с вами.

— История, — покрутил головой Титов. — А что, — обратился он к Калабушеву, — вы по-прежнему верите в морского змея?

— А почему я должен не верить? — спокойно возразил узколицый спелеолог. — Прибавилось еще одно ложное свидетельство к сотням старых. Нет научного доказательства, но нет и научного опровержения.

— Ну, вы действительно упрямец!

— Что собираетесь поделявать, капитан? — обратился ко мне Агапов. — Мы тут собираемся предпринять одно...

— Знаете, — сказал я, — мне бы давно пора в отпуск. Я все откладывал, но вот...

— Отлично, — перебил меня Агапов. — Блестящая идея! Куда вы хотите?

— Вы говорили, что на Луне очень интересно? — спросил я Агапова. — Вы, кажется, были на обратной стороне?

— Да, но там плохая связь с Землей. Порой по целым неделям...

— Отлично, — сказал я. — Меня вполне устраивает. Сейчас соберу свой походный чемоданчик и, если вы подкинете меня к ближайшему космодрому...

Я вовсе не хотел слушать, как вся планета будет смеяться надо мной.

Конечно, никто не станет злорадствовать или хотя бы подтрунивать над бывалым капитаном-глубоководником, которому в силу чисто оптического обмана померещился морской змей в нашем просвещенном веке. Но ведь чувство юмора у людей есть. Я уж лучше прежде немного на обратной стороне Луны, а через неделю человечество наверняка будет занимать другие темы.

* * *

Уже находясь на Луне, я узнал, что Калабушев нашел своего морского змея. Два дня спустя они с Титовым совершили новый спуск в каньон и в соседней подводной пещере обнаружили целый выводок гигантских глубинных рептилиеподобных существ. Им разрешили — с соблюдением всех предосторожностей — заход в пещеру и даже отлов парочки змеев с помощью специальных сетей. Остальных решили не трогать, только оградить решетками все выходы из пещеры и напихали туда телекамеры, чтобы наблюдать чудовищ в естественной для них обстановке. Змеи оказались не такими уж огромными, как тот, что померещился мне, но все же достигали метров тридцати в длину — достаточно, чтобы наводить ужас на матросов какого-нибудь утлого парусника. Плавали они, извиваясь, как пиявки. На спине выделялся зубчатый вырост, и подобия плавников выдавались около головы — не то недоразвитая форма, не то, наоборот, рудиментарные остатки прежних органов. Самое удивительное, что у змея было действительно три глаза.

Я узнал об этом из «Лунной газеты», которую забросили на обратную сторону планеты-спутника ракетной почтой. Газета посвятила событию две полосы пухлого номера, снабдив репортажи большущими фото. В общем, это и оказалось то событие, что отодвинуло в тень приключения некоего капитана-глубоководника. Я мог возвращаться к выполнению своих обязанностей.

Нет, но все-таки каково?!

ИЗ СТИХОВ И РИСУНКОВ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

(К 150-летию со дня рождения)

Давно то было... Помню: в школе
Я у учителя-дьячка
Стяну пятак исподтишка
(А вырос я в убогой доле,
Так беден) и себе куплю
Бумаги лист, потом сошью
Себе тетрадочку. Крестами,
Узорной рамкой и цветами
Кругом странички обведу,
Впишу стихи: Сковороду
Или «Три царице со дары».
И, чтоб никто не мог узнать,
В бурьяне потихоньку спрячусь,
Про себя пою да плачу.

И вот на старости опять
Стихи приходится мне прятать,
Строчить в тетрадку, распевать
И, притаясь в бурьяне, плакать
И тяжело плакать, и не зная,
За что меня господь карает?
Ребенком школили меня,
Седого школить продолжают...
Муштрой в могилу загоняют...
Должно быть, из-за пятака,
Что скрал я в детстве у дьяка,
Господь меня теперь карает...

Перевод Е. Полонской

Автопортрет. 1847 г.

Бутаков и фельдшер Истомин в комнате укрепления, Кос-Арал. 1848 г.

Тополь

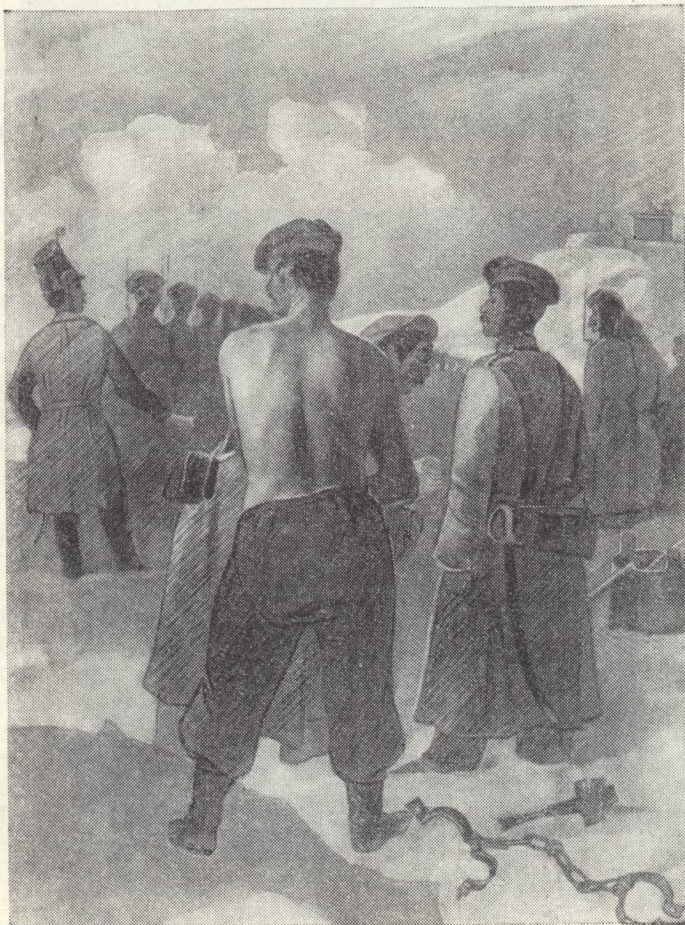
Отрывок

По дуброве ветер веет
Да в поле гуляет.
Он на тополь налетает,
К земле пригибает,
Стан высокий, лист широкий
К чему зеленеет!
Кругом поле, словно море,
Широко синее.
Поглядит чумака на тополь,
Голову опустит;
А пастух его встречает
Песней, полной грусти.
Приглядишься — сердце ноет:
В поле ни былинки!
Гибнет тополь, как в неволе
Гибнет сиротинка!

Перевод А. Безыменского

* * *

Село! Пришел конец кручине...
Село на нашей Украине —
Пестрее писанки село,
Зеленой рошей поросло;

Наказание шпицрутенами. 1856 — 57 гг.

Цветут сады, белеют хаты,
А на горе стоят палаты,
Как диво дивное; кругом
Кудрявых тополей вершины;
А там и лес, — леса, долины,
Холмы синее за Днепром:
Сам бог витает над селом!..

Из поэмы «Княжна»

Перевод В. Гиппиуса

* * *

Мне безразлично, жить я буду
На Украине или нет,
Попомнит кто или забудет
Меня на дальней стороне, —
Все это безразлично мне.
В неволе вырос меж чужими,
И, не оплаканный своими,
В неволе, плачущий, умру,
И все с собою заберу, —
Бесследно, навсегда покину
Просторы славной Украины,
Своей и не своей земли.
И пусть отец не скажет сыну,
Припомнив обо мне: «Молись
О нем: ведь он за Украину
Замучен от нее вдали». —
Мне безразлично это — будет
Тот сын молиться или нет...
Но то не безразлично мне,
Что Украину злые люди
Смирят лукавством... И в огне
Ее, ограбивши, разбудят...
Ох, как не безразлично мне!

Перевод А. Суркова

* * *

Как умру — похороните
Вы меня в могиле
На кургане, над простором
Украины милой,
Чтоб поля необозримы,
Чтобы Днепр и кручи
Было видно, было слышно,
Как ревет ревучий.

Как помчит он с Украины
Прямо в сине море
Кровь всех врагов, тогда я
И поля и горы —
Все покину, в небо ринусь
К божьему порогу
Помолиться. А до тех пор
Я не знаю бога.

Схоронив меня, вставайте,
Цепи разорвите
И злодейской вражьей кровью
Волно окропите.
И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте, помяните
Добрым, тихим словом.

Перевод Н. Тихонова

История одного портрета

Иван ХАЛТУРИН

ОДНА СУДЬБА

Его счастье было, что он родился на Севере Соединенных Штатов Америки, где негры считались свободными. Другая была бы у него судьба, родись он на Юге: тогда вряд ли мы узнали бы даже его имя. Он был негр, его звали Айра Олдридж. Его отец был тоже негр, пастор негритянской церкви. Дед его был вождем племени на западном побережье Африки. Год рождения Айры точно неизвестен, можно только предполагать, что родился он в 1805 году, хотя энциклопедии указывают разные годы.

Ребенком Айра Олдридж побывал в Африке. Отец его пытался тоже стать вождем родного племени, но был встречен враждебно и вынужден бежать. Айра помнил, как «однажды, играя восьмилетним ребенком у двери хижины, где они жили, он увидел нескольких воинов, проходивших мимо. Те заметили его сходство с бежавшим отцом, местопребывание которого им было неизвестно. На их расспросы хозяйка хижины спокойно ответила, что это — дитя ее дочери; его не тронули». Притязания его отца кончились неудачей, и после долгих скитаний по Африке семья Олдриджа вернулась в Америку. Но она оказалась для Айры не заботливой матерью, а злой мачехой, хотя положение его несколько смягчалось тем, что отец его был священником и сына готовил к тому же.

В школе Айра усердно изучал богословские предметы, но награды он получал чаще всего за декламацию и мечтал стать не пастором,

а актером. Но это было не так просто для негра. «В те времена, — рассказывал Олдридж впоследствии, — при входе в театр висела надпись: «Собакам и неграм вход воспрещается». Даже посмотреть театральное представление было негру почти невозможно: только в одном Нью-Йорке, где-то в парке, в маленьком театрике существовала галерея верхнего яруса, куда допускались негры. Там, в соседстве с городскими бедняками и бродягами, Айра впервые увидел на сцене спектакль с декорациями и актерами. Театр произвел на юного негра сильнейшее впечатление. Теперь он уже неотступно думал, как сделаться актером.

Его смелая и дерзкая мечта сбылась. Сначала он играл на частной сцене, в маленькой любительской труппе, где не было ни одного белого актера. Но играл он не в случайных пьесах, а в трагедиях Шекспира, играл Гамлета, Ромео. Успех молодого актера вызвал зависть у белых актеров соседней труппы, и маленький негритянский театр был разгромлен. Театральные дельцы не могли допустить, чтобы негры играли белого Шекспира. Разгром маленького театра разъяренной толпой испугал отца Айры, и он попытался вновь вернуть сына на путь богословия. Айра поступил в тот колледж, где учился когда-то его отец. Он хорошо учился, но ни на минуту не забывал о своем настоящем призвании. Тогда отец отправил его в Англию, надеясь, что там прекратится его увлечение театром. Но в Англии, живя в Глазго, Айра Олдридж еще усерднее изучал Шекспира, тайком готовя роль за ролью. Наконец ему удалось выступить в небольшом театре в Восточной части Лондона. Он играл Отелло. Для этой роли ему не нужно было гримироваться, не нужно было накладывать черную краску на лицо — Отелло был мавр, — и потому естественно было, что его пригласили на эту роль. Он имел большой успех. Он оказался подлинным Отелло, пото-

му что, когда после спектакля был представлен семье некоего лорда, юная дочь этого лорда, как новая Дездемона, полюбила Олдриджа, решила для него оставить все на свете и стала его женой, верной спутницей во всех его скитаниях.

Айра Олдридж стал великим актером. Он играл не только Отелло, но и короля Лира, и Макбета, и Ричарда III. Лучше многих белых собратьев воплощал он эти образы Шекспира. Но он был негр, и вместе с шумным успехом за ним всегда шла клевета и травля. Он не мог получить постоянного места в каком-нибудь большом театре столицы и вынужден был скитаться по маленьким провинциальным театрам, а позже по всей Европе — Швейцарии, Франции, Бельгии, Австрии, Швеции. В Германии, где он имел особенно большой успех, он выступил перед зрителями с речью, которая заканчивалась такими словами: «С черным лицом, дитя солнца, я стою перед вами, но в душе моей — свет!»

Он был уже настолько известен, что мог гастролировать один, выступая в театрах разных стран с местными актерами, играя на языке Шекспира. Осенью 1858 года Айра Олдридж приехал в Петербург.

СУДЬБА ВТОРАЯ

Несколькими годами позже, чем Айра Олдридж, в другом полушарии, на Украине, родился другой герой нашего рассказа — Тарас Шевченко. Он появился на свет в семье крепостного крестьянина и с самого рождения был рабом помещика Энгельгардта, его собственностью.

Тарасу было девять лет, когда умерла его мать, а на двенадцатом году он остался круглым сиротой. В отцовском доме было бедно и голодно, и мачеха была рада, когда мальчик поступил к дьячку учеником и даровым работником. Маленький Тарас таскал воду, рубил дрова, топил печи, ходил за коровой, а за это дьячок обучал его грамоте. Скоро мальчик научился читать и читал так внятно и выразительно, что его стали звать читать псалтырь над покойниками. За это ему давали кусок хлеба и деньги.

С малых лет у Тараса была страсть к рисованию. Он рисовал углем на стенах, на обрывках бумаги, случайно попавших ему в руки, срисовывал картинки, которые ему удавалось найти. Дьячок, учитель Тараса, был горьким пьяницей и жестоко избивал своих учеников. Тарас не выдержал и убежал. Ему

пришлось вернуться домой, и он нанялся в пастухи. Но любовь к рисованию и тут становилась ему помехой: овцы и свиньи, которых он пас, разбегались, пока пастух, забыв обо всем на свете, с увлечением перерисовывал лубочную картинку. Он хотел поучиться у маляров в соседних селах, которые расписывали церкви, но он был уже подростком, и требовалось разрешение помещика. Однажды управляющий имением, поговорив со смышленным мальчиком, взял его в помещичий дом поваренком, а потом отправил его в город Вильно — к сыну помещика. В списке дворовых против фамилии Шевченко появилась пометка управляющего: «Годен в комнатные живописцы». Его молодой барин, царский офицер, не нуждался в живописцах и определил Тараса своим «казачком». «Казачок» должен был сидеть в передней и по первому зову молча исполнять все барские приказания.

Теперь даже бедная деревенская жизнь, в которой так мало было радостей, показалась Тарасу вольной. Единственным утешением было для него, когда удавалось украдкой рисовать, но и за это приходилось ему расплачиваться иногда даже своей спиной.

Через несколько лет барин Тараса вышел в отставку и переехал в Петербург. Он совершал путешествие в карете. Тараса вместе с другими дворовыми перегоняли в столицу пешком, как стадо скота.

В Петербурге Шевченко стал просить барина отпустить его учиться живописи. На этот раз Энгельгардт сообразил, что иметь своего крепостного художника выгоднее, чем просто лакея, и отдал его в ученики к «мастеру живописного цеха» Ширяеву. У этого «мастера» Тарасу учиться было нечему, но он много рисовал и совершенствовался в своем искусстве. Талантливость Шевченко была замечена — о нем рассказали поэту Жуковскому и художникам Венецианову и Брюллову. Судьба крепостного художника их тронула, и они захотели помочь ему — выкупить у помещика. Карл Брюллов, который был в те годы на высоте своей славы, нарисовал портрет Жуковского. Портрет этот был разыгран в лотерее, вырученные деньги были отданы помещику. Тарас Шевченко стал свободным человеком. Он начал посещать классы Академии художеств и сделался любимым учеником Брюллова.

Скоро он догнал своих товарищей по Академии и получил серебряную медаль за рисунок.

Талант, получивший свободу, раскрылся в молодом Шевченко с необычайной силой: он почувствовал в себе не только художника,

Автопортрет. 1860 год.

но и поэта. Он стал писать стихи на родном, на украинском языке, в его памяти ожили кобзари, ходившие по селам его родины и распевавшие думы о прошлом, о вольном казачестве, о тяжелой крестьянской доле. Уже в 1840 году вышла в свет книга стихов Тараса Шевченко, так и названная им — «Кобзарь».

Он стал в жизни тем, к чему стремился, — художником и народным певцом. Слава пришла к нему.

Тогда он вернулся на Украину, мечтая работать для народа, быть его просветителем и певцом. Полный надежд и сил, ходил он по родной земле, ездил по городам и селам, слушал народные песни, записывал старинные предания, рисовал портреты и картины украинской природы. Сам испытавший на себе всю тяжесть крепостной неволи, он горячо сочувствовал крестьянам и в разговорах с ними смело обличал помещиков и царскую власть. Рассказывают, что иногда он действовал очень хитроумно: вынимал из кармана одно зерно пшеницы и, положив его на середину стола, говорил, что это царь. Потом он окружал этого «царя» зернами, называя их

министрами, генералами, губернаторами. Следующий круг зерен он называл чиповниками, помещиками, вообще господами, и просил хорошенько запомнить их всех. А тогда он доставал из кармана целую горсть пшеницы и высыпал на всю эту «знать», говоря: «А вот это мы — мужики. Ну-ка, отыщите теперь царя, и генерала, и помещика!»

А иной раз он и прямо говорил крестьянам о тех временах, когда и следу панского не останется на Украине. Все это не прошло ему даром. В 1847 году его арестовали вместе с другими членами тайного общества, которое ставило своей целью объединить славянские народы и «искоренить рабство и всякое унижение низших классов». Другие члены общества отделались легко, а Шевченко был отдан в солдаты, и царь Николай I собственноручно написал на приговоре: «Под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать». Его сослали в Оренбургский корпус, и он десять лет жил в ссылке, неся солдатскую службу то в Орской крепости, то в Ново-Петровском укреплении на берегу Каспийского моря. Самым тяжелым для него было запрещение писать и рисовать, но тайно он продолжал сочинять стихи и зарисовывал людей и новую для него природу.

После смерти Николая I все ждали амнистии для Шевченко. Но понадобилось еще много хлопот и усилий его друзей в Петербурге, чтобы добыть ему свободу.

Весной 1858 года Тарас Шевченко вернулся в Петербург.

ВСТРЕЧА

Шевченко поселился в Академии художеств, где ему была дана мастерская. Он часто бывал в квартире вице-президента Академии, графа Федора Толстого, известного скульптора и медальера. Особенно подружился он с двумя его дочерьми. Старшая, пятнадцатилетняя Катя, училась рисовать. Иногда Шевченко являлся к ним после обеда и говорил:

— Серденько мое, берите карандаш и идем скорее!

— Куда, позвольте узнать?

— Да я тут дерево открыл! И какое дерево! Красота! Идем же скорей!

И они шли открывать красоту на Среднем проспекте Васильевского острова и рисовали красивое дерево.

Часто они ходили вместе на набережную Невы любоваться закатом, а иной раз и восходом солнца. Он рассказывал девочкам про свою Украину, про широкий Днепр, про утопавший в садах Киев, пел им украинские песни.

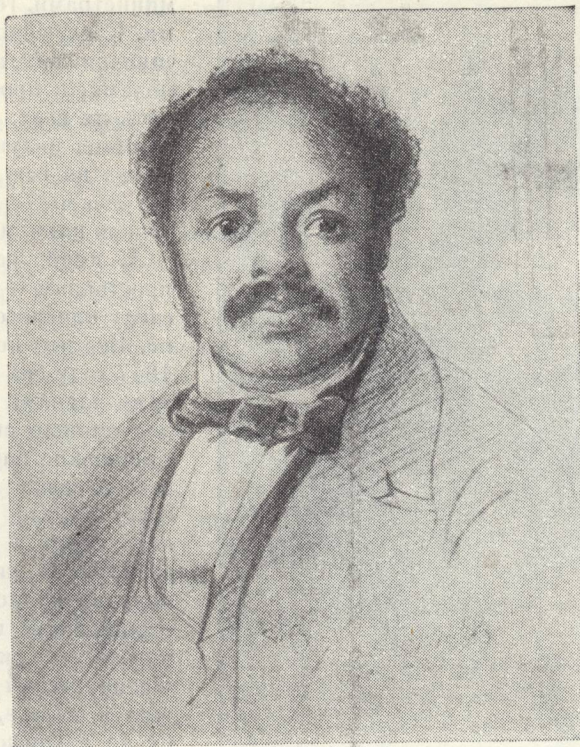
В начале ноября по Петербургу развесили большие афиши, извещавшие жителей, что в театре-цирке будет выступать в роли Отелло известный актер-трагик Олдридж.

Семья Толстого и многие их знакомые взяли несколько лож рядом и отправились на спектакль. Олдридж имел огромный успех. Игра его произвела на Толстых такое сильное впечатление, что они поехали в гостиницу, где остановился Олдридж, чтобы приветствовать его по возвращении из театра. Скоро Олдридж появился у Толстых и здесь познакомился с Шевченко.

«Он стал почти каждый день бывать у нас, — вспоминает в своих записках старшая дочь Толстого. — Он полюбил нас, и мы не могли не полюбить его. Это был искренний, добрый, доверчивый и любящий человек, по характеру очень похожий на Шевченко, с которым он близко сошелся».

Всякий раз, входя в квартиру Толстых, Олдридж спрашивал: «А где артист?» — так он называл Шевченко, не умея произнести правильно его имя. «Ох, уж эти мне русские имена!» — смеялся он. Посылали за Тарасом Григорьевичем, и он тотчас являлся. Хотя Шевченко не говорил ни слова по-английски, а Олдридж не знал по-русски, они все-таки быстро научились понимать друг друга — так выразительны были их лица, жесты, а речь их переводила Катя.

Шевченко решил написать портрет Олдриджа. Актер охотно согласился позировать и стал приходить в мастерскую к Шевченко. И каждый раз туда приходили обе девочки Толстые: ведь переводчица была здесь необ-

Портрет Айры Олдриджа. 1858 год.

ходима, а младшая не хотела упустить случая побыть с Олдрижем. Она сразу заявила, что «хотя он и негр, она сейчас же вышла бы за него замуж», и актер шутя называл ее «своей маленькой женой».

Девочки усаживались с ногами на туфельный диван, Олдридж — на стул против Тараса Григорьевича, сеанс начинался. Несколько минут слышался только шорох карандаша по бумаге, но молчание продолжалось недолго. Разве мог живой, темпераментный актер долго усидеть спокойно на месте! Он начинал шевелиться, смешал девочек, они кричали, что-

бы он сидел смирно, а сами не могли удержаться от смеха. Шевченко сердился, прекращал работу. Олдридж мгновенно делал испуганное лицо и снова сидел некоторое время неподвижно. Вдруг он спрашивал: «А можно петь?»

— А ну его, пусть поет себе! — отвечал художник.

И вот в мастерской Российской Академии художеств звучала заунывная негритянская народная песня или старинный английский романс, пока внезапно Олдридж не вскакивал с места и не пускался отплясывать джигу посреди мастерской. Карандаш художника, конечно, откладывался в сторону, но Шевченко более уже не сердился: веселье Олдриджа заражало и его. Он тоже принимался петь свои украинские песни и плясал казачка. А утомившись, оба принимались уже серьезно разговаривать о разных городах и странах, где побывал Олдридж, о песнях разных народов. Олдриджу так понравилась песня «Во пиру, во беседушке», что он выучил ее и, играя в Киеве водевиль, пел ее по-русски к общему восторгу.

Несмотря на такие помехи, которые очень затягивали работу художника, портрет был закончен 25 декабря 1858 года. И Шевченко и Олдридж — оба оставили на портрете свою подпись, как бы скрепив этим свою дружбу.

Так жизнь свела в искусстве две разные судьбы двух замечательных людей.

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ.

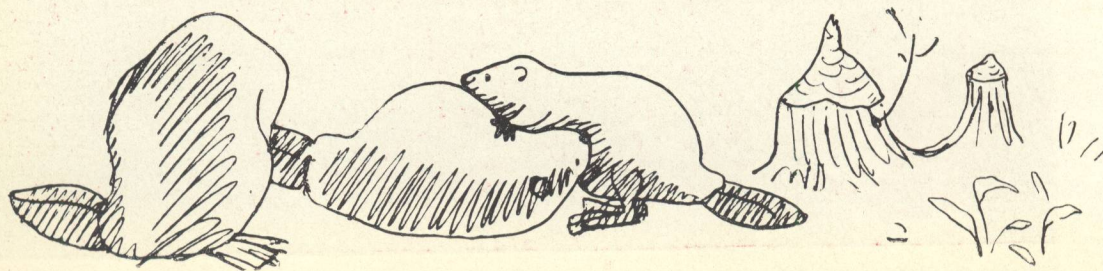
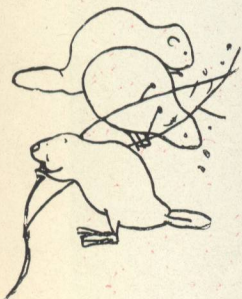
Т. Шевченко

ПОЖАР В СТЕПИ.

Т. Шевченко

Под охраной человека

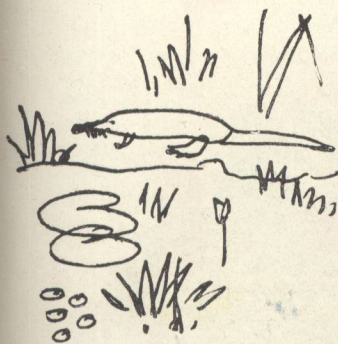
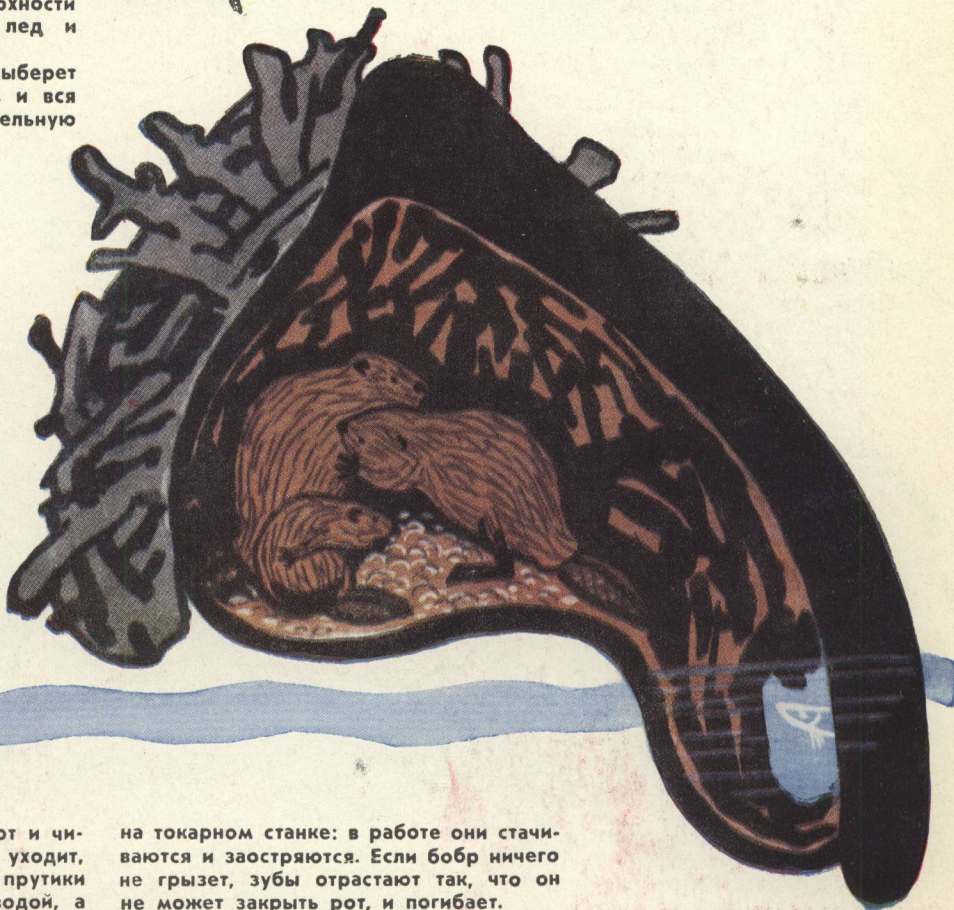
Воронежский заповедник — это нетронутый уголок природы Средней России.

Так же, как столетия назад, пятнистые олени бродят в древних дубравах, кабаны разрывают муравейники, а на речке Усманке синим пятнышком пролетает зимородок и вечером гулко бьет хвостом по воде бобр.

Бобры в заповеднике перегораживают плотинами лесные речки, поднимают воду и на берегу прудов строят хатки. Вход в хатку скрыт под водой, и ни один хищник не доберется до бобрового семейства. Далеко в лес уходят прорытые бобрами каналы. Ночью бобры уплывают по каналам в лес и грызут деревья. Когда дерево упадет, они отгрызают ветки и сплавляют по каналу к бобровому пруду.

Все дно пруда утыкано свежими ветками — это запасы корма на зиму: если ветки будут плавать на поверхности воды, зимой они вмерзнут в лед и бобры погибнут от голода.

Зимой бобр нырнет на дно, выберет осинку, затащит в теплую хатку, и вся семья обгладывает с нее питательную кору.

Каждую ночь бобры проверяют и чинят свои плотины: если вода уходит, взрослые бобры подтаскивают прутья и ветки и укрепляют их под водой, а бобрята обмазывают дыру грязью. Все работают! Ведь плотина — это и безопасность хатки и запасы на зиму.

Бобры всегда в работе: подгрызают деревья, роют каналы, возводят плотины. Зубы бобра устроены, как резец

на токарном станке: в работе они стачиваются и заостряются. Если бобр ничего не грызет, зубы отрастают так, что он не может закрыть рот, и погибает.

Бобров в Воронежском заповеднике отлавливают, перевозят в Сибирь и там выпускают на таежных речках.

Ученые заповедника много сделали для расселения бобров в нашей стране.

Г. Снегирев

Рисунки М. Митурича.

Рисунки В. Федотова.

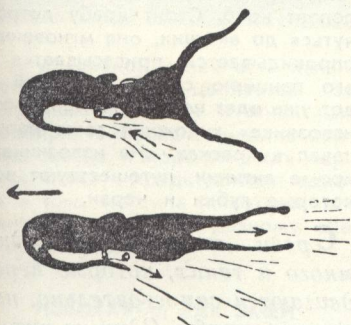
1. Краб. 2. Сифонофора. 3. Кальмар. 4. Ракушка конус. 5. Пескожил. 6. Морская звезда и морской гребешок. 7. Актиния на крабе.

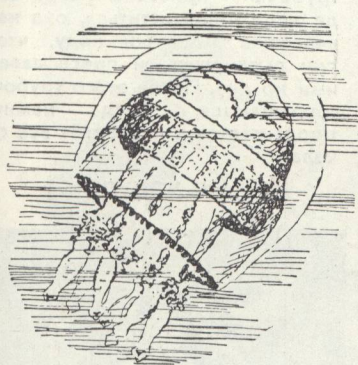
Кто как под водой движется

О. СЕРГЕЕВ, биолог

МОРСКИЕ РАКЕТЫ

Самые знаменитые среди них — головоногие моллюски: кальмары, каракатицы, осьминоги. На цветной картинке вы видите кальмара. Это самый быстрый пловец в океане. Он обгоняет даже океанские корабли. Плавник служит ему рулем и стабилизатором, а десять щупалец — рулями поворота. Кальмар несется хвостом вперед, всасывая воду под кожистую складку-мантию, а потом, закрыв мантию, с силой выбрасывает воду через воронку, расположенную под клювом. Наверху — схема его движения.

Медуза движется тоже реактивным способом, но гораздо медленнее, чем кальмар. Мягкими, пульсирующими движениями она

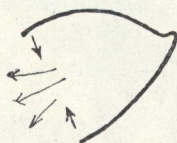
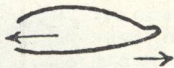
4. «Пионер» № 3.

Каждый из вас, конечно, наблюдал рыб либо в аквариуме, либо на воле — в природных условиях, и видел, как рыбы плавают. Но рыбы — только незначительная часть жителей подводного мира. По сравнению с миром суши подводный мир гораздо богаче и разнообразнее. Даже способов передвижения у его обитателей больше пятидесяти!

Давайте заглянем в океан и посмотрим, кто как движется. Начнем с вольных жителей морской стихии: с тех, кто свободно перемещается в толще океанских вод, подобно птицам в воздушном океане.

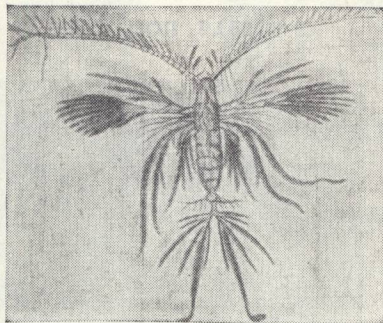
сокращает свой купол и выталкивает из-под него воду.

Морской гребешок превращается в ракету только в минуту опасности. Посмотрите на цветную картинку. Вот подобралась к нему страшная хищница — морская звезда. Гребешок с силой захлопнул створки. Вытолкнув при этом воду, он взвился вверх и, описав пологую дугу, опустился подальше

от врага. На этом рисунке показано, как гребешок сжимает створки.

РУКИ — ВЕСЛА, НОГИ — ВЕСЛА

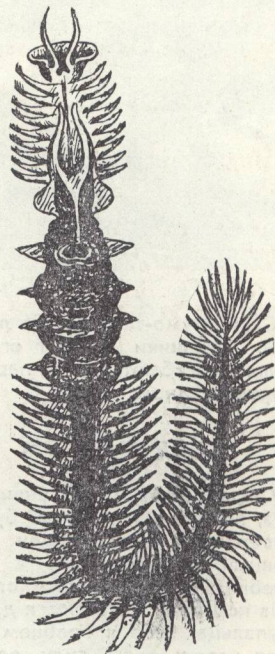

Морская вода кишит планктоном — тысячами крохотных существ. Вот один из них, веслоно-

гий рачок. У него все в движении: и усы, и передние лапки, и задние. В наших прудах часто можно видеть циклопов, очень похожих на этих рачков.

Веслоногие рачки — пища многих обитателей океана. Даже такие гиганты, как кит, питаются планктоном.

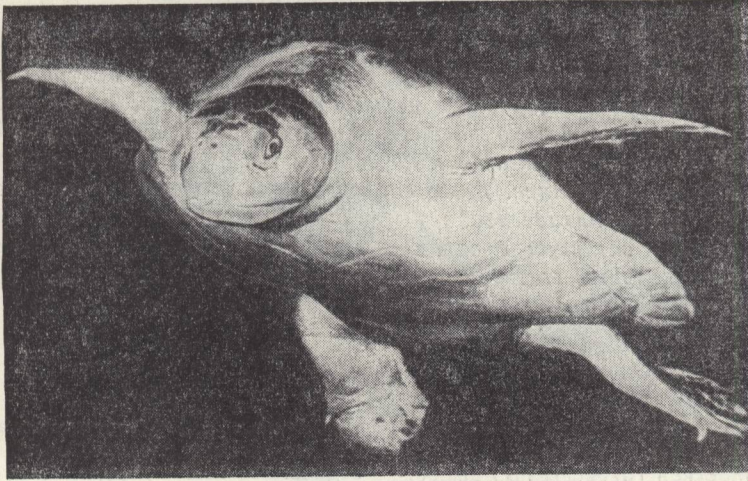
МНОГОВЕСЕЛЬНЫЕ ГАЛЕРЫ

Многочетинковые черви не только ползают по дну, но и плавают, равномерно перебирая своими щетинками, словно древняя галера веслами.

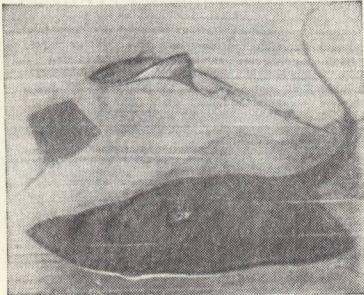
НА ЧЕТЫРЕХ ВЕСЛАХ

Морские черепахи проплывают огромные расстояния. Ласт — хо-

рошее весло, а их у черепахи целых четыре.

МЯГКИЙ ВЕЕР

Скат прямо-таки летает под водой. Плавники вокруг его тела плавно изгибаются, и он парит над морским дном.

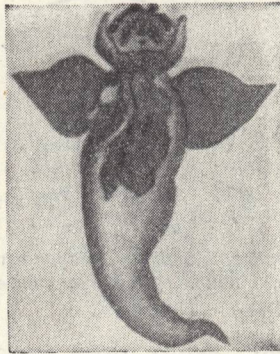
ПОД ПАРУСОМ

Сифонофора, родственница медуз, похожа на плавучий буюк. На поверхности воды виден наполненный воздухом шар с ярким гребнем, а от него на много метров под воду опускаются длинные щупальца. Шар с гребнем помогает использовать силу ветра, а щупальца — силу морских течений. Этих хитрых пловцов вы найдете на цветной страничке.

НА КРЫЛЬЯХ ПОД ВОДОЙ

Это крылоногие моллюски. Маленькие кожистые выросты слу-

жат им крыльями. Моллюски машут ими, как мотыльки.

ЗАГРЕБАЯ ПОД СЕБЯ

Раки и креветки плавают... хвостами вперед. Хвостом они загребают под себя воду и силой таких гребков движутся в противоположную сторону.

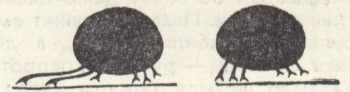
А теперь познакомимся с обитателями морского дна. Очень многие из них не могут передвигаться и всю жизнь прикреплены к одному месту. Многие, но не все!

ВЕРХОМ НА ИЗВОЗЧИКЕ

Вот похожая на цветок красавица актиния. Сама она ни плавать, ни ходить не может и пускается на хитрость. Перевернувшись «вверх ногами», точнее, вверх ногой, ждет, когда мимо нее проползет краб. Стоит крабу дотронуться до актинии, она мгновенно опрокидывается, присасывается к его панцирю своей подошвой и вот уже едет на нем. Актинию «на извозчике» художник тоже нарисовал в красках. «На извозчике», кроме актинии, путешествуют некоторые губки и черви.

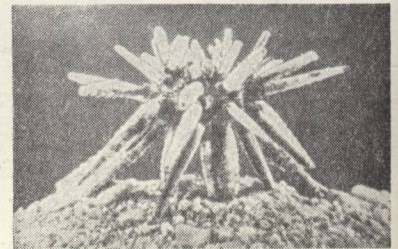
Среди живущих на дне много и таких, которые передвигаются самостоятельно, например, крабы. Один из них — на цветной картинке.

ПЕРЕТЯГИВАНИЕ НА КАНАТИКАХ

У каждого луча морской звезды с нижней стороны многочисленные выросты. Это двигательные трубочки. На конце каждой трубочки — присоска. Когда звезде надо переместиться, она накачивает в трубочки воду, чтобы они вытянулись, и присасывается ими ко дну. После этого трубочки сокращаются, звезда немного продвигается и повторяет все сначала.

НА ХОДУЛЯХ

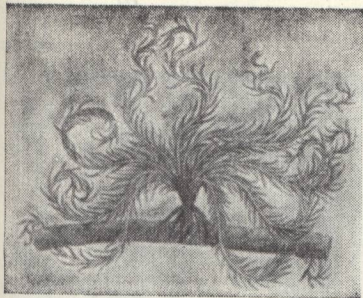

Тело этого морского ежа покрыто подвижно прикрепленны-

ми длинными иглами. На них ежик и ходит по морскому дну, словно на ходулях.

НА ЦЕПКИХ ЛАПКАХ

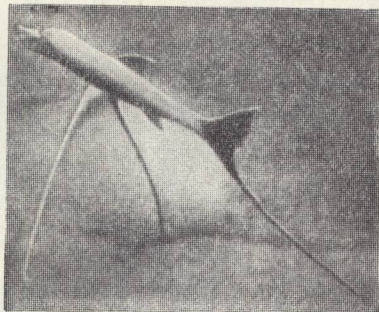
А у морской лилии есть лапки, которыми она цепляется за встречные растения и животных, подбираясь ближе к пище. И морская звезда, и морской еж, и морская лилия — представители одного и того же типа животных: иглокожих. А как по-разному все они движутся!

ИЗВИВАЯСЬ, КАК ЗМЕИ

На цветной вкладке найдите червя-пескожила. Тысячи пескожилов, окрашенных в разные цвета, ползают по песчаному дну Ба-

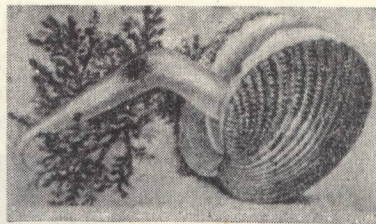
ренцова моря. Извиваясь, они цепляются за дно щетинками. Щетинок у них мало, не так, как у «многовесельной галеры», которую вы видели на предыдущей странице. Пескожилы и относятся к малощетинковым червям.

НА ТРЕХ НОГАХ

Это глубоководная рыба бентозавр. Она слепая, потому что живет в вечном мраке. Бентозавр шагает по дну на треноге. Правда, никто этого не видел, потому что все три раза, когда за ним наблюдали, бентозавр стоял неподвижно. И все же ученые уверены, что он шагает именно так, иначе зачем бы ему эта тренога из двух удлинненных боковых плавников и нижней части хвостового?

НА ОДНОЙ НОГЕ

Вот как перемещается морская ракушка-сердцевидка. Она высывает свою единственную ногу из приоткрытых створок своего домика и отталкивается или подтягивается с ее помощью туда, куда нужно.

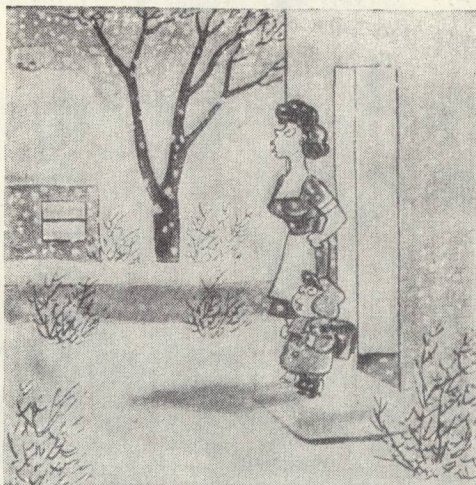
ПОЛЗКОМ НА БРЮХЕ

Так двигаются моллюски, которых ученые за это и назвали брюхоногими, а попросту, в обиходе, мы называем улитками. Вот одна из них, изображенная на цветной странице. Это ядовитая ракушка-барьерный конус, живущая на Большом барьерном рифе в Австралии. Она не спеша ползет на брюхе и несет на себе свою красивую пеструю раковину.

КОГДА НА ДВОРЕ МОРОЗ

— На улице холодно. Мы будем лепить снежную бабу здесь.

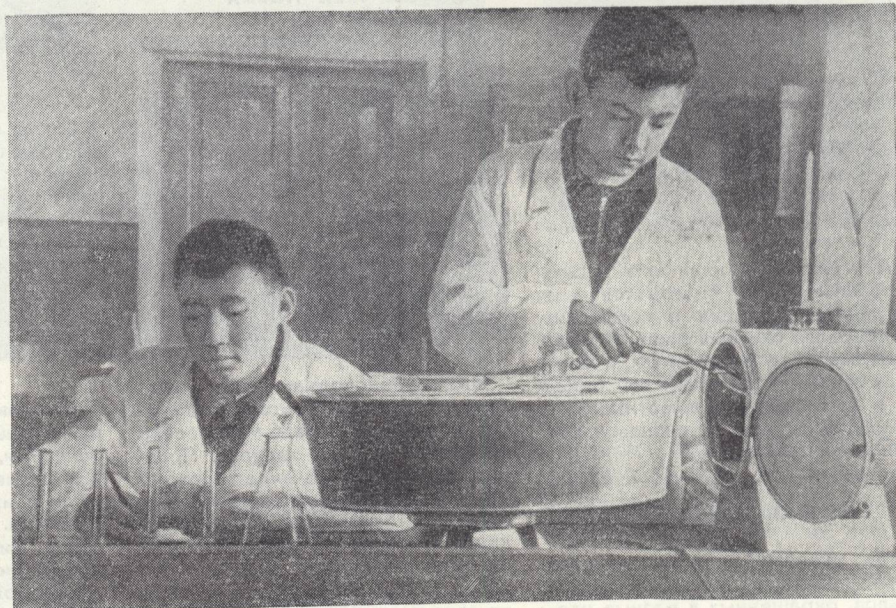
— В такой снег нельзя идти в школу. Я лучше пойду погуляю.

(Из иностранных журналов.)

Ребята дружат с химией

Идут вести из школ. Вести о необычных уроках, которые происходят не в классах, а на колхозных полях и в лабораториях агрономов. Школьники учатся агрохимии, учатся повышать плодородие земли.

Чтобы прописать колхозному полю рецепт удобрений, ребята тщательно изучают каждый образец почвы, делают его точный химический анализ.

КАК РЕБЯТА ЛЕЧИЛИ ПОЛЕ

Агрохимический кружок школы № 43 Сырдарьинского района, Казахской ССР, уже совсем «взрослый». Каждый член кружка умеет самостоятельно сделать химический анализ почвы, приготовить растворы гербицидов и усилителей роста, определить, сколько питательных веществ в удобрениях.

Недаром совхоз «Комсомол» поручил кружковцам важную работу — провести анализ почв на своих землях. 400 гектаров изучили ребята, а это значит 70 почвенных проб, 30 определений на засоленность, 28 — на содержание азота, 17 — на содержание фосфора.

Очень радовались ребята, узнав в результате анализа, что засоленность почвы совсем небольшая. Но ребята обнаружили и другое. Совхозным землям грозит беда с иной стороны: в них очень мало фосфора. По совету ребят на поля была внесена увеличенная доза суперфосфата.

А. РУДАКОВА

На этой делянке кукурузу пололи вручную. Урожай — 25 центнеров с гектара. А там, где применили гербициды, — 43 центнера, почти вдвое больше.

ПОЛЯ В ПАКЕТАХ И КАРА-ТАУ В КОЛБАХ

Избасар Кудайбергенов, староста кружка агрохимиков, стоял на крыльце интерната. В субботу после уроков ребята разъезжались по домам. И каждому Избасар кричал вслед:

- Почву привези!
- А тебе много надо?
- Не жадничай. Вези больше.

В понедельник утром стол в химическом кабинете был завален пакетами. Тут были образцы почвы чуть не со всех полей, окружающих Узун-Агач.

Кружковцы брали из пакетов щепотки земли, опускали в воду и смотрели, как окрашивалась в этом растворе лакмусовая бумага.

У Сеуле Сакеновой полоска бумаги слегка посинела.

— Мне попалась слабощелочная почва, — сказала Сеуле.

— И у меня щелочная.

— И у меня.

— А у меня бумага покраснела. Значит, почва кислая.

— Откуда эта проба? — заинтересовался учитель Сеилбай Мусабеков.

— Из Аксенгерского совхоза. Значит, там землю известковать надо? — спросил Избасар.

— Надо, — ответил учитель. — Только сначала полагается сделать подробный анализ. А то и перестараться можно. Помните?

— Помним, — оживились ребята.

В прошлом году они ходили с учителем смотреть, что натворил один нерадивый звеньевой. Он размешал удобрения прямо в арыке и пустил по бороздам на поле сахарной свеклы. Много удобрений осело на дне арыка и на прилегающих к нему посевах, а дальше почти ничего не попало. И урожай везде получился неважный. Потому что, где минеральных удобрений слишком много, растениям тоже худо приходится.

Чем питаются растения, это ребята знают из учебников. Но всем интересно своими глазами увидеть то, что учили по книге. Поэтому на вечера, которые устраивают агрохимики, собиралась почти вся школа.

Кружковцы вытаскивали колбы, расставляли их по столу и говорили:

— Перед вами химический комбинат Кара-Тау.

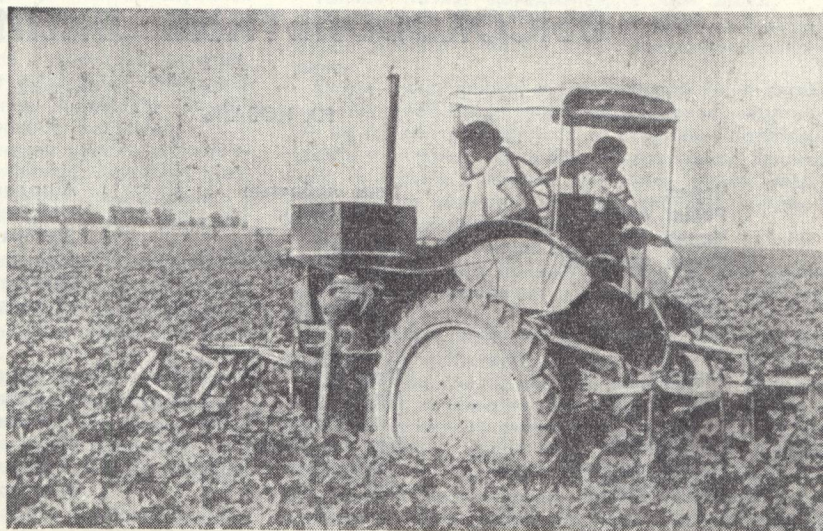
— Ого! — отзывался зал. — Про комбинат Кара-Тау все знают. Это ж целый город. А тут какие-то колбы.

— Каждая колба, — отвечали агрохимики, — это цех.

Избасар показывал всем пробирку с фосфоритной мукой. И начинались чудеса. Из колбы в колбу — из цеха в цех. И вот, пожалуйста, получено ценное удобрение — аммофос. Правда, школьный Кара-Тау выдает за один прием не так уж много продукции — грамма два. Но, можете проверить, это совсем такой же аммофос, что и на огромном настоящем Кара-Тау.

А потом начинаются хитрые вопросы. Спрашивают «химики», отвечает зал.

Ребята из школы имени Калинина Сырдарьинского района Узбекской ССР выращивают хлопок. Почти весь урожай идет у них первым сортом. Ребята умеют водить машины и стараются все работы на поле механизировать. За лето шесть раз проводят культивацию, поливают и подкармливают хлопок, вносят в почву НРВ — замечательное ростовое вещество. 32 центнера с гектара — отличный урожай!

— Зачем делают азотные удобрения? Вон в воздухе этого азота сколько...

— И правда! Зачем? — удивляется кто-то простодушно.

Но всех ребят не проведешь. Уже тянутся руки:

— Чистый азот только бобовые и клевер усваивают. А другим — соли подавай...

После такого вечера в кружок обязательно приходят новички. Это хорошо. Они сейчас очень нужны: к началу сева должна быть готова почвенная карта колхозных земель. Надо проверить участок за участком, высчитать, сколько где фосфора, калия, какова кислотность, а потом все это нанести на карту.

Вот и пригодилось агрохимикам, что они осенью изучали пакеты, которые им ребята со всех полей приносили.

И. СТРЕЛКОВА

ОТ ШКОЛЬНЫХ ДЕЛЯНОК К КОЛХОЗНЫМ ПОЛЯМ

А этот снимок пришел к нам из Костёнской школы Воронежской области. Вот что пишет директор школы Николай Иванович Зайцев:

«В нашей ученической бригаде есть свои агрохимики. Ребята основательно изучили поля бригады, составили почвенную карту, выяснили, когда, где и сколько нужно вносить удобрений. Из года в год бригада выращивает высокие урожаи.

Идет съемка местности. Она поможет создать хорошую почвенную карту.

В школе есть почвенный музей. Летом мы начнем составлять агрохимическую карту земель нашего колхоза Костёнки. А это задача не маленькая».

ВЫСОКОВОЛЬТНЫЕ ЛИНИИ

Ю. КОВАЛЬ

Через
Речки синие,
Через
Степи вольные
Тянутся
Линии
Высоковольтные.

Тянутся,
Тянутся
Вдаль.
Пропадают.
Линию радуги
Пересекают.

Тучи лобастые
С черными
Лбами
Прочно запутались
Между
Столбами.

Плавно
Идет
Электрический ток.
Как по березам
Березовый
Сек.

А провода
Напряженно
Дрожат,
Над городами
Шуршат и
Жужжат...

А провода
Протянулись
Рядами
Над
Перелесками,
Над городами...

ПРО ЭХО

Владимир ОРЛОВ
Рисунки Б. Кыштымова.

(Окончание)

7

Эхолот превратился со временем в эхолокатор. Инженерную мысль подтолкнуло ужасное кораблекрушение. Пассажирский пароход «Титаник» — целый плавучий город — напоролся в тумане на плавучую ледяную скалу, получил пробоину и канул на дно.

Эхолот не спас «Титаника» потому, что все время глядел вниз и, конечно, не заметил, что корабль налетел на айсберг.

Пришлось шире пораскинуть умом, сделать так, чтобы эхолот озирался по сторонам. Вот и получился эхолокатор.

Эхолокатор — это живой, подвижный, любознательный эхоглаз. Громкоговоритель и приемник неустанно вращаются и обшаривают подводное пространство. И тревожное эхо заранее возвещает об айсберге, приближающемся с любой стороны.

А попутно сообщает и о многих других любопытных подводных предметах. Например, о рыбной стае, то бишь стае плавательных пузырей, заключенных в этих рыбах. Современные рыбаки не зря уважают эхолокатор.

В годы прошлой войны эхолокаторы появились на конвойных судах для защиты от фашистских подводных лодок. Эхо сделалось «под воду смотрящим» и отлично предупреждало командира, когда и откуда крадется подводный убийца.

По сигналу эха в воду сбрасывались глубинные бомбы, и взрывная волна сплющивала корпус подводной лодки, как подошва окурков. И всплывало на морскую поверхность роковое масляное пятно.

Вот одна из историй, происшедших в английском флоте.

Миноносец сделал крутой вираж, и сейчас же эхолокатор известил командира, что с кормы его атакует подводная лодка, движущаяся поперек кораб-

ля. Были сброшены за корму глубинные бомбы. Долго ждали масляного пятна. Но оно не появилось. Лодка скрылась.

И все больше и больше подобных происшествий заносилось в судовой журнал, и все записи строились по одной и той же схеме:

«Вираж... За кормою, поперек движения, подводная лодка... Сброшены глубинные бомбы... Противник скрылся».

— Что за черт? — говорит командир, листая судовой журнал. — После каждого нашего виража за кормою появляется подводная лодка. Каждый раз мы кроем ее бомбами, а она куда-то исчезает! Что за черт?

Только позже догадались, в чем дело.

За идущим миноносцем тянется кильватерный след — длинный пенный хвост, насыщенный пузырями.

Когда судно делает вираж, пенный хвост загибается, и его необычное положение засекает эхолокатор. Он не может примириться со странным положением хвоста и считает его за подводную лодку, заплывающую у кормы, поперек движения судна. Ведь густое облако пузырей отражает эхо еще лучше, чем корпус подводной лодки.

Поднимается ложная тревога.

Начинается еще большая кутерьма, чем стрельба из пушек по воробьям: пузыри бомят глубинными бомбами.

И корабль становится похожим на глупую кошку, атаковую свою собственный хвост.

Тогда обратили особенное внимание на кильватерные следы, сообразив, что пенные пузырчатые хвосты так же сильно демаскируют корабли, как туман след самолета, растянутый на все небо. Потому и сильно эхо от далеких подводных лодок, что за ними тянутся кильватерные следы. И, конечно, судостроители стали думать над тем, как изменить конструкцию корпусов и винтов, чтобы вслед за судном оставалось меньше пены.

Но нашлись изобретатели с другим направлением мыслей.

— Распрекрасно! — сказали они. — Значит, облако пузырей эхолотаторы принимают за подводные лодки? Так нате же вам...

Они создали ложную, отвлекающую, пузырьковую мишень. Опускается под воду химическая шашка, выделяющая углекислый газ. Она там кипит, бурлит, пузырится, распускает вокруг облако пузырей, словно тучу дыма.

И ее засекают эхолотаторы: «Подводная лодка!»

У конвойных капитанов сдают нервы, и они меняют курс своих кораблей. В тучу пузырей летят глубинные бомбы. Корабли сражаются с подводными привидениями.

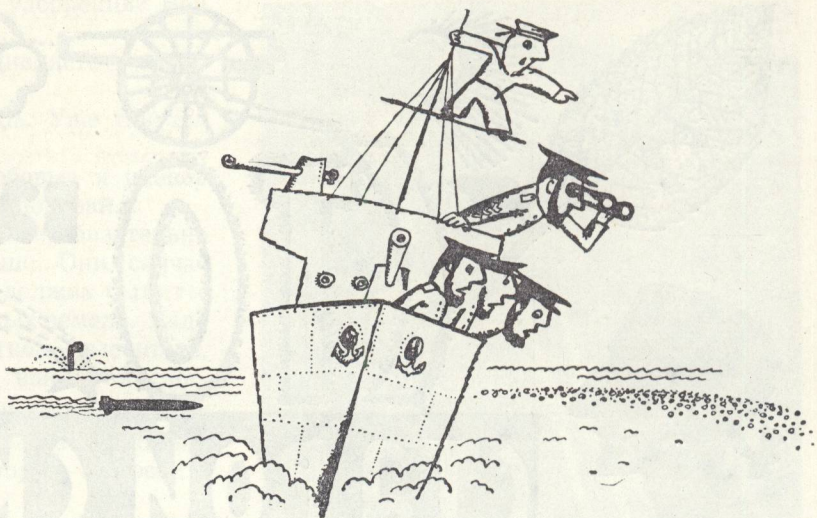
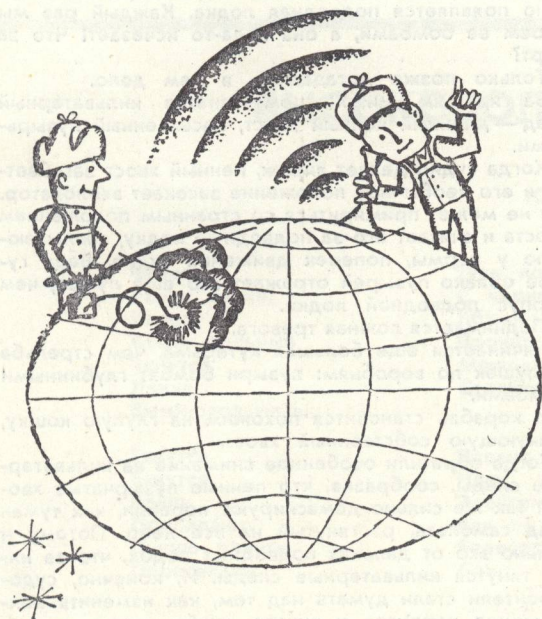
И бывает, что в суматохе настоящая подводная лодка остается незамеченной.

Вот еще одно подтверждение, что пузырь — важная штука. Но приходится считаться и с эхом от пузыря.

8

Обнаружилась одна странность эхолота. Иногда случалось, что на писк кристалла отзывалось два писка, на сигнал откликалось два эха. Эхолот чертил сразу две кривые. Создавалось впечатление, что под дном морским существует еще какое-то дно, словно море — это бочка с двойным дном.

Тот счастливцев, который первым разобрался в

этой странности, сделал важное открытие. Он сообщил, что эхо превратилось из моряка в геолога. Что при помощи эха можно щупать не только морское дно, но и его слои, его геологическое строение.

Первое эхо отражалось от морского дна, а второе, более тихое, — от какого-то подземного твердого слоя. И по откликам второго эха можно выяснить строение геологических слоев.

Эхо сделалось инструментом геологов.

Все мы в детстве кричали в колодец, чтоб услышать, как из темной глубины отвечает эхо.

Теперь сделаны приборы, которые кричат в буровые скважины, и по той медлительности, с которой доходит ответ, узнают, глубоко ли ушла в землю скважина.

Раньше разведка подземных слоев производилась изнурительным бурением скважин.

А теперь и бурить не надо. Нужно только «крикнуть» погромче.

Впрочем, выяснилось, что звуки для глубокой разведки не подходят, они глохнут в почве.

Много лучше ловить эхо от взрывной волны.

На земле взрывают толовые шашки, желтенькие, как куски мыла.

Взлетают фонтаны земли. Происходит искусственное землетрясение. И специальные приборы — сейсмографы — ловят эхо землетрясения, доходящее из земных глубин, — отраженные сейсмические волны. Они проясняют строение подземного царства.

Особенно здорово получается при разведке нефти. Над подземными нефтяными озерами часто возвышаются купола, заполненные газом, как большие пузыри земли. И от них особенно четко отражаются взрывные сейсмические волны.

Пролетаешь иной раз над пустыней и видишь, что почва внизу, как оспой, изедана воронками, словно здесь шла война.

Тут действительно шла война, но война с природой, за ее подземные сокровища. Геологи-разведчики рвали здесь свои шашки, все настойчивей стучась в грудь Земли.

Когда Данте путешествовал по подземному царству, у него был спутник и проводник Вергилий. У сегодняшних геологов свой Вергилий. Имя его — Эхо.

Один геолог спутал картинку: принял сослепу разрез кусочка живого тела за свои геологические слои. Лишь увидев заглавие книги, он сообразил, что ошибся на две буквы: надо бы раскрыть «Геологию», а он принялся листать «Биологию».

Ну, а эхо не по ошибке, а вполне естественно и легко шагнуло из геологии в биологию, словно впрямь только две буквы отличают такие разные науки.

— Тут слои и там слои! — как бы рассуждало эхо. — Здесь и там страницы книги природы. А листать их — моя специальность. Стану биологом.

Вот как это произошло.

За последнее время врачи осмотнительно стали пользоваться рентгеном, потому что забоялись осложнений. Чем черт не шутит! Ведь известно, что, если злоупотреблять рентгеном, в организме может возникнуть заболевание, напоминающее лучевую болезнь.

Стали думать, как заменить рентген. Как бы выдумать новое средство, чтобы без всякого такого-сякого рентгена заглянуть в непрозрачный организм.

Подсказало само строение живого тела.

Слои, слои, слои...

Кожа, мышцы, кости, стенки кишок и сосудов образуют различной плотности слои.

Если дать звуковой сигнал, то возможно, что все эти потроха отзовутся многократным эхом. А анализ эха позволит сообразить, как ведут себя в теле внут-

ренние органы, все ли целы и нет ли каких опухолей и камней.

Конечно, слои очень тонкие. Но все остальное можно уменьшить в пропорции. Выбрать очень короткую звуковую волну. Издавать мгновенные писк.

Так и сделали. В организм направили тончайший ультразвук. Записали на фотопленке многократное эхо.

Получилась запутаннейшая картина. Этого и следовало ожидать. Ведь записывалось эхо от несметного множества расположенных вкривь и вкось слоев.

Но наука терпелива и настойчива. Она мало-помалу разбирается в этой загадочной картинке. Уже созданы биолокаторы, позволяющие замечать злокачественные опухоли в их наиболее коварной стадии — в начале болезни.

Выясняется, что и ультразвук не безразличен для живого тела. Но с ним все-таки спокойней работать, чем с рентгеном. Осложнения менее глубоки.

В общем, эхо — еще новичок в медицине.

Но оно уже помогает в животноводстве.

Существует довольно бесцеремонный способ проверки толщины сала у свиней. В поросенка втыкают длинную иглу до тех пор, пока он не взвизгнет. Пока игла идет сквозь сало, поросенок не чувствует боли, но он сразу взвизгивает, когда острое касается мышц.

Не самый лучший способ!

Он причиняет боль свинье и небезопасен для поголовья. Ведь игла может внести заражение, вызвать нарыв.

Теперь толщину сала научились проверять при помощи эха. К спине свиньи прикладывают биолокатор и записывают эхо от мышц. Слой свиного сала словно создан для первых шагов биолокации: он и толстый, и ровный, и прекрасно измеряется даже не очень совершенным прибором.

А свинюшка думает, что ее щекочут, и потягивается, и хрюкает от удовольствия.

Два радиста испытывали быстродействующую радиотелеграфную станцию.

Первый радист сидел у передатчика и следил за работой автоматического телеграфного ключа, рассыпавшего частую дробь точек и тире азбуки Морзе. У приемника, невдалеке, сидел второй радист и смотрел, как из телеграфного аппарата выползает длинная бумажная лента.

Затем радисты собрались вместе, чтобы просмотреть запись.

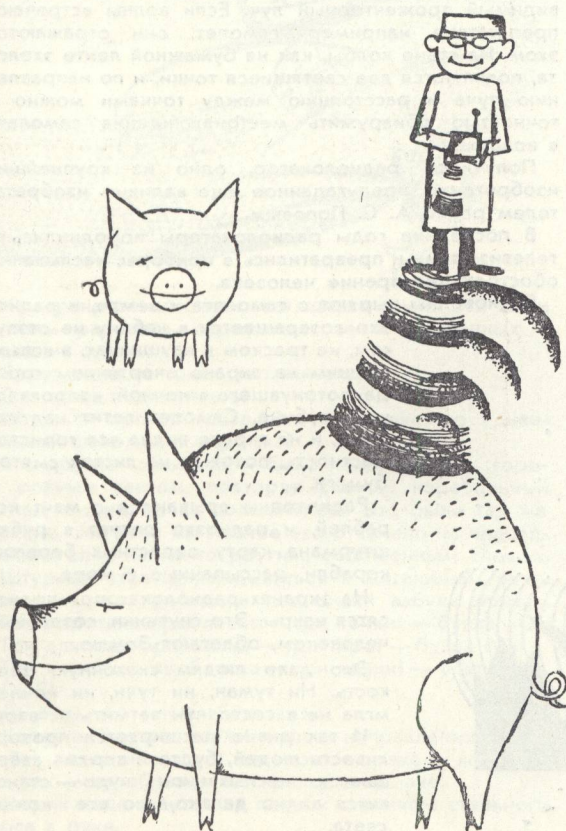
— У меня двоится в глазах, — заморгал радист. — Кто-то из нас захворал — или я, или аппарат.

Второй взял у него ленту.

Действительно, запись словно раздваивалась. Там, где нужна одна точка, стоят две. И тире получаются несуразно длинные, будто два тире сливаются воедино.

Радисты принялись проверять аппаратуру и не нашли никаких неполадок. Все работало, как часы, и только перо на ленте продолжало ставить по две точки вместо одной. Неизвестно, долго ли пришлось ломать голову радистам, но одному вспомнился эхолот.

— Первая точка, — догадался радист, — это след нашего прямого сигнала, а вторая — след какого-то эха. Похоже, что радиоволна, которая передавала точку, от чего-то отразилась и второй раз пришла к приемнику уже с сильным запозданием. Похоже, что в этом повинен окружающий Землю воздушный слой,

заряженный электричеством, от которого отражаются радиоволны, как звук от потолка.

— Похоже, — сказал второй радист, — но не вполне. Слишком большое расстояние получается между точками. Слишком велико запоздание. Электрический слой висит невысоко, километров на сто над Землей.

Радиоволны летят с сумасшедшей скоростью — триста тысяч километров в секунду.

Тысячной доли секунды не пройдет, пока откликнется эхо. При таком быстром отклике мы не получили бы двух отдельных точек. Лента не успела бы проскочить заметное расстояние между двумя ударами пера. Ей пришлось бы для этого двигаться со скоростью курьерского поезда.

— Не будем гадать, — решили радисты. — Мы знаем скорость ленты, скорость радиоволн и можем измерить расстояние между точками. Попробуем лучше сосчитать, какой длины путь пришлось пробежать радиоволне, пока она откликнулась эхом. Будем считать так же, как считают глубину в эхолоте.

Сосчитали и изумились: сорок одну тысячу километров пробежала волна! Запросили астрономов:

— Могло ли случиться так, чтобы на расстоянии двадцати с половиной тысяч километров над Землей висело какое-нибудь небесное тело и отражало радиоволны?

— Чепуха! — ответили астрономы. — Но сорок одна тысяча километров — цифра не пустая. Это как раз длина окружности земного шара.

Тут все поняли, что волна обегала земной шар. Она обскакала его кругом, отражаясь от Земли и электрического слоя и отскакивая от них, как мяч от пола и потолка.

И радисты поймали кругосветное эхо.

11

Одинокие антенны, похожие на мачты фрегата, стоят под спокойным ночным небом.

Временами срываются с рей молниеносные всплески радиоволн и как будто исчезают в пространстве без ответа.

Но это только кажется.

Пространство отзывается многократным эхом, как огромный, почти пустующий зал.

Откликаются самолеты, летящие в небе, откликаются пароходы, плывущие по морям, откликаются

крыши высотных домов — все это отражает радиоволны и отзывается радиоэхом.

Но отметить это эхо на ленте мудрено.

Отклики следуют за сигналом через десятитысячные, а то и через стотысячные доли секунды.

Немыслимо представить себе такое быстрое перо, которое успело бы проставить рядом две точки за одну стотысячную секунды.

И все-таки инженеры придумали такое перо.

Оно пишет не чернилами, а электронами.

Электронную струю заставляют метаться по стенке пустой колбы, делая росчерки со скоростью ружейной пули. Стенку колбы покрывают составом, который светится под ударом электронной струи. Электронная струя рассыпает по стенке колбы светящиеся точки. Первая точка — след сигнала, остальные — следы эха.

Инженеры позвали военных и сказали:

— Перед вами светящиеся точки. Это скромные следы эха. Но за ними скрывается многое: может быть, военный корабль, может быть, самолет, летящий вдалеке.

— Для нас это очень важно, — заинтересовались военные. — Но нам надо знать, откуда приходит эхо. Очень важно знать, с какой стороны приближается вражеский самолет.

— Это мы покажем, — сказали инженеры.

И они сделали так, чтобы можно было узнать, откуда приходит эхо.

Как и световые лучи, радиоволны можно собирать в узкие пучки. Для этого служат особые антенны, а если волны очень короткие, то и металлические зеркала вроде прожекторных.

Инженеры построили радиопрожектор.

Узкий пучок радиоволн обшаривает небо, как невидимый прожекторный луч. Если волны встречают препятствие, например, самолет, они отражаются эхом. На стене колбы, как на бумажной ленте эхолота, появляются две светящиеся точки, и по направлению луча и расстоянию между точками можно с точностью обнаружить местонахождение самолета в воздухе.

Получился радиолокатор, одно из крупнейших изобретений, предугаданное еще великим изобретателем радио А. С. Поповым.

В последние годы радиолокаторы породнились с телевизорами и превратились в приборы, неслыханно обостряющие зрение человека.

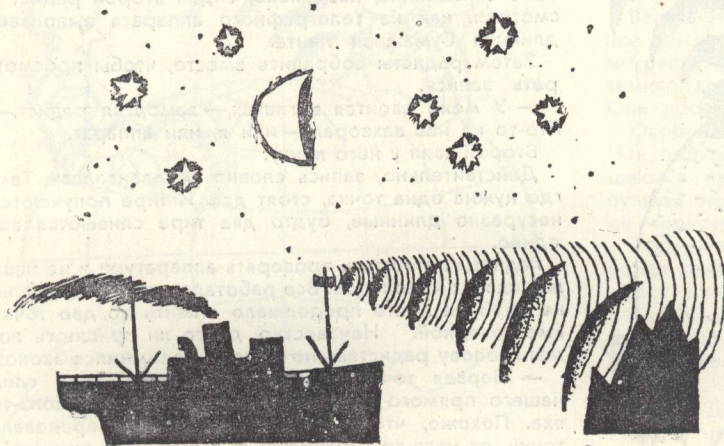
Радиоволны ныряют с самолета к земле, и радиоэхо возвращается в кабину не отзвуком, не треском в наушниках, а всплывшим на экране очертанием города, потонувшего в ночной, непроглядной глубине. Самолет летит над горами, и на экране видна вся гористая местность, похожая на листок смятой бумаги.

Радиоволны срываются с мачт кораблей, и радиоэхо рисует в рубке штурмана карту окрестных берегов, корабли, рассыпанные в море.

На экранах радиолокаторов проносятся искры. Это спутники, созданные человеком, облетают Землю.

Эхо дало людям сказочную зоркость. Ни туман, ни тучи, ни ночная мгла не в состоянии затмить их взор.

И так дивно расширяется прозрачность людей, будто и впрямь свершается неслыханное чудо — становится видно далеко, во все концы света.

Что вы скажете о таком происшествии?

Человек кричит:

— Ay! Ay! Ay!

А эхо ему отвечает:

— Замолчите, пожалуйста!

Чепуха? Не спешите с выводами!

На страницах истории радиолокации описан очень похожий случай.

Корабль ночью пересекал океан. На одной из его мачт проворно вертелась антенна радиолокатора, и штурман, как водится, поглядывал на радиолокационный экран.

На экране ровно сияли светящиеся точки. Это были сигналы радиозаха, отражавшегося от встречных и соседних судов.

Вдруг одна из точек затрепетала.

Она стала подмигивать.

Штурман протер глаза. Это был какой-то удивительный феномен в мире эха!

Все другие точки, как и было положено эху, горели ровным светом, повторяя ровный корабельный сигнал, а одна точка подмигивала. Это было так же странно, как если бы лесное эхо отвечало на человеческий голос каким-то другим, собственным словом.

Штурман стал приглядываться к мигающей точке, примерять ее проблески под знаки азбуки Морзе.

Три коротких проблеска — три точки! — буква «С».

Три длинных проблеска — три тире! — буква «О».

Три коротких проблеска — три точки! — опять «С». СОС!

Да ведь это сигнал бедствия!

Корабль быстро меняет курс в направлении светящейся точки и спасает веселого моряка в лодочке. Он каким-то образом затерялся в океане.

Моряк поднимается на палубу с мотком стального троса в руке.

— В этом тросе, — говорит он, — мое спасение! Ночью я, конечно, не надеялся на ваши бинокли, но уверен был в том, что меня засечет радиолокатор. Я особенно рассчитывал на стальной трос, потому что знал, что радиоволны хорошо отражаются от металла. Для радиолокатора мой стальной канат в лодочке все равно, что воздушный пузырек в теле рыбки для звуковой эхолокации. Он дает сильное эхо. Вероятно, волна вашего локатора столь же резко отражается от мотка каната, как солнечный луч от осколка зеркала. Я сначала решил увеличить зеркальце и попробовал растянуть моток, как растягивают пружину. А потом принялся играть на этом стальном мотке, как на баяне. Мое радиозеркальце то растягивалось, то сжималось. В такт ему разгоралась и гасла светящаяся точка на вашем радиолокационном экране. Я сыграл вам один мотив из азбуки Морзе — СОС!

Вот как случилось, что на возглас «Отзовись!» эхо ответило: «Спасите наши души!»

13

Первая поэма Владимира Маяковского заканчивалась так:

Эй, вы!

Небо!

Снимите шляпу!

Я иду!

Глухо.

Вселенная спит,

положив на лапу

с клещами звезд огромное ухо.

Глухо... Небо не откликнулось герою поэмы — человеку приниженному и раздавленному капиталистическим строем.

Сегодня люди окликают звезды и те не остаются безответными.

Не только сегодня, но и вчера...

Сегодня, в эпоху штурма космоса, не всякий сознает, что первое межпланетное путешествие совершилось еще двадцать лет назад.

Путешественница долетела с Земли до Луны и с Луны возвратилась на Землю.

Кто она, эта путешественница?

Радиоволна!

Радиолокатор направил ее в небо, и она пробила электрический слой, отражающий радиоволны, как снаряд пробивает броню.

Она вырвалась в межпланетный простор, долетела до Луны, отразилась от лунного диска и вернулась на Землю. Ее принял на Земле радиоприемник того же радиолокатора. Межпланетное путешествие длилось две с половиной минуты.

Теперь астрономы могут нащупать Луну даже днем, даже облачной ночью.

Луна первая отозвалась советским людям эхом.

А недавно получили эхо планеты Венеры.

Радиолокатор направил радиоволну на Венеру, и радиозахо возвратилось на Землю. Оно было принято почти через пять минут.

Получили эхо и от Меркурия.

Для того чтобы локировать планеты, нужна сверхмощная техника. Радиотелескопы — радиопрожекторы с зеркалами, подобными громадным чашам, диаметром в десятки метров. Радиоприемники с антеннами, занимающими целое поле.

Это очень важные опыты.
Измеряя срок, через который откликается эхо, люди уточняют расстояние до планет.

Небесный чертеж становится в тысячу раз точнее, чем он был.

Это очень необходимое уточнение.

Ведь от него зависит точность прицела космических станций, посылаемых в районы дальних планет.

Год назад советский радиолокатор нацелился на Венеру, и с Земли телеграфным кодом были переданы слова:

Мир.

Ленин.

СССР.

И Венера ответила эхом:

Мир.

Ленин.

СССР.

Велико могущество советского человека!

Человек сегодня проходит под небом в алмазах.

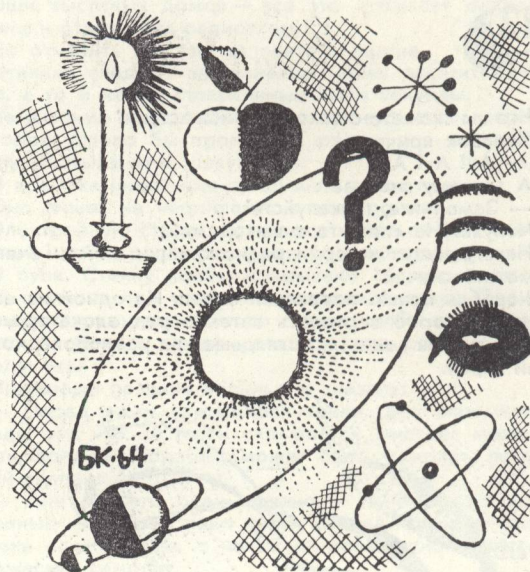
Эй, вы!

Небо!

Снимите шляпу!

Я иду!

И звезды откликаются ликующим эхом.

ФИНАЛ

Мимолетное, ускользающее, неуловимое помогает нам в труде и в бою.

Пузыри тушат пожары, извлекают из руд металл.

Пыль бушует в топках электростанций.

Дым показал людям первую дорогу в небо.

Тени сражались с минами и принимали на себя удары авиабомб.

Солнечные зайчики двигают машины.

Искры открывают пути к океанам атомной энергии.

Эхо совершает межпланетные путешествия.

И выходит, что нет на свете мелочей. То, что кажется мелким сейчас, не окажется мелочью завтра.

Новое часто представляется малым. Но оно развивается и растет, и ему суждена победа.

Позади вереница рассказов о малом: о тенях, о пузырях, о дыме, о солнечных зайчиках, об искрах, о пыли, об эхе — пестрый хоровод вариаций.

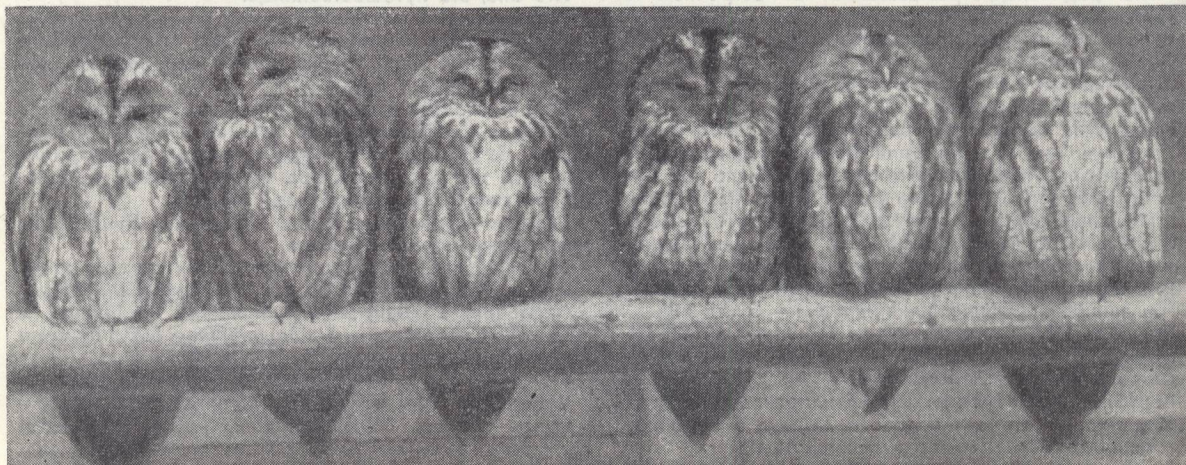
Но на самом деле это рассказы о большом: о силе человеческого разума, о смелой мысли, умеющей отыскивать великое в мелочах.

Могучи и славны люди тем, что строят города и каналы, самолеты и паровозы.

Могучи люди и тем, что даже в тенях сумели найти помощников в труде, даже в эхе сумели найти оружие защиты.

Учитесь и вы видеть скрытую силу в вещах.

Умейте искать большое в малом.

Похожи? И все же какие они, эти филины, разные!..

Фото П. Елпатьевского.

Женя Лютиков

Это имя появилось в журнале в 1936 году, когда новое географическое общество «Компас» стало выбирать свой совет... небывалый ученый совет! В состав его входили не только седобородые профессора и известные писатели, но и четырнадцатилетние люди, пока еще ничем себя не прославившие. Чего стоил один только список кандидатов!..

«О. Ю. Шмидт — академик. Профессор математики. Начальник Северного морского пути».

«К. Г. Паустовский — писатель, автор книг «Кара-бугаз», «Колхида» и др.».

И следом, на равных правах:

«Женя Лютиков — Москва. Отличник. Участвовал в экскурсии по горному хребту — Заилийскому Ала-Тау».

Женин рассказ о восхождении на гору — правдивый и очень точный — был напечатан в том же номере «Пионера». В тот год по страницам журнала пробегал востроносенький Тут-и-та и важно шагал почтенный доктор Каррабелиус... Но чаще, чем эти вымышленные персонажи, поминались там подлинные герои того времени — Чкалов, Ушаков, Кренкель... Завоевание полюса и великие перелеты были на устах у взрослых и у ребят. Романтикой путешествий, веселым ветром странствий овевая вся работа «Компаса» — географического общества, старавшегося привить ребятам вкус к науке и заставить их глубже полюбить свою родную страну...

Женя Лютиков был одним из самых ревностных членов «Компаса». Он едва успевал

Женя Лютиков и Женя Разиков делают школьную стенную газету «Математик».

отвечать на письма: как только он «напечатался», письма полетели к нему отовсюду. Ребята спрашивали о его планах на будущее, интересовались, как он изучает английский язык. Были и неожиданные вопросы. «Опиши, пожалуйста, свою наружность», — просила Женю одна любопытная девочка.

Не знаю, каким рисовался Женя самому себе. Но в памяти сотрудников «Пионера» сохранился образ подростка с серьезным, вдумчивым лицом, которое неожиданно ображало на редкость милая, совсем еще детская улыбка. В редакцию Женя обычно приходил прямо из школы и чаще всего вместе со своим другом... Друга тоже звали Женей, и был Женя Разиков тоже членом совета «Компаса».

...Что сказать о юношах, чья «гражданская» жизнь оборвалась всего-навсего до семнадцати лет?.. Они мало что успели осуществить. И о пользе, которую принесли бы они людям, можно только догадываться по

впечатлениям, которые сохранились у близких и друзей.

В те годы, когда многие ребята задорно и чуть-чуть хвастливо повторяли слова песенки: «Кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет», — Женя Лютиков запомнился своей сдержанностью. Не то чтобы он не верил в свои силы, но он как-то не любил бросать слова на ветер. Вернее сказать, он рано почувствовал ответственность за свои обещания. Это чувство ответственности иначе можно назвать совестью. Женя на совесть выполнял задания «Компаса», на совесть учился. И отличником он был не для видимости и не для форса: он действительно любил узнавать новое.

Конечно, и у него, как у всех ребят, было множество увлечений, тех, что потом исчезают бесследно. В его дневнике — он начал вести его еще печатными буквами! — говорится и о яхте, и о шахматах, о самоделках, о велосипеде, о бильярде, даже о боксе... Много он вскоре начисто забыл. Неизменными оставались книги, да изучение английского — какая серьезная работа возможна без знания языков?! — да фотоаппарат — верный спутник исследователя. В армию Женя Лютиков попал студентом МЭИ — Московского энергетического института. Он мечтал стать инженером — строителем электростанций и, наверно, осуществил бы эту мечту. Но, думается, к практической работе у него присоединилась бы и научная. У этого юноши

Годолаз. Рисунок Жени Разикова, помещенный в журнале «Пионер».

были задатки настоящего ученого — упорство, цепкая наблюдательность, любовь к систематическому труду. Проклятая война!

Жене не удалось внести свой вклад в науку. Но кое-что он все же успел в своей короткой жизни. Он сумел быть внимательным, чутким другом... С какой бережностью относился он к Жене Разикову, рано потерявшему отца! Деликатно, под всякими предлогами приводил он друга после школы к себе домой и незаметно повернул дело так, что мальчик, которому трудно было у себя дома, чуть ли не целые дни проводил у Лютиковых, возле своего друга и его умных, добрых родителей.

А как относился к родителям сам Женя Лютиков!.. Все технические усовершенствования, которые ввел он в квартире, все они делались только для того, чтобы матери и отцу стало удобней, легче... Для них реконструировал он дверь таким образом, чтобы ее можно было открывать, не сходя вниз по лестнице... Ольга Георгиевна могла заниматься своей работой, не боясь, что вода зальет плитку: едва чайник закипал, ее оповещал об этом звоночек. Конечно, это мелочи. Но как радуют они сердце матери!

И уж никак не мелочь та нежность и теплота, с какой Женя писал своим родителям с фронта. Как бы ни складывался его трудный военный день, почти всегда он выкраивал хотя бы минуту, чтобы написать родным. С каким вниманием расспрашивал он обо всем, как ждал ответа! И примечательно, что в одном из писем, присланных из далекой Румынии, он сожалеет о том, что нет у солдат песни, нужной ему, Жене... «Везде одно: платочек, любимая... И хотя бы одна песня про любовь солдата к матери, к отцу. Не учли поэты, что в армии далеко не все думают только о своих далеких возлюбленных»... Это писал уже не мальчик, а молодой воин, который прошел сквозь испытания войны и все-таки не побоялся быть «сентиментальным»... О большом, нежном и мужественном сердце говорят Женины письма с фронта.

...Вот мы и подошли к тому времени, когда Женя Лютиков совершил главный подвиг своей жизни. Мы подразумеваем под этим не только ту важную боевую задачу, за которую гвардии лейтенант Евгений Лютиков удостоился высшего отличия — звания Героя Советского Союза... Речь идет о всей тяжелой школе войны, пройденной Женей с самого начала и почти до самого конца...

Он узнал войну со всех ее сторон: горечь поражения и трудные радости первых побед,

Женя Лютиков стал солдатом.

скуchnovate дни в обороне и грозную музыку наступления, когда «давали концерт» его «девушки» — боевые «катюши». Под конец войны в Румынии он командовал батареей гвардейских минометов... До этого он воевал на многих труднейших участках: и под Москвой, и под Белгородом, и на Курской дуге, в той самой Курской области, карту которой так тщательно чертил еще в «Компасе»... Воевал Женя Лютиков тоже на совесть. Иначе не был бы он, рядовой, не проходивший специального обучения, произведен в офицеры, не стал бы командиром батареи. Но в душе этот зрелый воин и кавалер Красной Звезды оставался все тем же, глубоко «гражданским» Женей, мечтающим о доме, об институте... «Скорей бы разлетелась «третья империя». Тогда снова домой, в институт!» — часто повторяет он в письмах.

Но «третья империя» продолжала судорожно цепляться за жизнь... Все больше отдалялся от Москвы фронт, и все дальше на запад уходил вместе с ним гвардии лейтенант, никогда не помышлявший о звании военного, юноша, через все бои пронесший рас-

трепанную английскую книгу «Остров сокровищ» — не забывать же язык! — человек, ненавидящий войну...

Ненавидящий?.. Но ведь если бы только Женя Лютиков захотел, он бы мог уйти от нее. Если бы только он заговорил с врачами о своей все возрастающей близорукости, даже в то суровое время он, вероятно, был бы отправлен в тыл, и, в сущности, это было бы справедливо. Но не такая совесть была у Жени Лютикова, чтобы идти на эту, как будто даже благовидную сделку!.. Что ни говори, а это было бы бегством с войны. Когда же речь заходила о чем-то подобном, в мягком голосе Лютикова неожиданно появлялись грозные ноты.

«Мой предшественник был в Москве, так и зрение было, а как на фронт приехал, видеть по ночам ничего не стал... — с горькой насмешкой говорит он в одном из писем. — Ведь у него зрение куда лучше моего, а сумел от войны убежать... Ненавижу я таких ловкачей!»

Нет, пока не разгромлена вконец «третья империя», пока истязают людей в лагерях смерти, Женя Лютиков, бывший пионер, комсомолец, кандидат партии, партизнец, не мог уйти с фронта!.. Как бы ни одолевала его тоска по дому, какие бы испытания ни ставила перед ним война, он должен быть здесь, в Румынии, «должен дирижировать» хором своих «катюш» и гнать врага все дальше и дальше...

Но вот наступление по Румынии внезапно приостановилось. На пути естественная преграда — гигантский хребет Трансильванских Альп...

...Восемнадцать лет назад член «Компаса» мальчик Женя писал в «Пионере» о первом испытании мужества, о своем первом подъеме на высоту... Сейчас Евгения Лютикова нет в живых. Но пусть об одном из последних его восхождений расскажут вам хотя бы отрывки из его писем. Вчитайтесь внимательно в эти скупые строки.

«13/9 1944 г.

...Вплотную подошли к венгерской Трансильвании, к городу Турда... Немцы подожгли его, и мы часа через два будем в нем. Сейчас до него два километра.

15/9

...Горы высокие, обрывистые, оборонять их легко, гораздо тяжелее взять... Стреляем понемногу, наша пехота забирается наверх, мы пока внизу. Турда горит. Чья она, трудно сказать...

16/9

...Два дня или три назад мы собирались въехать в Турду, но и по сей день стоим перед ней. Горный хребет преграждает путь. На этот хребет и так трудно было бы влезть, а тут еще пулеметы, по два на метр, артиллерия... Бои идут жестокие... «мессеры» летают над головами... И подумать только, что до конца этих гор еще по меньшей мере 80—100 километров... Но все равно, любой ценой, а мы возьмем эти горы, пройдем вперед

Памятник Герою Советского Союза Е. К. Лютикову в Будапеште. Автор памятника — знаменитый венгерский скульптор Штробль.

до Будапешта, до Берлина. Только бы поскорей кончилась эта война. Вот самое большое желание...

17/9

Четвертый день на том же месте. Свиреп-

ствует авиация. Эти последние дни самые трудные...

18/9

Стоим под этой трижды проклятой Турдой... Авиация свирепствует...

22/9

Пишу на концертной площадке. Думаем, что после концерта удастся поехать вслед за зрителями...

Девушки мои пели хорошо, хотя во время боев их внешность немного изменилась. Некоторым «мессеры» физиономии попортили, другим ноги поперебивали, а у одной «юнкерс» ухитрился юбку разорвать. Но сейчас пока юбка залатана, физиономии выправлены, только страшней стали они, злее стали мы — их кавалеры. Ну, пока, мои дорогие. Кажется, требуют еще одну песенку...»

...Однако немало пришлось еще «петь» «катюшам», немало было «концертов», пока пала Турда. А когда это свершилось, начался чудовищно трудный подъем, когда приходилось нести на себе минометы вверх по таким тропам, где и без ноши трудно было пробраться... Но и это осталось позади. Румыния пройдена. Конец войны все ближе... И тут батарея получает новое задание...

Второго октября Женья написал родителям: «Обо мне беспокоиться не надо. Письма долго будут ходить с перерывами. И, быть может, скоро наступит такое время, что в течение 15—20 дней я вообще не смогу писать, вернее, отправлять письма, потому что нам поручается одна очень интересная и серьезная задача, связанная с отрывом от баз снабжения и почт...

Пока. Крепко целую. Женья».

Это письмо оказалось последним. Шесть дней спустя, 8 октября 1944 года, гвардии лейтенант Евгений Лютиков был убит в тылу врага. Трижды раненный, он все еще продолжал отстреливаться...

Женья Лютиков не дождался конца войны. Не дожид до дня Победы и его друг Женья Разиков, также героически погибший на фронте в последний год войны... Судьбы обоих друзей снова оказались схожими.

Никогда больше не придут в редакцию любимые деткоры «Пионера». Но все знавшие их не забудут их имена и, называя их, вспомнят о подлинной отваге, о совести и о той немногословной любви к Родине, которая подкрепляется всей жизнью, а порой и смертью.

Ю. НОВИКОВА

Повесть о слабых делах Волли Крууса и его верных друзей - покорителей Метсайыги

(Окончание.)

Вал. РУШКИС

Рисунки Н. Носкович.

Глава,
в которой жертва медицины
помогает стройке

Когда машина остановилась у ворот инфекционной больницы, Волли вылезал очень долго и неохотно. Не то чтобы он струсил: с чего бы? Просто ему не хотелось в больницу. Живот не болел. Совсем не болел, хоть тресни! Правда, Волли здорово проголодался, но это уж никак не назовешь болезнью.

«Ох, и погонят нас отсюда... — подумал он. — Уж лучше...»

Волли решил убраться подобра-подзорову. Ему казалось, что это совсем не трудно: за всю дорогу Вильма ни разу даже и не взглянула на него. Но теперь, едва он попытался отстать от нее и улизнуть за ворота, медсестра схватила его за рукав.

— Ты куда? Инфекцию разносить? Пошли, пошли!

Так, за рукав, она и привела его к дежурному врачу. Врач, пожав плечами, сказал:

— Ну, что ж, проверить можно...

Сначала все шло здорово: Волли осматривали настоящие врачи, няни выкупали в роскошной ванне и нарядили в полосатую пижаму. Причем пижамы здесь выдавали всем одинаковые, одного и того же цвета и размера: Волли встретил в коридоре верзилу, которому штаны еле-еле доходили до колен. Зато самому Волли до колен доходили рукава, а штаны так и шорovali отстать на ходу.

Но чем дальше, тем хуже шли дела. Волли заточили в изолятор, с решеткой на окне и с над-

писью: «Тише! Говорить шепотом!» — словно Волли собирался громко сам с собой разговаривать. Электрическая лампочка под потолком была заключена в белый шар и светила тускло. Даже полосатая пижама тут стала казаться арестантской. И на обед принесли какой-то противный отвар да жидкую кашку. Тюрьма да и только.

Вообще-то из тюрем узники убегают. Только вот плохо, что решетка сделана из таких толстых прутьев — попробуй разогни.

На всякий случай Волли пощупал свои бицепсы и убедился: да, не разогнуть решетку. Кстати, когда это он последний раз делал физзарядку? Даже и не вспомнишь. А еще собирался проделать все упражнения, которые выполняли космонавты.

Волли попробовал сделать стойку. Правда, стойка не очень-то удалась, но Волли стал упорно добиваться совершенства.

За этим занятием его застала санитарка, принесшая ужин. Она сказала, что так делать нельзя, что больным нужно болеть лежа, а не ходить. Тем более на руках. Потом она вышла, чтобы принести хлеба. А когда вернулась, то увидела, что больной больше не стоит на руках, а дремлет, уронив голову на стол рядом с пустой тарелкой.

...Утром Волли взлетел в космос. После первого толчка ракеты последовал второй, еще более сильный, от которого кровать так зашаталась, что наш герой пробудился и понял, что он еще на земле, в больнице. Шла уборка. Могучая тетка мыла пол у Волли под кроватью. Она швыряла швабру под кровать, то и дело попадая в ножку койки.

Так начинался день. А сколько их было! Волли затосковал и даже написал письмо домой; но, увы, оказалось, что отправить его нельзя все из-за той же «инфекции».

Анализы, разумеется, дали отрицательный результат. Но Волли не выпустили, а начали делать эти анализы наново. С горя он спал, читал прошлогодние журналы, а чаще всего сидел у окна и смотрел на город. За дорогой виднелась большая сферила кинотеатра, и Волли десятки раз перечитывал ее. Эх, выпустили бы его! Уж он бы здесь насмотрелся! Приехал бы в Метсакюла, как начал бы рассказывать...

Что-то там делается? И что еще ему будет? Ну, другие грехи, может, и простятся — не зря же он торчит в больнице. А вот телеграмма...

Сейчас эта телеграмма лежала где-то на больничном складе в кармане штанов нашего героя. Но он твердо помнил ее содержание: «Ввиду отсутствия турбины и по ряду соображений стройку немедленно прекратите. Министерство просвещения». Там была еще чья-то подпись, но Волли забыл, чья. Теперь, раз он увез телеграмму, стройка идет. Хорошо! Но только чем все это кончится?

С каждым днем на душе становилось все тоскливее. На четвертый день он дал себе слово никогда больше ни на какие болезни не жаловаться и начал придумывать задачки по алгебре. Он их решал, но ответы все получались какие-то несуразные. Без остатка ничего не деллось, в решении оказывались хитрейшие дробь и всякие глупости.

На пятый день ему принесли сразу два письма: родители желали, чтобы он скорее поправился, Андрей сообщал, что его последняя воля выполнена и что все ждут его возвращения в школу.

Волли решил ни на минуту не задерживаться в этом противном городе. Как только его выпустят — сразу домой, в Метсакюла! Хватит, нагостился!

И когда на седьмой день его наконец отпустили, Волли направился прямо на автобусную станцию.

Именно здесь он обнаружил, что денег у него нет. Ни копейки.

Изучив табличку, висевшую возле кассы, Волли узнал, что денег ему нужно не слишком много. Но гораздо больше, чем ничего. В кино он видел, как когда-то беспризорные устраивались в ящиках под железнодорожными вагонами. К сожалению, у автобусов никакого специального устройства для проезда «зайцев» Волли не обнаружил. Поэтому он все-таки подошел к кассе, хотя и понимал, что к таким окошкам без денег нечего соваться.

К счастью, кассирша была в хорошем настроении. Она долго расспрашивала Волли, кто он и откуда. Потом поморщила лоб и сказала:

— Ты сходи в районо. Налево за угол, большой дом по правую руку. Там найдешь. Иди и все Расскажи. Раз ты школьник, это по их системе.

Хорошо, что хоть какая-то система может о нем позаботиться! Правда, поднимаясь по лестнице, Волли вспомнил, что здесь он может встретиться с инспектором. Но теперь у него в кармане лежала такая справка, какой ни у кого из школы не было. С такой справкой бояться нечего! Он храбро открыл первую попавшуюся дверь и вошел.

За большим столом в кресле сидел бритоголовый человек в очках, а перед столом, в другом кресле, — человек без очков, с седыми волосами. Седой повернулся лицом к Волли, а бритый нахмурился и спросил:

— Что тебе, мальчик?

— Мне нужно немного денег, чтобы доехать домой, — сказал Волли и для ясности добавил: — Я из вашей системы, меня привезли сюда из Метсакюла в больницу. А теперь мне нужно уехать домой.

Седой рассмеялся.

— Значит, ты из нашей системы? Хорошо! Я слышал, вы там, в Метсакюла, гидростанцию строите?

— Еще какую! — воодушевился Волли. — Водослив скоро уже готов будет. Вот так течет речка, здесь водослив, а тут будет плотина и здание станции, — показал он руками.

— И хорошо идет строительство? — чуть прищурившись, спросил седой человек. Это был настоящий человек, он разговаривал с Волли, как взрослый со взрослым. И парню захотелось не ударить лицом в грязь. Поэтому он заговорил совсем как директор Каэр, может быть, даже его словами:

— Строительство идет хорошо. Только беда с материалами. И денег нет. Со всякими сухарями толчеными все нервы испортишь. Никакой помощи. Даже турбины еще нет. Министерство запросили, а там знаете, кто сидит?

Бритоголовый заерзал на стуле, как будто попал на муравейник. Потом выпучил глаза и зашумел:

— Так нельзя со взрослыми разговаривать! Да знаешь ли ты, с кем...

Но седой остановил его:

— Давайте уж послушаем. Так кто же там сидит?

Сказано это было уже не так весело. Пожалуй, Волли перехватил.

— Ну, кто-то сидит, — вывернулся он. — Понимаете, мы строим, а они говорят: «Бросайте! Турбины, — говорят, — нет». А мы взяли да письмо послали комсомольцам, которые турбины делают!

— Кто это «мы»?

— Ну, младший брат, пионерия.

— Слышали? — обернулся седой человек к бритому. — Нет, нужно довести дело до конца. Будем считать это экспериментом Юхана Каэра.

Он достал блокнот, что-то записал. Потом снова прищурился, взглянул на Волли и спросил:

Седой достал блокнот и что-то записал.

— А ты, наверно, начальник строительства? Положительно этот дядя знает толк в людях! — Что вы! Я просто один из строителей, — покетничал Волли. — Председатель совета стройки — Андрес Салусти. Он бы вам лучше рассказал. Дело-вой парень. На одной партии сидим.

— А как твоя фамилия?

— Круус. Волли Круус.

Тут в дверь вошел инспектор Киви, на которого Волли... Брр, вспомнить страшно!

— Это тот самый, о котором я вам рассказывал, — сказал инспектор Киви седому и сверху вниз взглянул на Волли.

— У меня есть справка из больницы, — поспешно отразил удар Волли, роясь в кармане.

— Не нужно, — остановил его седой человек. — Покажешь директору. А насчет турбины я тебе обещаю ответить через неделю. Постараюсь сделать все, что в моих силах. Только чур: когда постройте гидроэлектростанцию, позовите меня на пуск! Ладно?

— Обязательно!

— А теперь держи деньги. Счастливого пути!

Волли взял деньги, поблагодарил, попрощался и направился к выходу. На пороге он остановился.

— Простите... А как я верну эти деньги?

— Пустяки!

— Нет, я так не хочу. Это же ваши деньги!

— Хорошо, приеду к вам на пуск, — вернешь. Сговорились?

Это Волли устраивало.

— Передай привет Юхану Каэру! — крикнул ему вдогонку седой человек.

— Есть! — радостно воскликнул Волли и стремглав помчался на автобусную станцию.

Только в автобусе он спохватился, что не знает, кого приглашать на пуск, кому отдавать долг и от кого передавать привет директору.

Глава, где грова покачивают головой, а кто-то целуется

Юхан Каэр с несколькими ребятами шагал по лесу. Операция с лесозаготовками была предпринята директором школы после долгих раздумий. Этот выход подсказал ему Альберт Паю, который был куда более опытным хозяйственником, а в школу он теперь наведывался очень часто: Раулю он доверял, но и проверить лишний раз не мешает. Именно Альберт Паю указал Юхану Каэру на строчку в школьной смете: «Отопление».

— Инспектор ругает? Пустяки. Мешают? Что ж поделать! Денег не дают? Вот это плохо. Нельзя вести стройку без финансирования, — говорил тогда Альберт Паю, крупными шагами меряя учительскую вдоль и поперек. — Деньги нужны. Они у вас есть?

— Нет. Я рассчитывал, что дадут, но вот нет.

— Пока нет, — поправил Альберт Паю. — У вас есть статьи расхода «Отопление» и «Освещение». Электростанция будет школу освещать, а при желании и отапливать. Значит, эти деньги можно расходовать на строительство. Лес на корню стоит дешево, заготовить и вывезти его наши орлы смогут. Им это дело понравится. Все очень просто: заготовить дрова, заодно бревна. А деньги истратите на строительство.

— Но что мы сможем от этого получить?

— Электростанцию, — убежденно сказал Паю. — Ну, вы лично, может быть, еще и выговор. Но ведь это мелочь!

Разговор с Паю вспомнился Юхану Каэру сейчас, когда он шагал от дерева к дереву за лесником.

Юта Каэр.

стволе выбранного дерева метку. С директором школы он еще мог бы поспорить, но когда хитрец Каэр привел в лес его Айме, — как тут откажешь?!

— Какой славный у тебя отец! — шепнул Андрес. Айме гордо и радостно кивнула головой, словно хотела сказать: «Еще бы!».

Юта Каэр, выискивая лес для столбов линии передачи, то и дело приставала к леснику:

— Дядя Силланди, смотрите, там сучки растут! Это брачок?.. Разжалуем?

И Силланди, руководствуясь «порубочным билетом» и собственными симпатиями, разрешал рубить все новые и новые деревья. Ребята шумно радовались своему богатству. А директор школы поеживался, думая о предстоящем.

Деревья нужно было еще свалить, обрубить сучья, распилить на бревна. Вывезти все эти бревна, столбы и дрова... Легко сказать — «вывезти». На чем? Правда, делянка выбрана близко от школы, да еще на горѣ. Но даже под гору как-то повезут они эти бревна по сугробам зимнего леса?

Директор представлял себе темные, нетопленные классы, и ему казалось, что даже деревья, все эти будущие столбы и дрова, неодобрительно покачивают головами.

Зато Юта — Юта была счастлива. Сегодня ее радовало все: лес, столбы, стройка; директору сообщили по телефону, что живой и невредимый Волли Круус возвращается в Метсакюла.

Но на другой день Юта даже слегка огорчилась, когда маленький, такой маленький мальчик с рыжими вихрами, гордо задрав нос, вошел в класс и швырнул сумку на первую парту. Пока его не было, Волли как-то попросил и возмужал в воображении Юты...

Однако думать об этом было некогда: Крууса уже окружили ребята, и он, рассказывая о своих невероятных приключениях, все больше входил во вкус и вспоминал даже такие подробности, которых не было и быть не могло. Он забыл все свои тревоги. Еще пять минут назад, идя в школу, он почесывал затылок: конечно, времени прошло много... Но телеграмма жгла карман... И еще неизвестно, что тут наговорил директору инспектор. Тот, на которого...

А теперь Волли снова был в своей тарелке. Он рассказывал:

— Открыл дверь — вижу: разные важные дядьки

сидят. А посерединке седой такой, видать, самый главный. Увидел меня, спрашивает: «Что вам угодно?» А я отвечаю: «Что ж вы, сухари толченые, строить нам не дадите?» Тут они все забегали, глазами на меня сверкают, зубами лязгают...

— Шерсть дыбом поднялась... — в тон ему подсказала с места Айме. И хихикнула. Но Волли и внимания на нее не обратил.

— Тут этот седой как крикнет на них: «Цыц! Человек дело говорит! Диктуй все, что вам от меня нужно!» Это он мне говорит. Ну, думаю, тут зевать нельзя!.. Я как-ак начал диктовать: и про турбину и про все дела. Седой схватил тетрадку, пишет, пишет, а я все диктую, диктую...

— Это кому ты диктовал? — спросил Юхан Каэр. Он уже с минуту стоял возле двери в классе, но все были так заняты рассказом Волли, что даже не смотрели в коридор.

Тут все бросились за парты. А Юхан Каэр поздоровался и снова спросил у Волли:

— Так с кем это ты говорил?

— Седой такой, важный. В районо сидел. Наверно, большой начальник.

— Как ты попал к нему на прием?

— Зачем «на прием»? Просто мы с ним посидели, поговорили... — снова начал свой рассказ Волли, чувствуя за своей спиной напряженное молчание изумленных друзей.

— И ты даже не догадался встать? — нахмурился директор.

— Нет, я, конечно, стоял, — приблизился к истине Волли. — А он сидел. Он просил передать вам привет, только я забыл спросить, как его зовут. А дело было так...

Мы с вами, читатель, уже знаем, как было дело, и поэтому не стоит еще раз выслушивать Волли. Но, представьте себе, директор Каэр не пришел в восторг от этого рассказа.

— Как же можно так говорить со взрослыми? — сказал он. — Они могут просто прекратить нашу стройку.

— Хуже не будет, — философски заметил Волли, подавая директору телеграмму. — Вон они что пишут!

— «Срочная. Ввиду отсутствия турбины и по ряду соображений стройку немедленно прекратите», — вслух прочел директор. Сел и приложил руку к сердцу.

— Это старая телеграмма, она теперь не действительна! — пробормотал Волли.

— Садись, — сказал ему Юхан Каэр. — С меня достаточно. Перейдем к ботанике...

На перемене спорили много. Большинство ребят было на стороне Крууса. Все-таки это здорово — так и сказать седому начальнику всю правду. Неизвестно, сколько он приврал, но не стал бы он все подряд перевирать при директоре школы.

А кое-кто опасался неприятных последствий. И очень многих взволновала телеграмма, прочитанная директором. Правда, Харри подтвердил, что она хоть и срочная, но получена уже давно...

— Молодец, Харри! Смотри-ка, не проболтался!

После уроков Юта Карр водила Волли по строительству, как важного гостя, показывая, что без него успели сделать.

А когда они шли со стройки, Юта нагнулась к самому его уху:

— Хочешь, я открою тебе одну тайну?

— Валий открывай! — оживился Волли. Он очень любил тайны.

Вот и пойми этих девчонок...

— А ты не будешь смеяться? Честное пионерское?

— Не буду.

— Слушай, ты мне нравишься.

— Влюбилась в меня, да? — спросил Волли, чтобы внести полную ясность.

— Вот еще, глупости какие! — вспыхнула Юта. Волли так неожиданно произнес это далекое, непривычное слово — «влюбилась»... Конечно, Юта уже во многих книгах встречала глагол «любить»: у Пушкина, Вильде, Жюль Верна... Там было написано о любви очень интересно...

Они дошли до школы. Только не до главного входа, а до той боковой двери, что вела в квартиру директора. Юта остановилась возле крыльца, повернулась к Волли и с любопытством взглянула на него, склонив голову набок.

— А ты?.. — негромко спросила она.

— Люблю! — ответил Волли, не раздумывая. Вот здорово-то: в него влюбилась Юта! А теперь стоит и пилит на Волли глаза. Что же в таких случаях делают? Ага, наверно, целуются! Жаль, что Юта такая длиннющая... Но тут как раз ступеньки... Если встать ступенькой выше...

Волли дернул Юту за воротник, так что она качнулась к нему, и чмокнул ее в щеку.

Щека была круглая. Как мячик. И холодная. От нее пахло молоком. Парным молоком или чем-то вроде этого. Волли потянул ноздрями воздух.

— Знаешь, от тебя пахнет телянком, — сообщил он о своем открытии.

— Ну почему ты всегда болтаешь какую-нибудь чушь! — дрогнувшим голосом сказала Юта, краснея до корней волос.

— Это правда, — настаивал Волли. Он чувствовал, что говорить об этом не нужно, его тоже огорчали собственные слова. Но почему-то он упрямо повторял: — Телянком, честное слово, от тебя пахнет телянком.

И Юта вдруг убежала. Топ-топ по ступенькам, и — дверь за ней закрылась. Вот и пойми этих девчонок: сама завела такой разговор, а потом ни с того, ни с сего разобиделась...

Ну, ничего. Все равно теперь Волли влюбленный. Нужно будет вырезать на парте «В + Ю». Только очень мелко, чтобы никто не увидел. Потому что это тайна.

К сожалению, тайны никогда не могли усидеть внутри Волли. Утром, уже на первом уроке он написал Андресу: «Я и Юта любим друг друга». Андрес ответил: «Ничего ты в этом не понимаешь». Волли обиделся и написал: «Сам ничего не понимаешь! Мы с ней целовались». И Андрес ничего больше не стал писать. Только на перемене сказал стишок:

Зовет ее ангел восторгом небес,
зовет ее муками адскими бес,
а люди зовут — любовью!

— Плохо, — поморщился Волли. Знатоки всегда морщатся. — Бесы, ангелы, к чему ты их приплел? Уж если пишешь стихи, писал бы понятней!

— Балда! — возмутился Андрес. — Это совсем не я, это Гейне написал! Я вчера читал его стихи. Еще он пишет, что любовь — это зубная боль в сердце.

— Да ну? — удивился Волли. Зуб у него когда-то болел. Ох, и больно же! Вот и сейчас чувствуется, если надавить кончиком языка. Но любовь... При чем тут зубы? Волли сказал: — Нет, зубы тут ни при чем. Не разбираетесь вы в этом деле, ни ты, ни твой эрот... Гейне. Уж я-то знаю!

— Ну, конечно, где ему до тебя! — поиздевался Андрес. — Эх, Круус, какая ты балда!

— Но-но, полегче! Я турбину добывал!

— И об этом зря столько шумишь. Неизвестно, чем это кончится! И ведь тебе просто повезло: случайно напоролся в городе на кого-то. Вот если бы сам сделал... что-нибудь настоящее.

Это было уж слишком! Кабы такое сказал не Андрес, а кто-либо другой, Волли как-ак размахнулся бы, да как-ак... Видали? Он, Волли, добывался, чтобы школа получила турбину! Он самой долговязой Юте понравился! И вдруг Андрес говорит...

Самое обидное, что с Андресом трудно спорить. Ведь и верно, если бы Волли знал, что там сидит этот важный седой человек, он, пожалуй, и в кабинет не вошел бы.

Все-таки нелегко дружить с этим Андресом.

Глава, в которой доски уплывают, но озеро рождается

День был особенный, необычный. Это очень интересно — ставить перемычку, чтобы вода в реке оставалась!

Юри и Калью с помощью других ребят принесли два обтесанных бревна и уложили их рядышком над оставленной в плотине дырой, где пока бежала Метсайыги. И теперь школьники забивали в щель между этими бревнами короткие доски — вплотную

одна к другой. Тиховодье перед этими досками заваливали глиной.

С двух берегов навстречу друг другу протягивались узенькие вязкие тропинки. Потом они встретились посреди реки. И тогда Метсайыги остановились.

— Гляди-ка, уже засыпали! — удивился Калью. Он уселся на первую попавшуюся доску и заявил: — Перекур!

Он даже похлопал себя по карманам, как всегда делал отец, разыскивая спички и сигареты. Спички в кармане тихонько затарахтели. А вот курить было нечего. Калью вздохнул. Правда, коли честно сказать, табачный дым — штука мерзкая: и горько и глотку дерет. Но зато какой почет! Сидишь, дымишь, и все понимают, что ты уже человек самостоятельный...

Вода поднималась и поднималась, и долго сидеть не пришлось. Строители снова взялись за лопаты и носилки.

Волли осмотрелся. Перед перемычкой разлилось уже целое озеро. Зато ниже, где только что бежала речка, виднелось пустое русло. Только в ямах возле камней остались лужи. Может быть, там, под камнями, и рыба осталась? Вот бы сейчас вытащить налива килограмма на два! Волли крикнул бы ребятам: «Эй, вы, чудаки! Смотрите, кто здесь водится!» Все так бы и ахнули...

Только над домашними уроками Волли всегда долго раздумывал, прежде чем начать что-то учить. Во всех остальных случаях он сразу приступал к делу, часто даже не успев подумать хоть что-нибудь. Так и сейчас он и сам не заметил, как оказался в реке. Засунув руку под камень, он почувствовал: б-рр, до чего холодно!

Волли уже перешел к следующему камню, как вдруг почувствовал, что его ботинок сразу наполнился водой. Прибывает? Наш герой подрыгал мокрой ногой, оглянулся, и...

— Вода! Вода! — заорал Волли. За шумом реки его никто не услышал. Но ребята сами почувствовали, как дрогнула их перемычка, и бросились враспиху.

Волли увидел, как из-под досок, из-под земли, вырвались мутные коричневые струи. Потом, раздвигая бревна, доски одна за другой начали вывертываться, срываться со своих мест. И вдруг разом, унося всю перемычку, вода хлынула бурным потоком.

Ой, эта волна надвигается на Волли! Прямо стеной идет! Скорее отсюда, скорей!

Волли в три прыжка выскочил на берег. Вскарабкался на камень. Огляделся.

Бурлили водовороты. Там и сям из воронок высовывались доски, где торчком, где наискось, и потом уплывали вниз по реке.

Ничем-ничем нельзя было помочь горю. Метсайыги перехитрила своих покорителей.

Подойдя к берегу, директор вздохнул.

К нему подскочил Андрес:

— Товарищ директор, мы побежим! Напрямик, к мосту. Догоним доски, поймем их!

— Бегите.

Андрес помчался. За ним — Айме и еще трое шестиклассников. Конечно же, и Волли, даже не узнав, куда они бегут, пустился их догонять.

Андрес вел ребят прямо к своему дому — там нужно было взять багор, лежавший возле сарая. Неподалеку был и мост. Река петляла по долине, и ребята рассчитывали, что, пробежав напрямик, они сумеют обогнать уплывающие доски.

Около сарая стояла мама Андреса, а рядом с ней Аугуст Мельдер. Они стояли близко-близко друг к другу и совсем тихо говорили о чем-то.

Мама испуганно обернулась на скрип калитки.

— Что случилось?

— Перемычка... Доски унесло... Багор...

Все это Андрес проговорил, задышав от быстрого бега. Найдя багор, он метнулся к калитке: времени на разговоры не было.

— Хельги, я схожу с ними, — проводив его глазами, сказал тракторист. — Может, им понадобится помощь.

— Пойдем, и я с тобой, — кивнула головой Хельги.

Аугуст не раз говорил, что с детьми он дела иметь не любит — холостяк... Поэтому Хельги удивлялась, зная, как часто он бывает на школьной стройке. Но ей это нравилось.

Они присоединились к ребятам на мосту.

Ждать пришлось долго. Андрес уже хотел бежать вверх по реке, навстречу доскам, когда первая из них появилась вдали.

Вылавливать доски около моста было совсем легко. Но приплавало их удивительно мало.

— Застряли где-нибудь, что ли? — взглянул на ребят Аугуст Мельдер. — Придется пройти вверх по реке.

Они отправились вдоль берега, всматриваясь в каждый омут, в каждую извилину. Нашли две доски, засевшие между камней. Достали. Третью увидели у другого берега, под обрывом, над которым стоял мостопункт. Здесь Метсайги была пошире, доску еле-еле зацепили багром.

Напротив дома Вийу Ныгес река разливалась большим озером. Берег здесь зарос камышами, и все прошли мимо. Только Волли сунулся в камыши, пошнырял по тропинкам, залитым водой, и вернулся к друзьям с сообщением:

— На воде ничего нет. А вот на том берегу что-то белеет. Похоже на доску.

— У Крууса доски, как лягушки, скачут, — засмеялась Айме, — из реки да на берег.

И все пошли дальше.

А Вийу Ныгес, не успевшая спрятать последнюю доску, погрозила им вслед кулаком. «Ишь, глазастый, бес рыжий!» — прошептала она, с трудом раз-

гибая спину и обеими ладонями отирая мокрое от пота лицо. Славно поработала старая Вийу!

С горы, из окна своего дома, она заметила, как рухнула перемычка, как поплыли широкие, белые, новые доски. Ага, достроились! Так им и надо! Пойти, что ли, посмотреть?

Она взяла багор и, чуть припадая на левую ногу, быстро спустилась с обрыва по старой лестнице, сделанной еще покойным мужем, при немцах. Доски приближались. Они медленно плыли по широкому плесу, а потом, выйдя из-за поворота, снова набирали скорость и устремлялись к камням. Вот где к ним можно подобраться... Не оступиться бы... Так, на камень, на другой, багром, теперь багром... Эх, досада, промахнулась! Уплывает доска, широкая, белая, новая!

Вот вторая подходит... Стой, не уйдешь! К берегу ее, к берегу, вот так, с божьей помощью. Пол можно будет починить, а то погнили доски, отжили свое... Плывите сюда, дощечки, плывите, новенькие, не забыл бог рабы своей Вийу!

Доски плыли и плыли, и, страшная, злая, одинокая, металась по камням Метсайги старуха с расстрепавшимися седыми космами. Она сердито ворчала, если ей не удавалось дотянуться до доски и та проплывала мимо. Но уж если багор Вийу Ныгес вшивался в белое дерево доски, Вийу вытаскивала добычу, не щадя себя.

Так же быстро, старательно, рассчитывая свои силы и все-таки надрываясь, волокла она доску за доской в частый прибрежный ивняк, запихивала в кусты, горюя, что лист облетел, сквозной становится чащоба. Только последняя доска оставалась неспрятанной, когда школьники проходили мимо. И то, слава богу, в траве лежала, не на виду...

Дал бы бог дождинку, дал бы снежку — следы прикрыть. Прости, господи, прегрешение... А те-то! Ищут свои доски! Растяпы!

— Растяпы мы, — сказал и Волли. — Наверное, доски давно уплыли в озеро, а мы стояли на мосту да ждали их.

И все — даже Аугуст — с ним согласились.

На другой день они снова готовили доски, израсходовали те, которыми хотели настелить пол электростанции. Несколько штук взяли в долг в совхозе. Принесли и доски, выловленные у моста и найденные на берегу...

И опять пионеры носили и ставили доски, снова засыпали их глиной с обоих берегов. Но дно теперь оказалось глубже, потому что вода размыва его. Доски были коротки, уверенности в победе не было. На ночь среднюю часть реки оставили открытой.

А поутру с грохотом и лязгом к берегу подъехал бульдозер.

— Я рассказал все директору совхоза и предложил помочь. Паю согласился, — попыхивая трубкой, объяснил Аугуст Мельдер. — Вода шутить не любит,

— Вот вторая подходит... Стой, не уйдешь!

перекрывать пужно сразу и надежно. Давайте думать, откуда мне глину толкнуть.

— С этого берега,— предложил Юхан Каэр.— Верхний слой сбросим в сторону, а суглинок — в плотину.

— Мы хотели построить все своими силами,— разочарованно протянул Андрес Салусти,— трактором, конечно, легко...

Но Аугуст Мёльдер успокоил его:

— Чудак, на перекрытие рек всегда мобилизуют все средства. Так и Днепр, и Волгу перекрывали, и Иртыш. Все силы! Ставьте доски, я пока верхний слой срежу. А потом я нажму отсюда, а вы с того берега. Мы ей покажем!

Тракторист погрозил реке кулаком и, орудуя рычагами, повел машину вперед.

Рыча и упирався, бульдозер обрушил в воду большую глыбу суглинка. Попятился, снова опустил свой нож, опять потащил к воде целую гору глины.

С другого берега, словно соревнуясь с могучей машиной, ребята тащили землю на носилках. Грунт шел непрерывным потоком и слева и справа. Уже перекрыли реку, и опять скапливалась вода перед плотиной. Но теперь она встречала надежную преграду.

Все толще становилась глиняная стена. Все ниже съезжал бульдозер. Наконец он въехал на свежую насыпь. Он увязал, но смело прошел вперед. А потом вернулся и снова пополз от берега к берегу, трамбуя глину своими гусеницами.

Бульдозер развернул весь левый берег у плотины да и саму плотину. Она получилась некрасивой, их перемычка. Но красоту можно навести и потом! Главное было сделано.

— Вот это сила! С такой работой не каждый справится! — восхищенно глядя на Аугуста, прошептал Андрес.— Правда, Айма?

Айма утвердительно кивнула головой.

Они долго стояли на берегу. Перед перемычкой быстро разливало озеро. Оно поблескивало, отражая узенькую черту зари, что розовела над самым лесом. Оно было совсем крохотным, это озеро, меньше их спортивной площадки. Но оно все росло и росло. А главное — ведь это было их озеро, озеро, созданное своими руками!

Глава, где герой становится героем

Глину несли и несли, и плотина становилась все выше.

Вальтер Пихлакас с уровнем и самодельными рейками чуть ли не каждый день проверял откосы плотины, и всегда они оказывались не в порядке. То глины было насыпано недостаточно, и тогда ее приходилось добавлять, то она торчала посреди откоса этаким бугром, и приходилось ее срезать и перекидывать.

— А что, если нам поставить столбики и рейки, чтобы сразу подгонять к ним откос? — сказал однажды Андрес физику Пихлакасу.

— Как же ты их поставишь?

— Очень просто! Калью, дай-ка спички!

Калью поморщился, но достал из кармана коробок. И Андрес показал на спичках, прикладывая одну к другой, как сколотить рамки, чтобы ширина повсюду была нужной.

— Можно вычислить катеты, а потом сколотить шаблоны,— добавил Юри Куузик.

— И просто воткнуть в землю! — вмешался Волли, без которого ничто не могло обойтись.

— А верх проверить по уровню,— высказался опытный плотник Калью Тамменпыльд.— Факт.

Пихлакас согласился. Он похвалил ребят и велел рассчитать эти рамки, сделать их и установить.

— Пусть это будет вашей рационализацией,— сказал он,— только покажите мне расчет.

Ребята сделали расчет. Расчет был верен, и физик поставил под ним жирную пятерку. Но, хотя ему было стыдно признаться в этом даже самому себе, его огорчило, что мысль о рамках пришла в голову не ему.

Неужели эта стройка так приучила ребят к техническому мышлению, что они начинают обгонять его, учителя?

А рамки из реек встали от берега до самого водослива. Они строго очерчивали гребень плотины и откосы. Сразу стало видно, где сколько осталось насыпать глины, куда нужно насыпать песок, а куда бросать камни.

Брусья от временной перемычки давно вытащили на берег, и сама перемычка стала частью плотины. Озерко перед ней разлилось широко, по всей долине. И уровень воды больше не поднимался: теперь уже работал водослив.

Но строители торопились: нужно было насыпать плотину до зимы, пока грунт не замерз. И они несли и несли глину.

Нельзя сказать, что Рауля Паю увлекало это занятие. Вот и сейчас он неохотно брел позади Харри, держа за ручки носилок.

Харри в конце концов остановился.

— Что ты там, уснул? — спросил он, оглядываясь.— Мне же тебя тащить приходится! Лошадь я, что ли?

— Нет, осел! — огрызнулся Рауль.— Поехали!

Они пошли дальше по неровной, кочковатой насыпи плотины. Волли, стоявший с лопатой в руках, крикнул им издали:

— Сыпай левее! В воду!

Рауль усмехнулся: ишь, командир! Но Харри послушно свернул влево и шагнул к самой воде. Они опрокинули носилки. Булькая, глина посыпалась в воду. И вдруг Харри почувствовал, что его нога увязает в мокрой глине. Харри отпустил носилки, рванулся изо всех сил, но... потерял равновесие. Он взмахнул в воздухе руками, качнулся и рухнул в воду.

Попробовал встать. Дно было близко, но это было не настоящее дно. Глинистый, вязкий откос уходил из-под ног, тянул в глубину. Погружаясь все глубже, захлебываясь, бледный, перепуганный Харри крикнул:

— Тону! Спасите!

Рауль испуганно шагнул в сторону. Как страшно! И вдруг мимо него промчался Волли. С разбега Волли вскочил на носилки, оставшиеся на откосе, и прямо с них бросился в воду, обдав Рауля брызгами.

Вот Волли подплыл к Харри... Схватил его за волосы... Тащит обратно, к плотине...

А с берега уже бегут Андрес, Пихлакас, Юта... Они все видели!

Раулю стало невыносимо стыдно, он опустил глаза. И увидел носилки. С этих носилок прыгнул Волли. А он, Рауль... Как стыдно! А Волли уже плывет обратно... Постой, но ведь им не выбраться!

Все эти мысли промчались в голове у Рауля быстро-быстро. Он бросил носилки в воду и шагнул на них. От ледяной воды захватило дыхание. Носилки врезались в топкую глину и уходили из-под ног. Но Рауль, стиснув зубы, все подвигался и подвигался, нащупывая ногой край носилок, протяги-

вая руку подплывшему Волли. Раулю было страшно, ему было холодно, но он не мог иначе!

По-прежнему держа Харри за волосы, барахтаясь в мутной, рыжей от глины воде, Волли протягивал Раулю свободную руку. Рауль изо всех сил потянул Волли к себе. И вдруг почувствовал, что носилки под ним осели. Пучина тянула к себе и Рауля. Он судорожно вцепился в руку Волли, все еще помогая ему выкарабкаться, но сам покачнулся и вскрикнул, теряя равновесие.

Рауль упал бы в воду, если бы не подоспели ребята. Они подхватили его и вытащили. За Раулем, держась за его руку, поднялся на плотину и Волли, он тащил Харри Роосте.

Через минуту все трое, мокрые, посиневшие от холода, стояли на насыпи.

— В школу! — скомандовал Вальтер Пихлакас. — Бегом!

Вместе с Ютой ребята добежали до школы. Там самым теплым местом оказалась директорская кухня, где все пострадавшие и расположились возле плиты.

Из интерната принесли чьи-то вещи, Харри и Волли переоделись. А Рауль выглядел так плохо, что директор увел его к себе в комнату, нарядил в свои старые штаны, поил валерьянкой и даже красным вином.

— Успокойся, — говорил директор. — Обойдется. Твоим родителям я все объясню. Ты молодец. Ну, перестань дрожать! Вот, хочешь яблоко? Ты ведь, кажется, любишь яблоки?

— Да, люблю, — сказал Рауль. И вдруг осекся. Он взглянул на директора, встретился с ним глазами и начал краснеть. Он краснел, краснел, а потом тихо сказал:

— Я давно хотел вам сказать... Один раз я шел мимо сада... А там стояла яблоня. Розовые такие яблоки...

В комнату вошла Юта, и Рауль умолк. Юта взглянула на него удивленно: толстый Рауль был совсем не таким, как всегда. Даже издали было видно, что в нем что-то переворачивается. Да он совсем и не толстый больше, это его просто так по привычке зовут...

— Они были такие розовые! — с отчаянием повторил Рауль. Если бы здесь не было Юты, он сказал бы все сразу. Но при ней...

— Такие розовые яблоки! — мямлил Рауль, умоляюще глядя на Юту. И Юта все поняла и ахнула в душе: «Так это он украл наши мичуринские яблоки! И не признался! Но почему теперь?»

Она посмотрела на Рауля с жалостью: видно же, что человек мучается. А у Юты было очень доброе сердце.

— Рауль, — сказал директор Каэр, — ты напрасно так долго рассказываешь. Дело в том, что в тот день ты был в новых чешских ботинках.

— Об этом знал только мой папа! — словно защищаясь, выкрикнул Рауль.

— Ну да, — спокойно кивнул головой Каэр. — Кто же еще мог узнать, если я... грабелками... А то ведь эти следопыты... — Он кивнул головой на Юту и замолчал. Потом добавил с усмешкой: — А я и сам в следах разбираюсь. Приходилось в жизни. Вот разобрался, решил поверить в тебя. И не ошибся. Теперь ты сам все понял, и мы с Ютой тебя не выдадим. Верно, дочка? Не выдадим?

Юта кивнула головой.

А на кухне в это время толковали Волли и Харри. — Здорово мы тебя тащили! — вспоминал Волли. — Как репку в русской сказке: дедка за репку, бабка за дедку, тянут-потянут, вытащить не могут. Дедкой был я, бабкой Рауль, а ты... Репка ты, вот кто! Пропал бы ты без меня!

— Пропал бы, — согласился Харри. И тут же упрекнул своего спасителя: — Только зачем ты мне волосы выдирал? Больно же!

— У твоей собственной матери в медпункте написано: «Утопающих тяните за волосы». Зря инструкций не напишут!

— Так то по воде! А ты меня на насыпь...

— Подумаешь, скальп с него сняли!

Оба помолчали. Потом Юта принесла им яблок. Вот это она здорово придумала!

— Они были такие розовые! — с отчаянием повторил Рауль.

Схрупав яблоко, Харри сказал:
— Только пузо раздражил. Пойду я. Еще не ел сегодня.

— Голоден? — забеспокоилась Юта. — На, поешь! Бери булку...

Упсывая кусок булки с маслом, Харри кое-что рассказал о своей жизни. Плохо ему живется. Мать то в город уедет, то просто накормить забудет. Соседка Вийу всегда кусок даст, но зато ей читать нужно, глаза у нее слабые. Разные церковные книги и еще псалмы...

— Какие такие псалмы? — не понял Волли.

— Ну, стихи такие божественные... Их и петь можно...

И Харри вдруг тихонько прочел наизусть:

— Куда ни гляди, чем опасней
стеяз
и как бы узка ни была,
мой ангел-хранитель,
смирненно скользя,
меня унесет на крылах...

— Чудак! Это я тебя волочил, смиренно скользя. Похож я на ангела? — С этими словами Волли застыл в позе, соответствующей, по его мнению, ангельскому чину. Штаны и рубашка достались Волли то ли от Калью, то ли от Юри, и Харри с Ютой до слез смеялись, глядя на рыжего ангела в таком странном облачении...

На следующий день в школу пришла мать Харри, медсестра Вильма Роосте. Сначала она объяснялась с директором: почему тот не считается с медициной? Она выдала своему Харри справку, чтобы освободить его от строительных работ. Почему это не выполнено?

— Я его не заставлял, товарищ Роосте, — сказал директор. — Он сам хочет работать.

— Ну и что ж? Мало ли чего они захотят! Нельзя потакать детским капризам! Кстати, кто моего Харри вытащил?

— Волли Круус.

— Тот рыженький, что в больнице был?

— Да. Ученик шестого класса Волли Круус.

— Я могу его увидеть?

— Разумеется. Сейчас он на стройке. Идемте.

Пока они шли к речке, их перегнал кто-то из ребят. Директор остановил школьника.

— Скажи Волли Круусу, что его хочет видеть мать спасенного мальчика. Понял?

— Понял, товарищ директор!

Ребята работали на другом берегу. Посланец пробежал шагов двадцать и заорал на всю округу:

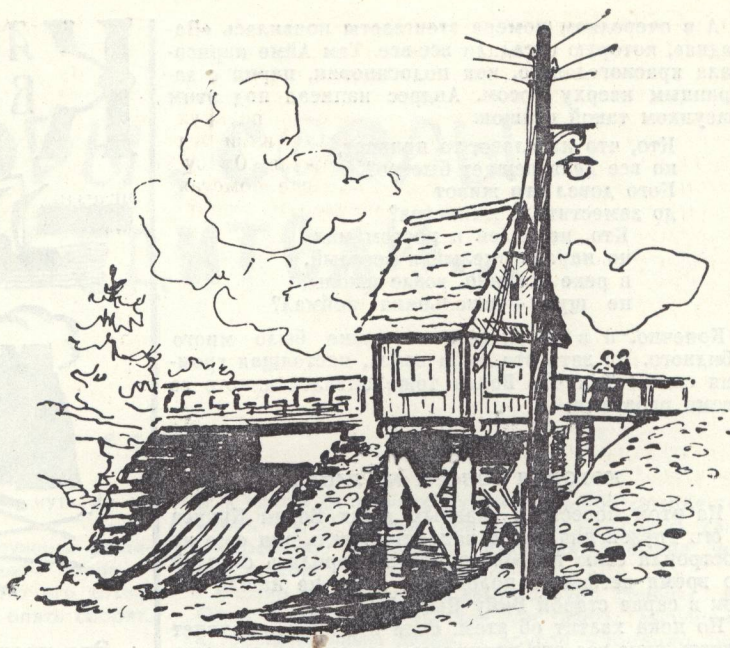
— Круус! К директору! Мать спасенного пришла!

— Иду-у! — ответил Волли.

Вот так штука! Кажется, его наконец оценили! Конечно, когда Волли прыгал в воду, ни о каких наградах он не думал. Но медаль «За спасение утопающих» была бы ему к лицу. Можно бы и медаль. Интересно, с какой стороны ее вешают — слева или справа? Эта медсестра сейчас наверняка бросится ему на шею и оросит лицо слезами — где-то он читал такую фразу про орошение...

Но Вильма Роосте ничего подобного делать не собиралась.

— Ты вытаскивал моего Харри? — деловито спросила она,

Ученики Камбьяской школы уже построили свою гидростанцию.

— Я.

— Кепки ты там не видел? Мой растяпа припел домой без кепки.

— Не видал. Вот голова была. И волосы на голове были, это я помню.

— Жаль. Совсем новая кепка, — вздохнула Вильма.

Волли так разозлился, что ему стало даже смешно. Он взглянул на директора. У того в глазах тоже горел какой-то огонек.

— Иди, Волли, ты молодец! — сказал директор. И повернулся к Вильме: — А с вами у меня большой разговор. Поскольку на родительские собрания вы не ходите, давайте поговорим сейчас.

Кто их знает, о чем они там говорили... Наверное, об отметках. Вот ведь как: если бы человек утонул, все жалели бы этого человека — и все. Но когда самый смелый в школе парень, рискуя жизнью, успел ухватить утопающего за волосы и вытащить его, это уже мало! Теперь директору от бывшего утонувшего нужны тройки, четверки, может быть, даже пятерки! А матери спасенного уже и кепочку подай!

И уж никто-никто даже не вспомнит о том страшном смельчаке, который...

Волли ошибся: пришел день, о нем вспомнили.

Увы, особенно прилежным учеником наш герой так и не стал. Поэтому он был очень огорчен, когда однажды на уроке ботаники директор вызвал:

— Волли Круус!

Начало было препротивное. Волли поднялся совсем невесело: в классе он всегда лучше чувствовал себя сидя, а не стоя. У этих растений всякие там рыльца, пестики...

— Круус, только что мне из Таллина звонил заместитель министра. Он сказал, что турбина для нас заказана. А когда я сказал: «Спасибо», — он ответил: «Благодарите Волли Крууса. И передайте ему привет». Это с ним ты говорил, оказывается!

И тогда все... Ну, вы понимаете: все так и ахнули! И, может, некоторые даже лопнули от зависти!

А в очередном номере стенгазеты появилась «Загадка», которую отгадали все-все. Там Айме нарисовала красноногового, как подосиновик, парня с задранным кверху носом. Андреас написал под этим рисунком такой стишок:

Кто, что ни слово, то приврет,
но все дела решает быстро?
Кого довел его живот
до заместителя министра?
Кто, не силен и ростом мал,
но парень смелый и веселый,
в реке осенней, возле школы,
не шуку — школьника поймал?

Конечно, и в рисунке и в стихе было много обидного. Но зато это была слава, настоящая громкая слава! Так что Волли тоже смеялся вместе со всеми ребятами.

Глава, которая совсем не глава

На этом повесть о славных делах Волли Крууса и его друзей ничуть не кончается: ведь они еще не достроили свою гидростанцию, не боролись с водой во время весеннего половодья, даже не нашли досок в сарае старой Вийу Ныгес!

Но пока хватит об этом. Если кто-нибудь захочет узнать, чем все это кончилось, — в добрый час, моя книжка уже печатается и вскоре выйдет в свет. А сейчас я хочу добавить еще совсем немного. Поэтому и пишу эту главку. Хотя, в сущности, это вовсе и не глава, а послесловие.

Я хочу признаться тебе, читатель: Волли Крууса и других покорителей Метсайыги я выдумал. Но все, что происходит в моей повести, взято из действительной жизни. Повсюду я собирал факты и только в Метсакюла не смог съездить, потому что сам придумал это название. Не стоит разыскивать его на карте Эстонской ССР.

А вот в Камбья, что неподалеку от Тарту, я бывал не раз. Там, на ручье Лаанеоя, ученики Камбьяской школы на самом деле построили свою гидростанцию. Ее показывал мне директор школы Яан Айа, высокий, сильный человек, чем-то чуть-чуть напоминавший Юхана Каэра из Метсакюла. И сама гидростанция на Лаанеоя издали была немного похожа на Метсакюласкую. Только здание станции стояло не у левого, а у правого берега.

Мы спускались к турбине и поднимались к генератору, ходили вдоль берега водохранилища, где устроены мостки для купания. Здороваясь, мимо пробегали школьники. И мне все время казалось, что вот-вот рядом пройдет могучий Калью или си-неглазая Айме, а откуда-нибудь из водослива выглянет перемазанный смолой и глиной Волли Круус.

Но Волли я, конечно, не увидел. А жаль. В одном из классов школы, на стене, в красивой рамке, висел диплом Выставки достижений народного хозяйства. И медаль. Дипломом и медалью школу наградили как раз за строительство гидростанции.

Волли обязательно пошупал бы медаль и сказал: — Вот это здорово! Еще как здорово-то!

И, конечно, Волли помог бы мне рассказать всем-всем о больших делах, которые делают наши пионеры. Может быть, он выступил бы даже по радио — для тех ребят, которые еще не научились вырабатывать гибридную кукурузу и бобы, не построили лаборатории, стадиона или гидростанции... Волли подошел бы к микрофону, сказал бы речь, и все так и ахнули бы. А многие, наверное, даже лошнули бы от зависти.

КАВАЛЕРИЯ В ВОЗДУХЕ

Это произошло в начале X века, в 907 году. Князь Олег Киевский с огромной ратью стоял под стенами Царьграда.

Однажды ночью, когда осажденный город спал, князь Олег собрал свой военный совет. Обсуждалось, как без больших потерь овладеть Царьградом. До сих пор все попытки кончались неудачей. Но вот Иван Бунчук, рулевой головной ладьи, предложил дерзкий план. Некоторые сомневались, но князь Олег приказал: «Быть по замыслу Бунчукову!»

Прошло много дней и ночей в подготовке. И как-то на рассвете осажденным представилось невиданное зрелище.

Все корабли войска российского подняли паруса и устремились... по суше к крепостным стенам (корабли были на колесах). От кораблей не отставали скачущие всадники. И вдруг всадники в сверкающих доспехах... взлетели над парусниками и тучей понеслись над городом. Осажденные не выдержали невиданной атаки. Город сдался.

Эту подлинную историю сообщили нам древние летописи. «И сотвориша кони и люди бумажные вооружены и позлащены и пусти на воздух на град».

Да, это были воздушные змеи в виде всадников с оружием в натуральную величину. Известно, что воздушные змеи очень помогли развитию авиации.

А. Ф. Можайский, изобретатель первого в мире самолета, совершал полеты на воздушном змее. Это было в 1891 году — почти на тысячу лет позже полета русских воздушных змеев над Царьградом.

А. КРАСНОВ, инженер

СПОРЫ, ССОРЫ и ПОБЕДИТЕЛИ...

В. ТАБОРКО

пионерской комнате шум и чуть ли не драка.

Что такое? Это совет дружины решает, кого считать победителем соревнования отрядов. Каждый доказывает, что его отряд лучший. Спорят, ругаются, голосуют и опять спорят. Наконец кто-то предложил:

— Давайте подсчитаем. Арифметика — наука точная, и спорить не придется: собрал отряд полтонны металлолома — получай 50 очков. Смастерил 20 скворечников — еще 20. Провел сбор — 100 очков, а есть в отряде двоечник — долой 20 очков. За чрезвычайное происшествие, драку, например, сразу 50 очков отнять можно.

Предложение приняли. И началась работа. Все подсчитано, победитель определен, а спорам нет конца. Не помогла арифметика. И в самом деле, почему отряду семиклассников за лом нужно дать 50 очков, если собирали всего 10 человек? А четвероклассники хоть и поменьше ребята и силенок у них маловато, но собирали лом всем отрядом и собрали столько же. А вот еще спорный вопрос. Разве справедливо вычитать 20 очков за единственного двоечника, который остался в отряде 5-го «А», и не трогать «благополучный» отряд 5-го «Б», в котором все успевают, двоечников нет, а в общем-то результаты третьей четверти куда хуже первых двух: отличников стало меньше, а троечников больше?

Как же сделать, чтобы споров было поменьше, а обиды совсем исчезли? Попробуем ответить. Прежде всего совет дружины должен знать, что делается в отрядах и звеньях, видеть, в чем сила и слабость каждого отряда, звена. Пусть все отряды и звенья почаще меряются силами друг с другом в соревнованиях, смотрах, конкурсах, олимпиадах, турнирах, викторинах. Чем чаще они будут проводиться в дружинах, тем яснее, какой отряд дружнее.

Зимой прошли лыжные соревнования на приз газеты «Пионерская правда». Какой отряд был самым лучшим, дружнее всех вышел на старт, быстрее других пришел к финишу?

А потом был смотр художественной самодеятельности. Какой отряд представил на смотр самую интересную программу, выставил большее число участников?

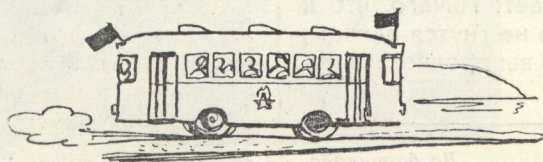
Можно провести выставку-конкурс стенных газет. Один отряд покажет свои три газеты, выпущенные к торжественным датам, а другой — тридцать номеров боевого еженедельного листка, и сразу станет ясно, кто лучше. Правда, в числе лучших могут оказаться два, а то и три отряда, дела которых не поддаются сравнению. Один, скажем, отлично работает с октябрятами, другой гораздо сильнее в зоне пионерского действия. У одного есть «Живая газета», а другой создал «Комбинат бытового обслуживания», один совершил трехдневный поход по партизанским тропам и собрал богатый материал для краеведческого музея дружины, а другой помог построить игровую площадку в сельской начальной школе.

Но на районный слет пионеров можно послать только один отряд. Кому же отдать предпочтение? Бросить жребий? Нет, это не по-пионерски. Лучше устроить между отрядами состязания. Ну, скажем, такие. Какой отряд по неожиданному сигналу тревоги быстрее соберется по цепочке? Какой отряд окажется победителем в конкурсе веселых и находчивых? Кто быстрее разожжет костер и сварит компот? Совет дружины сам решит, какими будут эти состязания.

Стоит провести такие же состязания и между отрядами, претендующими на второе и третье места. И даже между теми, кто остался в самом хвосте: это расшевелит ленивых.

А чтобы выявить, кто же сможет представлять район или город на областном, краевом или республиканском слете отрядов-победителей, можно устроить состязания между лучшими отрядами разных дружин района, города.

Пусть же победителями соревнования будут действительно сильнейшие отряды! Пусть поедут в Артек самые дружные, самые находчивые, самые активные ребята!

СПОРТ

8 ВЕСЕННИХ ДНЕЙ

Недавно пришел к нам в редакцию фоторепортер Миша Литвяков и разложил на столе десятка два фотографий.

— Это я снял в соседнем дворе, — сказал он.

На снимках шла всякую веселая шумная игра, целый фоторассказ. Мы выбрали пять фотографий, которые нам больше всего понравились, и показали знаменитому спортсмену Юрию Власову. Вот что он сказал:

— Как весело и хорошо играют эти ребята! Я тоже любил такие игры, когда мне было столько лет, сколько им сейчас. Но-си-шь-ся, как сумасшедший, по двору, строишь из деревянного пулемета, ходишь в атаку, ползешь в разведку, берешь в плен «фашистов», сидишь, маскируясь, в засаде... К вечеру так набегался, накричишься, что и голос осипнет и пальцы не гнутся: от снежков, как ледышки, станут.

Из всей этой веселой беготни каждый уносит домой вместе с усталостью незаметные на глаз и все же огромные запасы бодрости и силы.

А знаете ли, откуда они берутся, эти силы? Из воздуха!

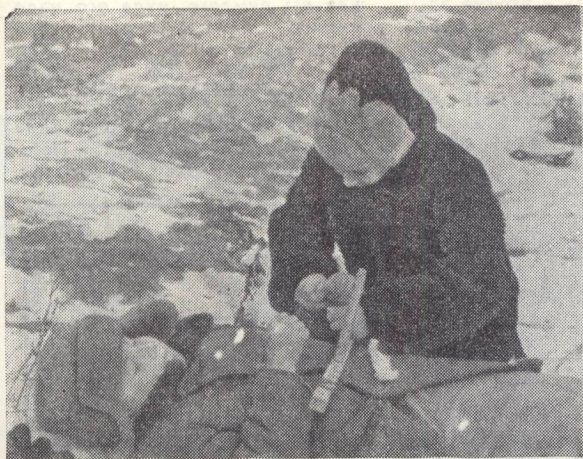
Да, из свежего студеного воздуха, которым ребята надышались во время игры. Воздух промыл их легкие и сердце, пропитал все клетки тела.

Ведь и с вами так бывает! Ничего, что к вечеру у вас гудят ноги, и не гнутся пальцы, и слипаются глаза! Завтра вы проснетесь чу-

На баррикаде.

Если ранили друга...

точку сильнее и крепче, чуточку выносливее и энергичнее, чем были вчера. Воздух подарил вам эту прибавку за то, что вы весь день не разлучались с ним.

Ребята любят спрашивать про всякие спортивные снаряды: гантели, эспандеры, турники, брусья. Только про воздух никто из них не спрашивает. А ведь можно сказать, что это самый необходимый и самый доступный из всех спортивных снарядов. Важно знать, как им пользоваться. Дышим-то мы всегда, но при быстром движении, при усиленной работе мускулов дыхание становится сильнее, глубже, и мы «принудительно» получаем больше воздуха.

Можно для этого ходить на лыжах, бегать на коньках, бегать кроссы, а можно и просто бегать, как бегают все ребята, играя у себя во дворе.

«Фашист» пойман.

У вас в марте восемь свободных дней, весенние каникулы. Воздух, игры, движение— вот вам лучшие спутники на эти дни.

Отдыхайте хорошо!

Отдыхайте весело!

Ваш друг Юрий Власов

Слава победителям.

ТАИНСТВЕННОЕ ПИСЬМО

Бывают же такие удивительные случаи! Очень хотелось на этот раз Пешкину не опоздать на нашу шахматную страницу. И все-таки снова опоздал. Правда, на этот раз причина у него была уважительная.

Судите сами, друзья. На улице, где расчищали площадку для строительства нового дома, в ковш экскаватора попал вместе с землей небольшой ларец с шахматными клетками на крышке.

Мог ли пройти мимо такой находки Пешкин?! Он дождался, пока открыли ларец. В нем лежали ветхие книги о шахматах. Много лет, видно, пролежал забытый ларец в каком-то подвале, переплеты книг позеленели, а на листках буквы стерлись, никак не прочтешь.

Даже Пешкину не удалось разобратся в одном таинственном письме. Тогда Пешкин решил посоветоваться с вами, ребята. Попробуйте прочитать это письмо и разыграть шахматную партию, которая в нем приведена.

П...аю В... инте..... пар... Над... о. В. погр.....!

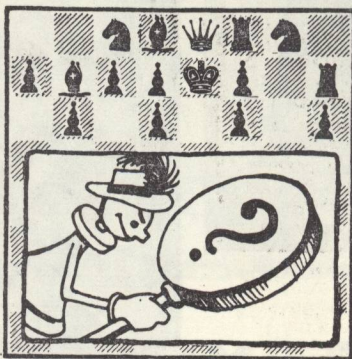
1. e.—e4 e7—.. 2. Kg 1—e2 C.. —c5 3. f2—f4 Ф..—6 4. c2—.. Kb.—. 5. g2—.. K.—6 6. C.—2 K.—4 7.Л.—.1 К... 2 8. f4: e5 Ф. 6: ..+9.C.... 1. К.—3 мат.

Чтобы восстановить эту партию, которой от роду около шестидесяти лет, вам придется призадуматься. Но зато тех, кому удастся

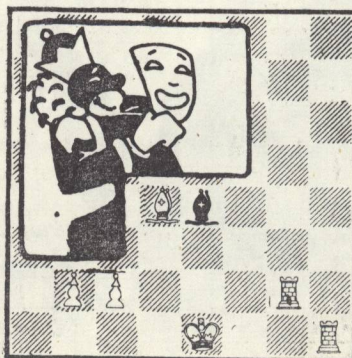
это сделать и решить и другие загадки Пешкина, пожалуй мы грамотами «ферзя и ладьи».

КУДА ИСЧЕЗЛИ ФИГУРЫ!

Посмотрите, ребята, на Пешкина. Что он так старательно ищет?

Даже лупой вооружился. И не мудрено! Ведь на диаграмме нет ни одной белой фигуры и пешки!

Как вы думаете, куда его надо поставить, чтобы белые могли дать ему мат в один ход?

НЕОТРАЗИМЫЙ УДАР

Такое необычное положение создалось в одной из партий Пешкина. Пешкин сразу сообразил,

что здесь скрыта интересная возможность: кто бы ни начинал игру, белому или черному королю не избежать мата в два хода!

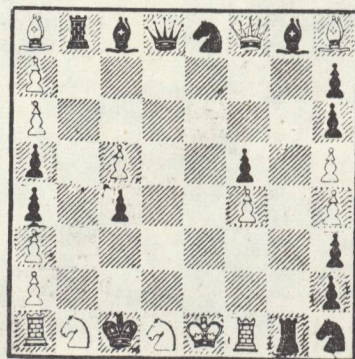
А как вы думаете, друзья: прав ли Пешкин и на этот раз?

ЗАДАЧА БОРИ АРТАМОНОВА

Шестиклассник Игорь, уходя на каток, дал своему младшему братишке шахматы: пусть делом займется.

Когда Игорь вернулся домой, он увидел на шахматной доске вот такую удивительную позицию — это брат так расставил фигуры. Два черных слона почему-то оказались на диагоналях одного цвета.

Только собрался было Игорь смахнуть фигуры с доски, как вдруг ему показалось, что у брата получилась настоящая задача. Стал Игорь проверять варианты. Правильно! Можно заматовать черного короля, и всего в четыре хода.

А вы, ребята, решите эту задачу?

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

В этом плакате все загадочно — и надпись на книге и рамка вокруг нее. Мы долго не могли прочитать этой надписи, пока Всезнай-ка не надушил нас: «А ведь планки-то, из которых составлена рамка, на шарнирах! Они вращаются!»

И правда, вращаются! После этого открытия мы уже легко разобрались в секретах головоломки и расшифровали таинственную надпись на книге.

А вы, ребята, можете прочитать эту надпись?

Г. ЗОТОВ

КАК МЫ ИГРАЛИ В ШАХМАТЫ

Нас было пятеро, играющих в шахматы, и мы решили провести турнир в один круг. Вот наши результаты: Андрей набрал три с половиной очка, Борис и Иван — по два с половиной очка, причем Иван не имел ни одного поражения. О своих успехах я ничего не скажу, так как приведенных сведений вполне достаточно, чтобы

	Андр.	Ол.	Бор.	Ив.	Я	Очки
Андрей						3½
Олег						1½
Борис						2½
Иван						2½
Я						?

полностью восстановить турнирную таблицу, в которой я обозначил себя буквой «Я».

Это и предлагается сделать вам: проставить в клетках турнирной таблицы результаты всех встреч — кто кому проиграл, кто у кого выиграл, какие встречи закончились вничью. Выигрыш — 1 очко, ничья — ½ очка, проигрыш — ноль.

СЛУЧАЙ С НОСОЧКАМИ

У Гали три пары желтых и пять пар белых носочков. В ящике бельевого шкафа они лежат вперемешку. Однажды вечером, когда Галя собиралась в гости и хотела сменить носочки, внезапно погас свет. И спичек под рукой не было.

Но темнота не помеха. Сколько носочков должна была взять Галя из шкафа наугад, чтобы быть уверенной, что среди них окажется два одного цвета?

РАСПИЛЕННЫЙ КУБИК

Большой кубик, окрашенный со всех сторон в красный цвет, распилен на 27 маленьких кубиков одного размера. Посчитайте-ка:

1. Сколько малых кубиков будут иметь по три стороны, окрашенные в красный цвет?
2. Сколько кубиков будут иметь по две красные стороны?
3. У скольких кубиков только одна сторона будет красной?
4. У скольких кубиков не будет ни одной окрашенной стороны?

$$\begin{array}{l} XXI - IV = XXV \\ IX - IX = V \\ XX + X = IX \end{array}$$

Задача 1.

Удивительное дело — что ни пример, то ошибка! Наведи порядок и восстанови везде равенство, переложив в каждом примере лишь по одной спичке.

$$VIII - III = X$$

Задача 2.

Внести поправку в этот пример на вычитание можно тремя способами. Найди их.

ОТВЕТЫ
на задачи,

ПОМЕЩЕННЫЕ
в № 3
ЛЕБЕДЬ, РАК И ЩУКА

Содержание

Давайте выйдем! — Стихи Э. Мошковской. Рисунки А. Брея	1
Капитаны не смотрят назад.—Рассказ В. Крапивина. Рисунки Ф. Лемкуля	2
Шагай по отрядам, выпел! — В. Крючков	12
Руки товарищей.— Стихи Янниса Рикоса. Перевел с греческого В. Слущкий. Рисунки П. Кирпичева	13
С днем рождения, «Пионерчик»! — Н. Богданов	14
Мы из «Пионера». — Рисунки Е. Мигунова	16
«Пионерские известия»	18
Маленький Тим. Непослушная мама.— С. Маршак. Из А. Мильна. Рисунки Э. Булатова, О. Васильева	24
Знамя Коммуны.—Г. Померанцева. Фото В. Анни и С. Карасева	26
Встречи с Джанни Родари.— Нина Аллахвердова. В. Глоцер. Фото И. Гольдберга и Дм. Бальтерманца	27
Страна, где нет ничего острого. Дворец из мороженого.— Сказки Джанни Родари. Перевела с итальянского И. Константинова. Рисунки А. Елисеева и М. Скобелева	30
Про дела пионерские.— Вожатый Сима Соловьев	32
Чудовище подводного каньона.— Научно-фантастический рассказ В. Сапарина. Окончание. Рисунки П. Павлинова	35
Из стихов и рисунков Тараса Шевченко	43
История одного портрета.—Иван Халтурин	45
Кто как под водой движется.—О. Сергеев	49
Ребята дружат с химией.— А. Рудакова. И. Стрелкова	52
Высоковольтные линии.— Стихи Ю. Ковалю	54
Сто вариаций на тему старой сказки. Про эхо.— В. Орлов. Окончание. Рисунки Б. Кыштымова	55
Женя Лютиков.— Ю. Новикова	61
Повесть о славных делах Волли Крууса и его верных друзей — покорителей Метсайыги.— Повесть Вал. Рушкиса. Окончание. Рисунки Н. Носкович	65
Кавалерия в воздухе.— А. Краснов. Линогравюра В. Неклюдова	74
Споры, ссоры и победители.— В. Таборко	75
Спорт	
8 весенних дней.— Юрий Власов. Фото М. Литвякова	76
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович. Рисунки Н. Недбайло	78
В часы досуга	79
На наклейках:	
Крестьянская семья. Пожар в степи.— Картины Т. Шевченко.	
Под охраной человека. — Рисунки М. Митурича.	
Кто как движется под водой. — Рисунки В. Федотова.	
На обложке: «Пионеру» 40 лет.	

Редактор Н. В. ИЛЬИНА.
Художественный редактор П. Кузьмичев.
Редакционная коллегия: Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор З. Семенова.

А 00334. Подписано к печати 22/II 1964 г. Тираж 565 000 экз. Изд. № 390. Заказ № 292.
Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва. А-47, ул. «Правды», 24.

КОЛЛЕКЦИОНИРУЙТЕ МАРКИ НАШЕЙ РОДИНЫ!

**МАРКИ ДЛЯ КОЛЛЕКЦИЙ В БОЛЬШОМ АССОРТИМЕНТЕ
ПРОДАЮТСЯ В МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ.**

Вы можете купить марки по таким темам:

**ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН
ПРОГРАММА КПСС В ДЕЙСТВИИ
ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.
ДРУЖБА НАРОДОВ
ДЕЯТЕЛИ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ
ИССЛЕДОВАНИЕ КОСМОСА
СПОРТ**

**И МНОГИЕ ДРУГИЕ МАРКИ НА РАЗЛИЧНЫЕ ТЕМЫ, А ТАКЖЕ
КАТАЛОГИ, АЛЬБОМЫ, КЛЯССЕРЫ ДЛЯ МАРОК.**

Индивидуальные заказы высылаются по почте наложенным
платежом следующими магазинами:

**Магазин № 111 Москниги
Москва, Ж-4, Большой Факельный переулок, 2/22.**

**Магазин «Марки — почтой»
Киев-4, Красноармейская улица, 40.**

**ОПЛАТА ЗАКАЗА И РАСХОДОВ ПО ПЕРЕСЫЛКЕ ПРОИЗ-
ВОДИТСЯ НА ПОЧТЕ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ МАРОК.**

Главная филателистическая контора.

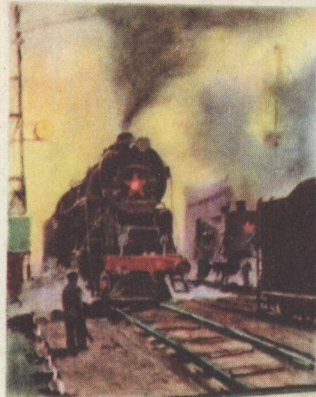
ПИОНЕР

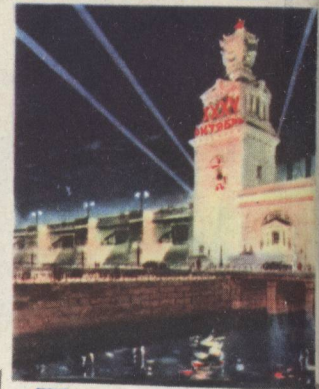
Цена 25 коп.

Индекс 70694

ПИОНЕР

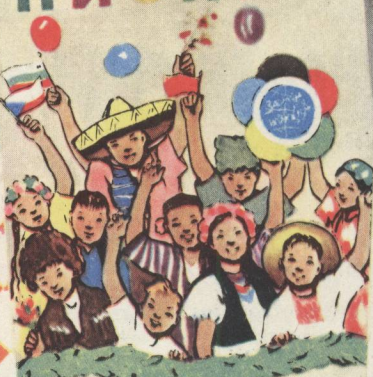
ПИОНЕР

ПИОНЕР

ПИОНЕР

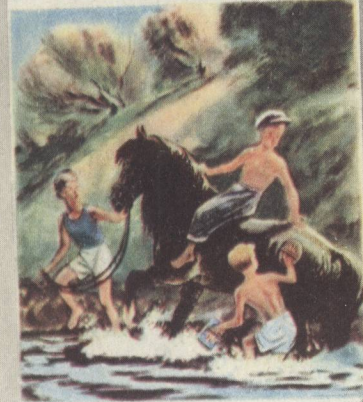
ПИОНЕР

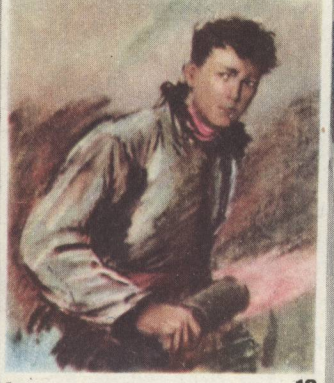
ПИОНЕР

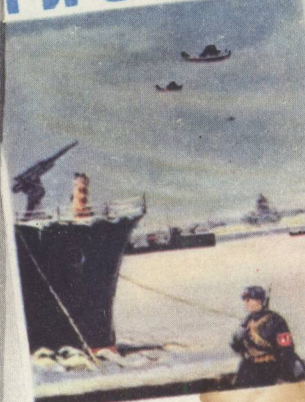
ПИОНЕР

ПИОНЕР

ПИОНЕР

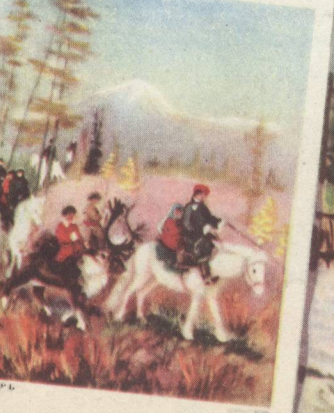
ПИОНЕР

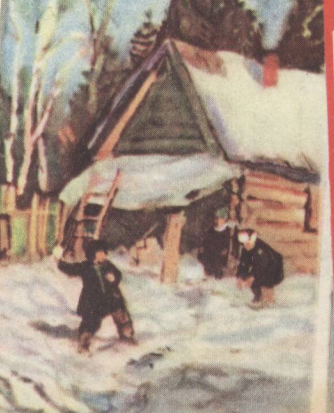
ПИОНЕР

ПИОНЕР

ПИОНЕР

ПИОНЕР

